

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2021. ТОМ 1. №2

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте <https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2021. Том 1. №2

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора 2

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лебедев А.Н.

Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества 3

Ванин А.В.

Массовые беспорядки: психологические
предпосылки, факторы влияния и превентивные меры 18

Неврюев А.Н.

Антиваксеры vs Прививочники:
анализ исследований аттитюдов к вакцинации 31

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гагарина М.А.

Психологические аспекты предоставления денег займа 40

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Волченков Д.

Психология выживания в глобальном обществе риска: модели времени 51

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Новоселов В.М.

Стареющий мир и геронтология 69

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Акопов Г.В., Белоус А.В.

Внутренняя коммуникация личности: типы сознания и осознания 79

Панфилова А.С.

Что определяет удовлетворенность
близкими отношениями? Обзор и мета-анализ 86

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Дорогие читатели и коллеги!

2021 год заканчивается выходом в свет второго номера нашего журнала. Очень надеюсь, что вы обязательно найдете в нем что-то интересное для себя. Часть представленных публикаций подготовлена непосредственно по материалам работы Академического дискуссионного клуба ИПРАН. Теперь мы понимаем, что идея совмещать публикацию научных статей в журнале с работой дискуссионного клуба была правильной, и мы обязательно будем это продолжать. Так, например, три публикации в этом номере выполнены активными участниками заседаний дискуссионного клуба: профессором Д. Волченковым (г. Лаббок, США), который выступал с докладом по проблеме выживания в условиях неопределенности, профессором Г.В. Акоповым (г. Самара) – постоянным участником дискуссий по проблемам сознания (статья в соавторстве с А.В. Белоус) и главным врачом АНО «Научно-медицинского геронтологического центра» В.М. Новоселовым (г. Москва), принявшим активное участие в дискуссии по психологическим проблемам трансгуманизма и продления жизни.

В нескольких статьях в этом номере представлены анализ и обзоры литературы по крайне актуальным сегодня для науки и практики направлениям. Так, статья А.Н. Неврюева посвящена психологическим проблемам отказа населения от вакцинации. Статья к.пс.н. А.В. Ванина содержит

детальный обзор материалов по проблеме массовых беспорядков, а в статье к.т.н. А.С. Панфиловой представлен обзор и мета-анализ исследований удовлетворенности близкими отношениями.

В статье д.пс.н. А.Н. Лебедева рассматривается проблема ценностной поляризации российского общества, которая может привести к ухудшению его психологического состояния. В публикации к.пс.н. М.А. Гагариной отражены материалы большого эмпирического исследования долгового поведения. Например, показано, что чаще готовы давать деньги в долг те люди, которые сами склонны одалживать у других.

При редактировании статей, следуя академическим традициям, мы старались в максимальной степени сохранить авторский стиль материалов и предоставить авторам выражать их мысли так, как они считают нужным.

Дорогие друзья, от имени редколлегии журнала разрешите поздравить вас с Новым 2022 годом и пожелать в новом году оригинальных научных идей, интересных результатов и публикаций!

С наилучшими пожеланиями,
главный редактор журнала
«Ученые записки Института психологии РАН»
Лебедев Александр Николаевич

Социальная психология

ФЕНОМЕН ЦЕННОСТНО-АФФЕКТИВНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,

lebedev-lubimov@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (грант №21-011-31400 опп
«Феномен ценностно-психологической поляризация населения и проблема
стабильности-нестабильности российского общества»)

В статье рассматривается социально-психологический феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества, история изучения поляризации в социальной психологии, специфика проявления в малых и больших социальных группах. Предложена модель и описан психологический механизм возникновения ценностно-аффективной поляризации в обществе на основе высших социальных эмоций – чувств стыда, гордости и собственного достоинства. Утверждается, что основными источниками ценностно-аффективной поляризации в настоящее время в нашей стране являются ток-шоу центральных телевизионных каналов (политические и другие) и социальные сети Интернета. Для теоретического обоснования предложенной модели рассматривается значение понятий: ценностные суждения, аффект неопределенности и высшие социальные эмоции.

Ключевые слова: личность, групповая поляризация, ценностно-аффективная поляризация, малые и большие социальные группы, ценностные суждения, аффект неопределенности, высшие социальные эмоции, чувства стыда, гордости, собственного достоинства

Введение

В социальной психологии второй половины XX века при изучении дискуссий и группового принятия решений подробно изучались два феномена. Первый получил название групповой нормализации, а второй – групповой поляризации [6, 11, 12, 31]. Было замечено, что в одних случаях в процессе обсуждения тех или иных спорных вопросов, неоднозначных тем или проблем первоначально разнородные и даже экстремальные позиции участников могут сглаживаться и при завершении дискуссии формулироваться в виде общего усредненного мнения, которое разделяют все члены группы. В других случаях мнения чле-

нов группы существенно расходились и группировались вокруг двух противоположных полюсов. Тогда говорили о групповой поляризации мнений.

Иногда использовался термин – биполяризация группы, однако подчеркивалось, что это лишь частный случай групповой поляризации, поскольку в больших по численности группах биполяризация происходит не сразу – для этого требуется время, пропорциональное размерам групп и скорости обмена информацией. Поэтому быстро биполяризация происходит лишь между какими-либо двумя подгруппами. Их стали называть «меньшинством». В этом случае основная масса

людей – «большинство» – занимает промежуточную позицию, примыкая то к одной группе, то к другой, или вообще не имеет никакого собственного мнения по спорному вопросу.

Чем больше по численности группа, тем больше вероятность, что первоначально при обсуждении спорного вопроса она разделится не на две полярные, а на три подгруппы. При этом, если группа полностью становится биполярной, то внутригрупповой конфликт без существенных затрат и специальных мероприятий чаще всего преодолеть не удастся, и поляризация принимает аффективную форму [15, 18-20, 42].

На ранних этапах исследований вместе с термином «групповая поляризация» использовали термин «групповая экстремизация». Однако позже, когда феномен стал широко обсуждаться в смежных с социальной психологией науках (социологии, политологии, культурологии, политической психологии и пр.), чтобы избежать излишней детализации и терминологической путаницы, различия в этих терминах стали игнорировать и устойчивое употребление осталось за понятием групповой поляризации, что позволяло говорить о разных типах проявления поляризации мнений.

Психологические механизмы поляризации малых социальных групп

Известно, что исследования данного феномена начали проводиться в малых социальных группах на рубеже 60-70-х годов XX века во Франции под руководством французского социального психолога С. Московиси [31]. Для объяснения феномена поляризации создавались различные модели. Так в соответствии с одной из них, которая получила название «когнитивной», поляризация возникает вследствие сугубо информационного влияния членов группы друг на друга. Утверждалось, что во время обмена мнениями знанием оппонентов как бы складываются в один общий «банк информации». Когда у участника дискуссии формируется мнение, он заимствует информацию из этого «банка» и подкрепляет его доказательствами, которые предъявляет аудитории уже как собственные.

Если участник обсуждения первоначально не имел мнения и не мог воздержаться от дискуссии, он обычно занимал ту позицию, которая казалась

ему более убедительной. Далее он настойчиво защищал ее, формулируя необходимые для этого аргументы и игнорируя доводы противоположной стороны.

При анализе данной модели говорили о так называемом «контрастно-ассимилятивном эффекте», который проявлялся в том, что оценка аргументов конкретного члена группы зависела от точки зрения тех, с кем он дискутировал. В рамках этой модели обмен информацией и когнитивные процессы считались более важными для формирования поляризации, чем, например, отношение людей друг к другу [3, 6].

В рамках другой модели – «нормативной», на основе которой также объясняли поляризацию мнений, исследователи говорили о ведущей роли идентификации человека с группой, то есть обращали внимание на характер взаимоотношений дискутирующих. Отмечалось, что, желая добиться расположения тех, с кем члены группы себя идентифицировали, они старались как можно сильнее подчеркнуть разногласия и различия во взглядах на проблему. При этом участники дискуссии занимали позицию тех, кого считали «своими», независимо от каких-либо аргументов и логики. Желание понравиться другим людям и быть принятым «своими» способствовало тому, что человек выдвигал более жесткие аргументы, и это также приводило к усилению групповой поляризации [40].

Однако самым интересным для экспериментаторов оказалось то, что людям, у которых складывалось устойчивое мнение по спорным вопросам, не удавалось убедить оппонентов изменить их точку зрения. Более того, они и свою точку зрения не меняли. То есть в условиях поляризации человек, занявший определенную позицию и публично заявивший о ней, никогда от нее не отказывался. Он лишь «убеждался в собственной правоте» [33]. При этом именно публично высказанное мнение, получение одобрения единомышленников и критика оппонентов играли здесь определяющую роль.

Многие авторы, изучая почему люди не желают отказываться от собственной точки зрения, выдвигали ряд гипотез. В частности, рассматривалось понятие предвзятость подтверждения (confirmation bias) – тенденция человека искать и

интерпретировать такую информацию или отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его взглядами [36]. Это объяснялось когнитивным искажением (систематической ошибкой индуктивного мышления).

Было установлено, что эффект проявляется сильнее в отношении «эмоционально значимых вопросов и глубоко укоренившихся убеждений». Склонность к подтверждению влияет на излишнюю самоуверенность человека в собственных суждениях и усиливается при получении доказательств обратного тезиса. По данным некоторых авторов именно такие когнитивные искажения часто способствуют неудачным политическим и организационным решениям [28, 34, 39].

Изменение мнений в условиях поляризации становится возможным лишь в исключительных случаях, например, когда субъекты испытывают сильное социальное давление со стороны третьих лиц или когда их мотивация меняется под воздействием предлагаемых выгод. В этом случае оппоненты могли заявить о принятии противоположной позиции, а затем постепенно убеждали себя в том, что это их собственное решение. Причем некоторые не ограничивались конформизмом, а начинали в это искренне верить и часто отрицали свое первоначальное несогласие.

Изучая данный феномен, В.Дуаз обнаружил, что поляризация мнений членов группы может возникать и в том случае, если они реагируют на мнения оппонентов вне группы. При этом их собственные мнения становились для них еще более важными и поэтому могли оказаться весьма радикальными по отношению к обсуждаемой проблеме [16, 17].

Исследования групповой поляризации и роли «меньшинства – большинства» в группе постепенно приобрели в работах С. Московиси форму некоей стройной теории, характеризующей конфликтную составляющую групповой динамики, и постепенно он начал рассматривать возможность применения данной модели к большим социальным группам [30, 31].

С. Московиси подчеркивал, что меньшинство в группах всегда обладает «большой новизной», нежели большинство, поэтому оно демонстрирует и более сильное влияние на группу в целом. Вследствие этого, считал С. Московиси, именно

меньшинство способствует любым социальным инновациям и переменам. В свою очередь, поляризованное меньшинство является источником и причиной многих конфликтов в группе. Особенно ярко, по его мнению, это проявляется в больших социальных группах и даже может распространяться на население какой-либо страны, где возникают благоприятные условия для данного феномена.

Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп и причины ее возникновения

За последние полвека в социальных науках, включая социальную и политическую психологию, резко возрос интерес к различным видам поляризации больших групп [15, 18-20, 22, 24, 26, 27, 37, 41, 42]. Во многом это связано с глобальными социальными, экономическими и политическими процессами, которые происходят в мире.

При изучении социально-психологических явлений в больших социальных группах наибольший интерес представляет явление так называемой ценностно-аффективной поляризации [6, 11, 12]. Этим термином мы обозначаем ситуацию, которая возникает в условиях непосредственного и опосредствованного общения, а также взаимодействия людей, в результате чего различия в их взглядах на социально значимые экономические, политические, социокультурные и другие вопросы могут группироваться возле двух противоположных ценностных полюсов. Очевидно, что ценностно-аффективная поляризация в настоящее время наиболее актуальна в связи с противоречиями, которые возникают в обществе и могут препятствовать его политической стабильности.

Ценностно-аффективная поляризация парадоксально обусловлена, с одной стороны, наличием демократических свобод, позволяющих высказывать разные точки зрения, с другой – их ограничением. При чрезмерной объективной поляризации общества, например, экономической или политической, возможны негативные социальные потрясения. Однако, например, умеренная поляризация, по мнению ряда зарубежных ученых – это скорее положительное условие для его развития [20, 24].

Если мы попробуем проанализировать психологическую поляризацию в больших группах, то вполне возможно не найдем оснований для тех объяснительных когнитивных моделей, которые рассматривались при изучении данного феномена в малых социальных группах. Здесь работают более сложные механизмы. Чтобы изучить их нужно рассмотреть несколько важных понятий. Это понятия ценностного суждения, аффекта неопределенности и высших социальных эмоций.

Природа и поляризация ценностных суждений. Есть много определений, которые употребляются вместе с термином «поляризация». Почему мы говорим именно о ценностно-аффективной? Определение «ценностная» наиболее точно отражает начальный этап психологической поляризации в больших социальных группах, поскольку явления, которые носят ценностный характер, по мнению многих философов и ученых, не могут рассматриваться с позиции: «истинно – ложно», даже когда речь идет о некоем реально существующем объекте, процессе или явлении.

В этих условиях известными научными методами чаще всего невозможно доказать, как будет «на самом деле» или как «должно быть на самом деле». Например, такие ситуации сплошь и рядом встречаются в ситуациях морального выбора. В частности, это известный философский парадокс Канта-Констана, который лег в основу целого направления в экспериментальной психологии и получил название «парадокса вагонетки» [10, 13]. Здесь нет объективного решения, так как невозможно логически или как-либо иначе доказать, как именно следует поступить в данной ситуации и как будет «правильно».

В наиболее общем виде это оказывается ближе всего к проблематике экзистенциальной философии и психологии. То есть «решение» задачи, в основе которой лежит данный парадокс, такое: каждый субъект делает свой собственный выбор, существует с ним и несет ответственность перед собственной совестью, а также перед законами, нормами и традициями общества, представителем которого является. При изменении общества могут меняться критерии оценки «правильного или неправильного». В нашей стране это происходило несколько раз, в частности, в 1917 году и в 90-х

годах XX века. Например, в политологии и политической психологии невозможно однозначно ответить на вопрос: какую форму организации людей следует считать не только наилучшей и эффективной, но и «правильной» – эгалитаризм или жестко заданную сословность или даже кастовость? Что является «наиболее правильным» – свобода любой отдельной личности в ущерб большинству или принцип: «человек обязан жертвовать личным благополучием ради интересов общества»? То есть однозначного критерия «правильного или неправильного» в ситуации, где употребляется термин «ценностный» чаще всего не существует. Отсюда конфликты между людьми: от философских или идеологических дискуссий до политических баталий и религиозных войн.

Например, всем надоевший вопрос: «Чей Крым?» при опросах больших групп очень разных людей в Интернете, часто не получает однозначного ответа. Одни говорят, что Крым российский (по факту). Другие – что он украинский (по международному законодательству). Третьи утверждают, что он должен принадлежать крымским татарам (ссылаются на подавляющее количество татарских названий населенных пунктов в Крыму). Четвертые доказывают, что он принадлежит тем, кто там сейчас живёт, и они должны быть независимыми и т.д., и т.п.

Однако с точки зрения психологии ценностных суждений, любой ответ на этот вопрос здесь теоретически возможен. То есть оценки «правильно – неправильно», «истинно – ложно» приобретают значение для практических выводов лишь в рамках определенных систем ценностей. В этом случае системные или «сверхчувственные» свойства объектов (в терминологии раннего К.Маркса) будут существовать лишь в этих семиотических системах и до тех пор, пока эти системы существуют или пока все спорящие не придут к единому мнению, что на практике чаще всего не выполняется.

С ценностной проблематикой мы также сталкиваемся, когда не представляется возможным количественно измерить или выразить в каких-либо измеряемых величинах то, что доступно и

понятно нам лишь интуитивно или на качественном уровне, например, на уровне эмоционального переживания или отношения.

Учитывая, что представления о чем-либо формируются у каждого человека на основе неполной информации, то есть в условиях информационной неопределенности, становится очевидным, что любое категоричное заявление может вызвать реакцию непонимания и критику.

Аффект неопределенности. Понятие аффекта неопределенности рассматривалось нами в ряде публикаций на другие темы [2], однако оно оказывается очень уместным и при анализе проблемы групповой поляризации. Во-первых, следует отметить, что в настоящее время в зарубежной литературе, посвященной феномену поляризации, чаще всего говорят именно об аффективной поляризации, которая характеризует взаимную враждебность, например, представителей двух ведущих политических партий США – республиканской и демократической [42].

Во-вторых, очевидно, что в условиях обмена ценностными суждениями возникает ситуация неопределенности, которая проявляется в невозможности доказать оппонентам собственную правоту, поскольку такие объективные доказательства отсутствуют, и это постепенно начинают понимать представители обеих противодействующих сторон. Очень часто именно невозможность доказать свою правоту и нежелание противников признать ошибку вызывает у представителей поляризованных групп аффективные реакции.

Политолог и политический психолог из Нидерландов Е. Хартевельд предлагает различать два типа поляризации: «идеологическую» и «аффективную». По мнению автора, идеологическая поляризация в обществе – это фактические разногласия, полярные взгляды. Аффективная поляризация – это ярко эмоционально окрашенная враждебность между социальными группами. В американской политологической литературе такой вид поляризации часто обозначают термином «partisan animus» [22, 35]. По данным Е. Хартевельда эти два феномена не имеют значительной корреляции [23].

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что понятие ценностной поляризации отражает

лишь различные взгляды людей на основные стороны их жизни в обществе (мировоззрение) и совсем не обязательно проявляется в открытой враждебности. Она может существовать достаточно долго, например, пока политизированное меньшинство не начнет свою активную политическую деятельность [21]. Будучи втянутыми в политические конфликты (в терминах концепции С. Московиси – борьбы «меньшинства» за власть), люди в обществе первоначально могут иметь как во многом совпадающие, так и совсем не совпадающие взгляды.

Высшие социальные эмоции. Под высшими социальными эмоциями понимают чувства, которые проявляются лишь в условиях межличностных или межгрупповых отношений. Такие чувства у людей не возникают по отношению к неживым объектам и редко возникают по отношению к животным [25]. Это чувства гордости, стыда, вины, долга, доверия, ответственности и другие. Очевидно, что в основе этих психических состояний лежит некое объединяющее начало, которое чаще всего называют чувством собственного достоинства. Данное понятие является очень важным, поскольку именно такие чувства и создают условия, которые делают поляризацию крайне опасной для психологического состояния общества [1, 3, 6].

Следует отметить, что недостаточное внимание к социально ориентированным эмоциям (чувствам) является самой недооцененной темой как в отечественной, так и зарубежной социальной психологии и прежде всего – в ее экспериментальной части. Действительно, если мы рассмотрим классические социально-психологические эксперименты, например, М. Шерифа, С. Аша, Ф. Зимбардо, С. Милграма, С. Московиси, Л. Фестингера, Дж. Стоунера и других, то обнаружим, что когнитивные объяснительные модели во многих случаях дают недостаточно полные объяснения тем или иным явлениям.

Так, например, результаты исследований показывают, что одна и та же информация может воздействовать с большим эффектом, если она получена от похожих на членов группы посторонних лиц. Но она оказывала меньший эффект, если исходит от «непохожих посторонних», не обладающих авторитетом [32].

В исследованиях С.Аша конформизм в принятии решений всегда тесно связан с нежеланием подвергнуться социальным санкциям и пережить унижение и стыд. В известном эксперименте Ф.Зимбардо студенты – «тюремщики» испытывали состояние превосходства, унижая своих одноклассников, а студенты – «заклученные» – не только беспомощность, но и чувство стыда от того, что их унижают, а они ничего не могут с этим поделать.

В знаменитом эксперименте С.Милгрема с «наказанием электрическим током» испытуемые не могли выбрать между стыдом, который испытывали, причиняя боль «ученику», и стыдом перед экспериментатором за свою неспособность следовать инструкции. Даже в эксперименте Дж.Стоунера со «сдвигом к риску» у испытуемых проявлялось желание продемонстрировать свои способности и испытать чувство гордости при высказывании оригинальных идей о выборе наиболее эффективной хирургической операции, пусть и более рискованной [29].

Любое соревнование в любых социальных группах не может рассматриваться только с точки зрения некоего обобщенного когнитивного подхода. В частности, Д.Майерс и Г.Ламм пишут, что, соревнуясь с другими, люди часто принимают более крайние взгляды, чтобы выглядеть лучше других [32].

Любое соревнование теряет смысл, если оно лишается эмоционального подтекста, то есть возможности избежать стыда поражения и пережить состояние гордости в результате выигрыша. В целом в социальной психологии трудно даже представить себе ситуацию, в которой не было бы эмоциональных переживаний, связанных чувством собственного достоинства.

И теоретикам психологии, и практикам до сих пор не совсем ясно, как формируются социальные чувства в процессе развития личности, как они влияют на процесс ее саморазвития и пр. [7]. Почему, например, человек стыдится каких-то своих или чужих поступков («испанский стыд»), а какие-то вообще не вызывают у него никаких эмоциональных реакций.

История социальной психологии личности знает немало теорий и моделей, авторы которых пытались описать динамику переживаний стыда и

гордости, рассматривая для этого различные понятия: «фасилитация», «ингибция», «самооценка», «Я концепция», «образ Я», «уровень притязаний», «социальное сравнение», «самоуважение», «самолюбие», «самоактуализация», «самовыражение», «самопрезентация», «личностная идентичность» и пр. [7, 32, 38].

Если в начале исследований феномена групповой поляризации мнений преобладали когнитивные модели, иллюстрирующие, как и почему она возникает, то в настоящее время все большее число авторов склоняется к тому, что в качестве психологического механизма следует рассматривать некую объединенную когнитивно-аффективную модель, которая наиболее полно объясняет данное явление особенно на уровне больших социальных групп. И здесь ведущая роль должна быть отведена высшим социальным эмоциям – чувствам, и прежде всего – чувству собственного достоинства.

Сложность изучения данного явления состоит прежде всего в том, что большинство обычных людей чаще всего испытывает огромные трудности в том, чтобы признать свою ошибку, несостоятельность, слабость, вину и пр. Переживания, связанные с чувством стыда, травмируют психику и вытесняются либо за пределы сознания, либо на его периферию. Бывает людям стыдно даже вспоминать о пережитом стыде, поэтому они с большой неохотой делятся такими воспоминаниями не только с близкими, но даже с психоаналитиком или психотерапевтом. Исследовать подобные эмоциональные состояния в условиях лабораторных экспериментов крайне сложно, поэтому в психологии такие исследования, особенно количественные, являются большой редкостью, а их валидность, надежность и правильная интерпретация не всегда очевидны [9].

Травмирующие переживания, связанные с чувством стыда от собственных просчетов или унижения со стороны других людей, создают сложные психологические барьеры для рефлексии, для понимания того, в чем человек оказался не прав. Полная утрата чувства собственного достоинства в результате сложившихся жизненных обстоятельств, публичного унижения или насильственных действий – чаще всего губельна для личности. Она приводит не только к возникновению

комплексов неполноценности и неврозов, но во многих случаях – к аффективному поведению и агрессии.

Большинство психологов согласиться с тем, что чувственные переживания изучать намного сложнее, чем, например, психические процессы, поскольку зачастую у них полностью отсутствует некое общее для всех людей предметное содержание и каждый человек в отдельности описывает свои эмоции субъективно в рамках своих вербальных способностей. Это хорошо видно на примере восприятия предметов и продуктов искусства – здесь один человек может искренне чем-то восхищаться, а другому то же самое покажется неинтересным и не вызовет никакого восторга. Поэтому в психологии существует некая неразбериха с явлениями чувственного переживания, а любые типологии и классификации – во многом результат научной инициативы и интуиции отдельных авторов.

Например, мы не можем точно определить: является ли гордость чувством противоположным стыду или это самостоятельное эмоциональное состояние. Так, например, К.Изард внес чувство стыда в свой список базовых эмоций, но в этом списке отсутствует чувство гордости [25]. В условиях дискуссии или ожесточенного спора человек, испытывающий излишнюю гордость, проявления которой очевидны и заметны и ему самому, и оппонентам, в случае логичного опровержения его аргументов или преднамеренного оскорбления противниками испытывает намного больший стыд, чем человек, который во время спора не стремился продемонстрировать свою компетентность или превосходство над окружающими. И почему это происходит, определить крайне сложно.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что во многом ценностно-аффективная поляризация в российском обществе и поведение тех, кто настроен по отношению к власти оппозиционно, определяется тем, что граждане, оказавшись в непростых жизненных ситуациях, переживают чувство ущемленного собственного достоинства, на которое власть, по их мнению, не обращает никакого внимания, а в ряде случаев несет за это прямую ответственность.

Именно поэтому резонансные высказывания отдельных представителей власти вызывают негативные реакции многих людей по отношению к власти в целом. Такие знаменитые и необдуманно брошенные фразы, как «цена на макарошки не повышается», «государство не просило вас рожать» или «денег нет, но вы держитесь» воспринимается как унижение, оскорбление, вызывает у людей протест и усиливает поляризацию общества.

Учитывая, что центральное российское телевидение в основном защищает позицию власти, люди, переживающие ущемленное чувство собственного достоинства, выражают свое отношение к ней прежде всего в Интернете. Находя единомышленников и обсуждая с ними свои мысли и чувства, пользователи социальных сетей также неизбежно усиливают поляризацию общества.

Таким образом, основные триггеры ценностной поляризации в нашей стране сегодня – это средства массовой информации и коммуникации и прежде всего – политические телевизионные ток-шоу центральных телевизионных каналов и социальные сети, обеспечивающие обмен информацией между пользователями (дискуссионные площадки). При этом наибольший эффект поляризации проявляется не в борьбе оппонентов друг с другом (одного меньшинства с другим меньшинством), а в борьбе того и другого меньшинства за политически неактивных зрителей, то есть за «большинство» [6, 30].

Многочисленные политические ток-шоу, где их ведущие без всякого осуждения со стороны руководства телеканалов, их владельцев и компетентных органов позволяют себе многочисленные оскорбительные выпады в отношении людей и идей, которые считают оппозиционными, что в значительной степени способствует усилению ценностно-аффективной поляризации [5, 8].

В 2002 году американская исследовательская компания SIA изучала групповую поляризацию при дискуссиях в Интернет чатах [21]. Результаты показали повышенный уровень групповой поляризации в сравнении со встречами в реальной жизни, что объяснили увеличением количества аргументов. Однако, по нашему мнению, тут скорее работают аффективные механизмы – в Интернете до определенного момента пользователи

могли свободно ругать и хвалить друг друга без какой-либо критики со стороны, осуждения или запретов провайдеров. Позже стало понятно, что на практике это усиливает психологическую поляризацию пользователей и вредит бизнесу. Провайдеры социальных сетей начали накладывать ограничения на оскорбительный или унижающий оппонента контент высказываний.

Ценностно-аффективная поляризации и психологическое состояние общества

Когда социальные психологи, изучающие конфликты или работающие на практике с целью их устранения, впервые сталкиваются с какими-либо разногласиями групп или отдельных людей они никогда не знают наверняка причин, которыми вызваны эти разногласия. Ситуация может определяться незначительными различиями в точках зрения людей по малозначимым для них вопросам, но может оказаться внешним проявлением давно сложившейся и очень устойчивой групповой поляризации. В первом случае конфликт может быть устраним простыми средствами, во втором проблема вообще может не иметь какого-либо решения и потребуются внешнее вмешательство. Причем чем сильнее поляризация группы, тем по большому количеству вопросов будут разногласия между ее членами.

Например, люди из политически нейтрального «большинства» спорят в Интернете: «Правомерно ли при уровне технологий XXI века посылать в космос актеров, чтобы снять там художественное кино, ведь это можно сделать на киностудии за гораздо меньшие деньги?». В этой ситуации аргумент о «роли формирования интереса к науке и космосу у населения и особенно у молодежи» может оказаться весомым аргументом для спорящих. Также для многих убедительным окажется аргумент, что «данный проект привлекает внимание мировой общественности к достижениям России и способствует ее положительному имиджу».

Однако очевидно, что оппоненты власти найдут здесь «разбазаривание народных средств», вспомнят о низких зарплатах и пенсиях, о детях с орфанными заболеваниями и далее все пойдет по списку, который отражает весь ценностный вектор аргументов, формирующий негативное отношение к существующей власти.

Таким образом, психологу всегда следует обращать внимание на то, какова природа того или иного конфликта, поскольку именно от этого зависит, в какой степени разногласия будут устойчивыми и что именно следует сделать, чтобы избежать разрушительных социальных, политических или иных последствий и улучшить психологическое состояние общества [4, 6, 14].

Например, известна ситуация о разногласиях при решении вопросов о возвращении памятника Ф.Э. Дзержинскому на Лубянскую площадь в Москве или о выносе тела В.И. Ленина из мавзолея. Казалось бы, в первом случае против будут лишь те, кто осуждают сталинские репрессии, а во втором должны будут возмутиться сочувствующие КПРФ и противники развала СССР.

Однако концепция ценностно-аффективной поляризации свидетельствует о том, что противников в принятии данных решений окажется намного больше, чем можно предположить, поскольку в стране сформировались только два противоположных ценностных полюса, которые объединили людей с разными взглядами. На противоположных ценностных полюсах сегодня можно обнаружить людей из совершенно разных социальных слоев. И в этих группах окажутся верующие и атеисты, малоимущие и хорошо обеспеченные люди, малообразованные и малокультурные и имеющие хорошее образование и т.д., причем с одной и с другой стороны.

Таким образом, в результате поляризации мнений когнитивные процессы начинают работать неадекватно. Испытывая чувство ущемленного достоинства, люди игнорируют, а потом и вовсе перестают уделять внимание тому, что противоречит их убеждениям. Они принимают лишь те аргументы, которые подтверждают их позицию. При этом люди, находящиеся по разные стороны от линии противостояния, чаще всего в одинаковой степени мыслят иррационально.

По данным изучения материалов социальной сети Facebook за 2015-2021 годы [5, 6, 8] в число основных направлений ценностно-аффективной поляризации населения России сегодня можно отнести те явления, которые определяются их отношением к: деятельности существующей власти в целом; личности Президента РФ; религии и РПЦ;

влиянию РПЦ на образование детей и науку; состоянию медицины и образования в РФ; роли И.В. Сталина в истории страны; СССР и оценке его значения в мировой истории XX века; культуре «западного мира»; внешней и внутренней политики Правительства РФ; деятельности партии «Единая Россия»; известным политическим фигурам (Горбачев, Ельцин, Зюганов, Жириновский, Чубайс и другие); А.Навальному и борьбе с коррупцией; присоединению Крыма к России; мигрантам в РФ; современному искусству; истории России в целом; Российской империи дореволюционного периода; пенсионной реформе; массовым протестам; политике воспитания патриотизма; роли СССР и других стран в ВОВ; массовой вакцинации и введению QR-кодов и другие.

Основные события и темы, не вызывающие существенной ценностно-аффективной поляризации россиян: отношение к преступности; оценка чрезмерной разницы в уровне жизни очень богатых и очень бедных; необходимость помощи больным детям и пожилым людям; отношение к миграционным процессам в мире; оценка роли полета Ю.А. Гагарина в космос; отношение к поэзии А.С. Пушкина; оценка боевых характеристик АК-47.

В течение последних 5-х лет (с 2017 по 2021 гг.) мы проводим изучение различных характеристик феномена поляризации и отмечаем ее усиление. С учетом различных целей и задач в исследовании в целом приняли участие более 3000 человек, в возрасте от 18 до 72 лет, мужчин 45%, женщин 55%. Если два года назад лишь незначительная часть респондентов соглашалась с утверждением о наличии поляризации общества, то сегодня половина и более респондентов на такие вопросы отвечают утвердительно [1, 3, 4].

В процессе исследований предлагались вопросы для оценки политической, экономической, социальной ситуации в стране, а также – психологической атмосферы в России. В частности, было обнаружено, что респонденты с высокими оценками своего субъективного экономического благополучия значительно чаще оценивают Россию по методике семантического дифференциала Ч.Осгуда, как страну «богатую», «последовательную», «веселую» и «заботливую». Субъективно экономически неблагополучные оценивают ее,

как «агрессивную», «бедную», «противоречивую», «несвободную» и «безразличную». Эти показатели оказываются относительно стабильными с тенденцией к ухудшению.

Социальную ситуацию в России (конфликты между людьми, противоречия между социальными слоями общества и пр.) около 40% наших респондентов оценивают, как «напряженную», и 10% респондентов считают, что она «спокойная». Экономическую ситуацию в стране (уровень жизни, перспективы экономического развития и пр.) около 60% респондентов стабильно оценивают, как «скорее неблагополучную». Как «очень благополучную» оценивают экономическую ситуацию около 10% респондентов. При оценке внешней политики и эффективности государственной службы мнения респондентов также значимо различаются и оказываются полярными.

В 2019 году участникам исследования предлагался специально разработанный опросник для оценки психологического состояния общества. В процессе обработки ответов на вопросы анкеты по оценкам психологической поляризации все респонденты были разделены на три группы с условными названиями «позитивная», «негативная» и «нейтральная». К первой группе были отнесены те, кто проявляет склонность не замечать проблем и ориентироваться на позитивные явления в обществе, «негативная» группа – это те респонденты, которые склонны в большей степени видеть в обществе проблемы и в меньшей степени его достижения. В третью группу вошли респонденты, оценки которых оказались неопределенными.

Анализ результатов показал, что поляризация респондентов сильно связана с их оценками перспективы стабильности российского общества в будущем. Участников исследования просили оценить по 9-ти балльной шкале стабильность российского общества в «этом году», «через год», «через пять лет» и «через 10 лет». Где 1 балл – низкая стабильность, а 9 баллов – высокая стабильность. Часть респондентов первоначальной выборки (около 45%) были опрошены повторно в 2019 и 2020 году. В результате были получены данные, свидетельствующие о том, что прогнозы о стабильности российского общества снижаются. Если в 2019 году респонденты оценивали

«стабильность через год» примерно на 4,6 балла, то в 2020 этот прогноз оценивается в 4,3 балла. В 2019 году прогноз «стабильности через пять лет» оценивался в 4,65 балла, в 2020 году он оценивается в 4,17. В целом было показано, что респонденты из группы «позитивных» более оптимистично оценивают стабильность российского общества в ближайшие 10 лет. Однако оценки имеют тенденцию к снижению как в первой, так и во второй группе.

В 2019 году 46% респондентов не были согласны с утверждением: «то, что делает сегодня руководство страны, полностью способствует улучшению жизни населения». В 2020 году с данным утверждением не были согласны уже 66% респондентов, а в 2021 году - 68%. Социальную ситуацию в России (конфликты и противоречия между людьми, социальными слоями и пр.) в 2019 году 55% респондентов оценили, как «напряженную» и «очень напряженную». В 2020 году так оценили социальную ситуацию уже 68%, а в 2021 году более 70% респондентов. Таким образом, был сделан вывод об определенном ухудшении психологического состояния российского общества в период с 2018 по 2021 гг.

Эти данные свидетельствуют о том, что участники наших исследований осознают наличие в обществе не только ухудшения его психологического состояния, но и поляризации.

Заключение

Российское общество сегодня является ценностно поляризованным с тенденцией к усилению. Явление поляризации все больше начинает осознаваться не только полярными группами (меньшинством), но и политически нейтральной частью населения страны (большинством). Этому способствовали события последних двух лет: некоторые нововведения правительства, в частности, пенсионная реформа, новые законы, принятые Государственной думой РФ, обострение политической борьбы с оппозицией, пандемия корона вируса, ухудшение условий жизни значительной части населения и другие. Ситуация поляризации населения требует внимания и ученых, и практиков. Это крайне необходимо для предотвращения

трансформации ценностной поляризации в поляризацию аффективную, а далее в социальную би-поляризацию.

Литература

1. Гордякова О.В., Андреева Д.Д. Ценностная поляризация общества как фактор его психологического состояния // *American Scientific Journal*. № (40). 2020. С. 24-29.
2. Лебедев А.Н. Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности // *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2014. С. 58-63.
3. Лебедев А.Н. Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // *Человеческий капитал*. №6, 2018. С.58-68.
4. Лебедев А.Н. Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода. М.: Вестник РФФИ. Тематический блок: Фундаментальные проблемы в исследованиях психического здоровья человека и общества. № 4 (104), 2019. С.41-48.
5. Лебедев А.Н. Роль социально-психологических исследований в компьютерном моделировании психологического воздействия в Интернете // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2020. Том 5. № 4. С. 83-109. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwr.2020.17.4.004>.
6. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации / *Социальная и экономическая психология*. №3. 2019. С.22-45.
7. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Высшие социальные эмоции потребителей в системе маркетинговых коммуникаций // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 4(20). С. 218-245.
8. Лебедев А.Н., Занковский А.Н. Самоорганизация групп пользователей социальных сетей и проблема ее имитационного моделирования // *Институт психологии Российской академии*

- наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 175-197.
9. Макогон И.К., Ениколопов С.Н. Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP) // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 118-125.
10. Поддьяков А.Н. Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 1. С. 28-41.
11. Сапронов А.В. Социальная поляризация как характеристика современного российского общества // Известия ЮЗГУ. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 305–309.
12. Сапронов А.В., Крицкая О.А. Особенности социальной поляризации Российского общества // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лабачевского. Серия: Социальные науки, 2013. С. 82-86.
13. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке. Что такое хорошо и что такое плохо? М.: Издательство Института Гайдара. 2020.
14. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИПИ РАН, 2014. С. 92-100.
15. Voxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. 2020. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (дата обращения 11.09.2021).
16. Doise W. Individual and social identities in intergroup relations // *Europ. J. of Soc. Psych.* 1988. V.18. P.99-111.
17. Doise W. Social representations in personal identity // *Social identity: international perspectives* / Ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. N.Y., 1998. P. 13-25.
18. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // *Nature Human Behaviour*. 2021. V.5. P.28-38.
19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. The Political Impact of Affective Polarization: How Partisan Animus Shapes COVID-19 Attitudes. 2020. URL: <https://psyarxiv.com/ztgpn>.
20. Druckman J.N., Peterson E., Slothuus R. How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // *American Political Science Review*. 2013. V.107. № 1. P.57-79.
21. Goren P. Party Identification and Core Political Values // *American Journal of Political Science*. 2005. V.49. №4. P.882-97.
22. Graham M.H., Svoboda M.W. Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // *American Political Science Review*. 2020. V.114. № 2. P.392-409.
23. Hartevelde E., Kokkonen A., Linde J., Dahlberg S. A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government // *European Political Science Review*. 2021. V.13. № 1. P.113-133.
24. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. V.22. №1. P.129-146.
25. Izard C. *The Psychology of Emotions*. N.Y.: Plenum, 1991.
26. Jennings W., Stoker G. The Bifurcation of Politics: Two Englands / *The Political Quarterly*. 2016. V.87. №3. P. 372-382.
27. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / *Frontiers in Political Science*. 2021. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512> (дата обращения 10.08.2021).
28. Kuhn D., Lao J. Effects of Evidence on Attitudes: Is Polarization the Norm? *Psychological Science* (American Psychological Society). 1996. V. 7. № 2. P. 115-120.
29. Milgram S. *The individual in a social world: Essays and experiments*. New York: McGraw-Hill. 1992.
30. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // *Sociometry*. 1969. V. 32. № 4. P. 365-380.

31. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1969. V.12. №2. P.125-135.
32. Myers D., Twenge J. *Exploring Social Psychology*. 9 Edition. NY.: McGrawHill. 2021.
33. Nevryuev A., Gagarina M. After the discussion, I am even more confident in my point of view: An overview of studies of group polarization // *Review of Business and Economics Studies*. 2020. V.8. № 3. P.6-12.
34. Nickerson R.S. Confirmation bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises (англ.) // *Review of General Psychology*. 1998. V.2. №2. P.175-220.
35. Peterson E., Kagalwala A. When Unfamiliarity Breeds Contempt: How Partisan Selective Exposure Sustains Oppositional Media Hostility // *American Political Science Review*. 2021. V.115. №2. P.585-598.
36. Plous S. *The psychology of judgment and decision making*. New York: McGraw-Hill, 1993.
37. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. 2018. V.48. №1. P.1-22.
38. Schmader T., Lickel B. The approach and avoidance function of guilt and shame emotions: comparing reactions to self-caused and other-caused wrongdoing. // *Motivation and Emotion*. 2006. № 30(1). P. 43-56.
39. Sternberg R.J., Halpern D.F. *Critical Thinking in Psychology*. Cambridge University Press. 2019.
40. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization. // *Social Influence*. Vol. 4 (3). 2009. P.185-199.
41. Wagner M. Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. 2021. V.69. P.102-199.
42. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения 09.09.2021)

Статья поступила в редакцию 27.10.2021

THE PHENOMENON OF VALUE-AFFECTIVE POLARIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

© Aleksandr N. Lebedev

Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of personality, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

lebedev-lubimov@yandex.ru

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research (project № 21-011-31400 "The phenomenon of value-psychological polarization of the population and the problem of stability-instability of Russian society")

The article examines the socio-psychological phenomenon of the value-affective polarization of Russian society, the history of the study of polarization in social psychology, the specifics of manifestation in small and large social groups. The psychological mechanism of value-affective polarization in society based on the highest social emotions – feelings of shame, pride and self-esteem is described. It is argued that the main sources of value-affective polarization are talk shows of central television channels and social networks of the Internet. The meaning of concepts: value judgments, the affect of uncertainty and the highest social emotions to substantiate the proposed model is considered.

Keywords: personality, group polarization, value-affective polarization, small and big social groups, value judgments, affect of uncertainty, highest social emotions, feelings of shame, pride, self-esteem

REFERENCES

1. Gordyakova O.V., Andreeva D.D. (2020). Cennostnaya polyarizaciya obshchestva kak faktor ego psihologicheskogo sostoyaniya [*Value polarization of society as a factor of its psychological state*] // American Scientific Journal [*American Scientific Journal*]. № (40). P. 24-29.
2. Lebedev A.N. (2014). Psihologicheskie mekhanizmy social'noj pamyati v usloviyah cennostno-smyslovoj neopredelennosti [*Psychological mechanisms of social memory in conditions of value-semantic uncertainty*] // Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta [*Humanities. Financial University Bulletin*]. P. 58-63.
3. Lebedev A.N. (2018). Indikatory i prediktory psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva [*Indicators and predictors of the psychological state of Russian society*] // CHelovecheskij capital [*Human capital*]. №6. P.58-68.
4. Lebedev A.N. (2019). Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva s pozicii makropsihologicheskogo podhoda [*The psychological state of society from the standpoint of the macropsychological approach*]. Moscow: Vestnik RFFI. Tematicheskij blok: Fundamental'nye problemy v issledovaniyah psihicheskogo zdorov'ya cheloveka i obshchestva [*RFBR Bulletin. Thematic block: Fundamental problems in research on human and social mental health*]. № 4 (104). P.41-48.
5. Lebedev A.N. (2020). Rol' social'no-psihologicheskikh issledovanij v komp'yuternom modelirovanii psihologicheskogo vozdejstviya v Internetе [*The role of socio-psychological research in computer modeling of psychological impact on the Internet*] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*]. V.5. №4. P.83-109. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.004>.
6. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2019). Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva i fenomen psihologicheskoy polyarizacii [*The psychological state of society and the phenomenon of psychological polarization*] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*]. №3. P.22-45.
7. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2020). Vysshie social'nye emocii potrebitelej v sisteme marketingovyh kommunikacij [*Higher social emotions of consumers in the system of marketing communications*] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*]. V.5. № 4(20). P. 218-245.
8. Lebedev A.N., Zankovskij A.N. (2019). Samorganizaciya grupp pol'zovatelej social'nyh setej i problema ee imitacionnogo modelirovaniya [*Self-organization of groups of users of social networks and the problem of its simulation*] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*]. V.4. № 4. P.175-197.
9. Makogon I.K., Enikolopov S.N. (2014). Aprobaciya metodiki izmereniya sklonnosti k perezhivaniyu chuvstv viny i styda (GASP) [*Approbation of the methodology for measuring the propensity to experience feelings of guilt and shame (GASP)*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 4. P. 118-125.
10. Podd'yakov A.N. (2011). Dopustimo li solgat' zloumyshlenniku, chtoby pomeshat' prestupleniyu: analiz istoricheskoy polemiki [*Is it permissible to lie to an attacker in order to prevent a crime: analysis of historical controversy*] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [*Cultural-Historical Psychology*]. V.7. № 1. P. 28-41.
11. Sapronov A.V. (2012). Social'naya polyarizaciya kak harakteristika sovremennogo rossijskogo obshchestva [*Social polarization as a characteristic of modern Russian society*] // Izvestiya YUZGU. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment [*News of the Southern State University. Series: Economics. Sociology. Management*]. № 2. P. 305-309.

12. Saprnov A.V., Krickaya O.A. (2013). Osobnosti social'noj polyarizacii Rossijskogo obshchestva [*Features of social polarization of Russian society*] // Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Labachevskogo. Seriya: Social'nye nauki [*Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Labachevsky. Series: Social Sciences*]. P. 82-86.
13. Edmonds D. (2020). Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke. CHto takoe horosho i chto takoe ploho? [*The task of the trolley. What is good and what is bad?*]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [*Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute*].
14. YUrevich A.V., ZHuravlev A.L. (2014). Kolichestvennaya ocenka psihologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva [*Quantitative assessment of the psychological state of modern Russian society*] // Sovremennaya social'naya real'nost' Rossii i gosudarstvennoe upravlenie: Social'naya i social'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2012 godu. V.1. M.: ISPI RAN. P.92-100. [*The modern social reality of Russia and public Administration: The Social and socio-political situation in Russia in 2012. In 2 vols. V.1. Moscow: ISPI RAS*]
15. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. (2020). Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (date of appeal 11.09.2021).
16. Doise W. (1988). Individual and social identities in intergroup relations // Europ. J. of Soc. Psych. V.18. P.99-111.
17. Doise W. (1998). Social representations in personal identity // Social identity: international perspectives / Ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J.Deschamps. N.Y. P. 13-25.
18. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // Nature Human Behaviour. V.5. P.28-38.
19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. (2020). The Political Impact of Affective Polarization: How Partisan Animus Shapes COVID-19 Attitudes. URL: <https://psyarxiv.com/ztgpn>.
20. Druckman J.N., Peterson E., Slothuus R. (2013). How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // American Political Science Review. V.107. № 1. P.57-79.
21. Goren P. (2005). Party Identification and Core Political Values // American Journal of Political Science. V.49. №4. P.882-97.
22. Graham M.H., Svoboda M.W. (2020). Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // American Political Science Review. V.114. № 2. P.392-409.
23. Harteveld E., Kokkonen A., Linde J., Dahlberg S. (2021). A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government // European Political Science Review. V.13. № 1. P.113-133.
24. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. (2019). The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. V.22. №1. P.129-146.
25. Izard C. (1991). The Psychology of Emotions. N.Y.: Plenum.
26. Jennings W., Stoker G. (2016). The Bifurcation of Politics: Two Englands / The Political Quarterly. V.87. №3. P. 372-382.
27. Jungkunz S. (2021). Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / Frontiers in Political Science. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512> (дата обращения 10.08.2021).
28. Kuhn D., Lao J. (1996). Effects of Evidence on Attitudes: Is Polarization the Norm? Psychological Science (American Psychological Society). V.7. № 2. P. 115-120.
29. Milgram S. (1992). The individual in a social world: Essays and experiments. New York: McGraw-Hill.
30. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. (1969). Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. V. 32. № 4. P. 365-380.
31. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V.12. №2. P.125-135.
32. Myers D., Twenge J. (2021). Exploring Social Psychology. 9 Edition. NY.: McDrawHill.

33. Nevryuev A., Gagarina M. (2020). After the discussion, I am even more confident in my point of view: An overview of studies of group polarization // *Review of Business and Economics Studies*. V.8. № 3. P.6-12.
34. Nickerson R.S. (1998). Confirmation bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises (англ.) // *Review of General Psychology*. V.2. №2. P.175-220.
35. Peterson E., Kagalwala A. (2021). When Unfamiliarity Breeds Contempt: How Partisan Selective Exposure Sustains Oppositional Media Hostility // *American Political Science Review*. V.115. №2. P.585-598.
36. Plous S. (1993). *The psychology of judgment and decision making*. New York: McGraw-Hill.
37. Rogowski J.C. (2018). Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. V.48. №1. P.1-22.
38. Schmader T., Lickel B. (2006). The approach and avoidance function of guilt and shame emotions: comparing reactions to self-caused and other-caused wrongdoing. // *Motivation and Emotion*. № 30(1). P. 43-56.
39. Sternberg R.J., Halpern D.F. (2019). *Critical Thinking in Psychology*. Cambridge University Press.
40. Van S., Lyn M. (2009). Extreme members and group polarization. // *Social Influence*. Vol. 4 (3). P.185-199.
41. Wagner M. (2021). Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. V.69. P.102-199.
42. Wagner M., Russo L. (2021). *Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences*.
URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (date of appeal 09.09.2021)

The article was received 27.10.2021

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

© Ванин А.В.

кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
vaninav@ipran.ru

Осуществлялся анализ психологических предпосылок возникновения массовых беспорядков. В ходе этой работы описана роль традиционных средств массовой информации, социальных сетей, динамика взаимодействия органов правопорядка и протестующих как факторов влияния на характер протестных движений, их перехода из нормативного в ненормативное состояние. Показано, что эмоциональный климат в обществе и психологические установки населения могут выступать прогностическим признаком возникновения будущих акций протеста. Обрисован вектор актуальных и перспективных мер, позволяющих прогнозировать, упреждать и реагировать на угрозу массовых беспорядков.

Ключевые слова: массовые беспорядки, протест, толпа, насилие, психологические предпосылки, превентивные меры, эмоции, установки, средства массовой информации, социальные сети, большие данные

Введение

Под массовыми беспорядками, согласно Статье 212 УК РФ [1], понимается нарушение установленного порядка в публичных местах, совершаемое множеством лиц, сопровождаемое «насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них». В судебной практике при этом отсутствует определение числа «множества», как следствие, оперативными часто выступают понятия толпы и/или коллективного действия.

Близкими к массовым беспорядкам явлениями выступают такие как «бунт», «мятеж», «восстание», включающие протестные настроения с их воплощением в насильственных действиях и противление действию представителей властей, обладающих монополией на применение насилия. Помимо политико-ориентированных несо-

гласованных протестов и мероприятий другими примерами (и причиной) массовых беспорядков выступают стычки на расовой, национальной, конфессиональной почве; в ходе массовых спортивных мероприятий; в местах лишения свободы; в борьбе с технологиями; в ответ на эпидемиологические ограничительные меры. Каждый из перечисленных примеров находит свое отражение в современных исследованиях социально-психологического спектра, прежде всего в рамках таких областей изучения как психология протеста и психология толпы.

Целью настоящей статьи является описание текущего состояния изучения социально-психологических аспектов угрозы возникновения массовых беспорядков с позиции анализа психологических предпосылок их возникновения, актуальных и перспективных средств их нивелирования и предотвращения.

Психологические предпосылки возникновения массовых беспорядков

Участие людей в демонстрациях, протестах, забастовках, блокадах и других явлениях лежат в

основе многих теоретико-ориентированных и эмпирических исследованиях социальной психологии. Каждое из этих явлений может перерасти в полномасштабные массовые беспорядки, они могут контролироваться жестким, военизированным образом или проходить мирно и без инцидентов. На поверхность в контексте рассматриваемой темы выходят следующие вопросы: 1) Что побуждает людей участвовать в обозначенных коллективных действиях? 2) По какой причине изначально мирные политические события могут перерасти в насильственные?

Критическим является различие нормативных и ненормативных действий. Так, структура, предложенная Stephen Wright с коллегами [61], предполагает тройственную дифференциацию: (1) между бездействием и действием; (2) между действиями, направленными на улучшение личных условий (индивидуальное действие), и действиями, направленными на улучшение условий своей группы (коллективное действие); (3) между нормативными действиями, которые соответствуют нормам существующей социальной системы, такими как подача петиций и участие в демонстрациях и ненормативными действиями, нарушающими существующие социальные правила в форме незаконных протестов и актов гражданского неповиновения с элементами насилия (т.е., собственно, массовые беспорядки).

Два фактора могут играть значимую роль в переходе протеста в ненормативную стадию – относительная цена насилия и уровень организации [24]. Под относительной ценой понимаются такие издержки как арест, пытки, смерть при участии в насилии по сравнению с издержками сохранения ненасилия. Когда относительные затраты невелики, протесты привлекают участников, ориентированных на насилие. Под уровнями организации протеста понимается наличие командной иерархии и общая плотность взаимоотношений участников. При наличии лишь слабой связи взаимоотношений и отсутствии четкой иерархии, лидеры протеста изо всех сил пытаются сдерживать и направлять участников, в результате чего протест с большей вероятностью перерастет в насилие. «Эффект контроля» состоит из двух перечисленных факторов – относительные издержки насилия определяют будут ли

участники, изначально ориентированные на насилие, принимать участие в протестах, уровень организации протеста определяет можно ли сдерживать участников, ориентированных на насилие.

Выделяют три мотивационных фактора, оказывающих влияние на готовность участвовать в протестах: (1) инструментальность или ожидаемая эффективность от действий в направлении достижения целей и интересов протестующих; (2) идентификация внутри группы, при этом сильная идентификация и принадлежность к группе увеличивает вероятность участия в коллективных действиях, направленных на поддержку интересов внутри протестующей группы; (3) идеологическая мотивация и ощущение несправедливости, заключающиеся в готовности отстаивать свои убеждения и направлять свое негодование, что особенно ярко проявляется при восприятии неуважения со стороны властвующих структур к нормам справедливости и равенства [42]. Значимыми элементами в контексте третьего фактора отмечаются также моральные нормы [47], моральное убеждение [49] и моральное обязательство [57]. Отсутствие перечисленных факторов или их недостаточная сила в обществе приводит к политической апатии и отсутствию протестов [51].

Важная роль в моделях коллективного действия отводится эмоциям, присутствующим на каждом этапе и в каждом аспекте протеста [40]. При этом ситуационные эмоции имеют прямое отношение к процессу проявления насилия [21]. Так, отмечается, что насилие эмпирически редко, поскольку даже опытные в насилии участники протеста имеют свой порог запрета на него [8]. Насилие возникает только в том случае, если участники преодолевают этот порог запрета в результате эмоциональной динамики. Это преодоление порога включает два шага: во-первых, напряжение и страх достигают высокого уровня; во-вторых, один участник воспринимает свое эмоциональное превосходство над другим (например, правоохранитель над протестующим, или наоборот), что позволяет ему или ей осуществлять насилие. Если эти два шага происходят в определенной временной последовательно-

сти, возникающее насилие будет чрезмерным и необузданным.

Сильные эмоции тесно связаны с действием и вероятно оказывают мощное прямое влияние на реальное поведение, дополняя процесс принятия решения и расчет затрат и выгод от него [32, 44]. И в этом своем качестве эмоции могут играть роль приглушения или усиления существующих протестных мотивов [51]. Так, эмоции могут демобилизовать протестное движение, ведя к его упадку, особенно в тех случаях, когда отчаяние участников усиливают страх перед насилием, изоляцией и ответными действиями со стороны властей [25].

Важным мотиватором участия в протестах выступает групповой гнев [62]. Он побуждает людей устанавливать более сложные отношения с властями, чем подчиненные эмоции, такие как стыд и отчаяние или страх [28, 54]. При этом отмечается связь с ощущением эффективности действий: люди, которые воспринимают внутреннюю группу как сильную, с большей вероятностью испытывают гнев и желание действовать; люди же, которые воспринимают ее как слабую, с большей вероятностью будут испытывать страх ухода от внешней группы [11]. Отмечается существование двух эмоциональных путей протеста: путь гнева, основанный на эффективности, ведущий к нормативным действиям, сопровождающийся также чувством надежды; и путь презрения, когда законные каналы оказываются закрыты и ситуация, рассматривается в качестве безнадежной, актуализирующей стратегию «не-чего терять», что приводит к ненормативному протесту [27].

Поскольку эмоции возникают в ходе межгрупповых отношений и являются реакцией на то, как политические субъекты их интерпретируют, предлагается также такое продуктивное с точки зрения оценки состояния общества понятие как «эмоциональный климат» [10], имеющий значение для прогнозирования коллективных действий [46]. Так, в исследовании Wlodarczyk А. и др. было показано, что участники движения «Возмущенные» («Indignados») на момент описываемых авторами социальных протестов в Испании имели более негативное восприятие эмоционального климата, чем не участники [60].

Аналогично, недавнее исследование Sweetman J. и др. актуализирует роль общей эксплицитной установки по отношению к протестам, которая наравне со всеми перечисленными выше предпосылками может однозначно предсказывать как нормативные, так и ненормативные политические тенденции [53].

Наконец, в качестве предпосылок могут выступать также индивидуальные особенности человека в их взаимосвязи с различным политическим действием. Так, к примеру, черты личности оказывают значительное влияние на политическую идеологию [4], партийную принадлежность [20], явку избирателей [19], результат голосования [48].

Роль традиционных средств массовой информации и (онлайн) социальных сетей

В подавляющем числе западных исследований отмечается, что освещение в традиционных СМИ групп, которые расходятся с общепринятыми нормами, ценностями и убеждениями, ставящих под сомнение существующий порядок осуществляется путем акцентирования внимания зрителей на их «отклонение» и ставится под сомнение легитимность подобных групп [39]. Тем самым с одной стороны средства массовой информации снижают вклад и эффективность протестных групп и в то же время преувеличивают угрозу, которую эти группы представляют для общества [36].

При этом изучение новостного контента демонстрирует, что новостные сюжеты о протестах, как правило, фокусируются на внешних атрибутах протестующих, а не на озвучиваемых ими проблемах, подчеркивают насильственные действия, исходящие от них, а не на критических вопросах самого общества [38]. Подобный вид освещения составляет то, что было названо «парадигмой протеста» [5]. Парадигма протеста лежит в основе большинства новостных репортажей о протестах, что в конечном итоге определяет эти события как «полиция против протестующих», а не как маркеры социальных проблем, требующих общественного внимания [2]. В целом, в рамках парадигмы протеста новостной контент может рассматриваться в качестве сред-

ства общественного контроля, действующего для защиты власти и авторитета политических и деловых институтов [37]. При этом, чем больше протестная группа бросает вызов существующему положению вещей, тем более тесно СМИ придерживаются характеристик парадигмы протеста. Как следствие, освещение новостей приводит к маргинализации протестных групп, особенно тех, которые представляются радикальными в своих убеждениях и стратегиях борьбы.

Социальные сети, в самом широком смысле, как общность связей людей друг с другом также оказывают влияние на участие в протестах, являясь важными каналами для мобилизации, поскольку облегчают доступ к информации и помогают людям взвесить их варианты, возможные издержки и выгоды от участия или неучастия [33]. Когда людей просят участвовать в акциях протеста те, с кем у них есть личная связь, вероятность участия возрастает; когда люди должны принимать решения об участии, они обращаются за руководством к своему социальному окружению [12].

В то время как традиционные СМИ, как было отмечено, имеют явный уклон в пользу действующей власти, онлайн-социальные сети могут предлагать точку зрения в поддержку протестного движения, способствуя также мобилизации его участников [29]. Интернет предоставляет организациям движения платформы для общения со сторонниками и широкой общественностью [16], снижает затраты на координацию и облегчает транснациональные действия [26], расширяет репертуар действий социальных движений [15]. В результате облегчается доступ к большому числу контактов со стороны социальных движений, что позволяет достичь критической массы участников [30].

Предоставляя множество каналов для межличностной обратной связи, признания со стороны сверстников и укрепления групповых норм [43], онлайн-социальные сети способствуют также формированию личной и групповой идентичности, являющиеся ключевыми предпосылками политического и протестного поведения [9]. Вместе с тем современные исследования показывают, что они могут играть значимую роль в экстремизме и радикализации участников протеста,

усиливающих вероятность проявления массовых беспорядков [18].

Динамика взаимодействия органов правопорядка и протестующих

В то время как мотивация, эмоции, идентичность, социальные сети являются важными факторами, которые побуждают людей присоединяться к социальным движениям, они подвергаются проверке, когда протестующие вступают в контакт с действиями со стороны правоохранительных органов.

Власти часто воспринимают крупные события, даже изначально ненасильственные, как угрожающие ее устойчивости, что может приводить к эскалации конфликта, к насильственным взаимодействиям между полицией и протестующими [34]. Так, репрессивные меры со стороны полиции могут провоцировать более высокие уровни протестов [14]. Они же могут укрепить приверженность протестующих и, «узаконивая» насилие в восприятии протестующих, подтолкнуть их к радикальным действиям [31]. Наибольшей радикализации в этом случае подвержены участники протестов с сильной политической солидарностью [22]. При этом отдельные протестующие радикализируются только тогда, когда репрессии воспринимаются ими как морально абсолютно неоправданные, в ответ на это они интегрируются в более тесные сети отношений, поощряющие дальнейшие протесты, а также насильственное сопротивление [56].

Выделяют и другие факторы влияния полиции на общественные движения. Таким фактором, например, выступает время применения мер по подавлению протеста: воздействие репрессий на начальных этапах протестов скорее усиливает приверженность людей уже участвующих в движении и мотивирует будущих протестующих к участию. Репрессии же, которые происходят на более поздних стадиях демонстраций, могут способствовать их затуханию [52].

Влияние действий полиции по принуждению к порядку зависит также от структуры протестного движения. Так, иерархические и строго структурированные протесты, как правило, более подвержены эффекту репрессий (принудительная сила становится более эффективной с устра-

нением немногих людей, находящихся у власти движения), в то время как неиерархические протесты без лидеров, как правило, более устойчивы к действиям по подавлению, что особенно справедливо в случае зарождающихся в Интернете движений.

Помимо этого, следует указать и на такие ситуационные факторы, указывающие на возможность проявления вспышек насилия как размер протеста или форма общественного собрания [6], а также пространство, отведенное каждой стороне во время протеста [41]. В модели социальной идентичности («The Elaborated Social Identity Model (ESIM)»), предложенной в работах Стивена Райхера динамика взаимодействия полиции и протестующих получает дополнительное разъяснение [13]. Так, в его работе демонстрируется, что поведение правоохранителей может изменять социальную идентичность участников протеста, что, в свою очередь, может привести протестующих к восстанию против полиции. Когда полиция принимает принудительные меры против всей толпы в ответ на поведение нескольких участников, умеренные участники начинают более тесно отождествлять себя с «радикальными» участниками толпы, выступающими против полиции.

Как следствие, в работе I. Nylander и K. Granström приводятся практические рекомендации по предотвращению насилия в толпе [23]. Выделяются такие меры как: разоружение, которое ведет к укреплению доверия; организация, которая обеспечивает узнаваемый порядок в других потенциально запутанных условиях; содействие дифференцированному восприятию людей в группе (предотвращение стереотипизации группы, основанной на ненормативном поведении одного из членов). Среди таковых факторов может быть также: соблюдение территориальных границ разделения полиции и протестующих; предотвращение признаков эскалации и распознавание эмоциональной динамики вспышек насилия.

Таким образом, способность измерять настроение толпы, прогнозировать вероятные поведенческие результаты изменений в ее настроении и своевременно вмешиваться, чтобы предотвратить возможные негативные последствия этих

изменений, в значительной степени способствует анализу и мониторингу массовых беспорядков.

Превентивные меры предотвращения массовых беспорядков

На сегодня, сбор и анализ данных социальных сетей, камер видеонаблюдения является частью широкого перехода от «реактивных» к «проактивным» формам управления, при которых государственные органы занимаются анализом больших данных для прогнозирования, упреждения и реагирования в режиме реального времени на ряд социальных проблем, включая угрозу массовых беспорядков [35].

В современных условиях стоит задача создания интеллектуальной системы, осуществляющей мониторинг и анализ поведения большого скопления людей (как в офлайн, так и онлайн пространствах) до и вовремя проведения события, которое имеет потенциал перерасти в массовые беспорядки (например, протестные движения, спортивные мероприятия и т.д.).

Существенными индикаторами потенциальных протестных движений выступают эмоциональный климат в обществе и психологические установки населения. Оба аспекта в той или иной мере могут выявляться в онлайн-социальных сетях. Обработка естественного языка, анализ текста и его тональности являются подходящими инструментами для этого. К действиям, которые могут быть осуществлены заблаговременно может относиться анализ отношения различных слоев населения к политической ситуации, отдельным событиям и органам правопорядка, выявление присутствия протестных настроений. Все вместе это может явиться значимым подспорьем в разработке превентивной системы недопущения угрозы массовых беспорядков.

Активность в социальных сетях может быть отслежена также и во время мероприятия (митингов или народных волнений), что может помочь спецслужбам своевременно предотвращать различные негативные последствия или появление человеческих жертв [58]. Таким образом, мониторинг социальных сетей можно использовать как для построения упреждающей страте-

гии, так и для формирования тактики и реагирования в режиме реального времени.

Мониторинг и отслеживание большого скопления людей утомительны в реальной среде. Толпы имеют высокую тенденцию переходить в аномальное состояние из-за внезапного внешнего давления, такого как выстрелы/пожар поблизости, или внутреннего стресса, когда ситуация часто становится неконтролируемой, а последствия катастрофическими. Использование большого количества камер наблюдения и ограниченные возможности операторов-людей для анализа видеоконтента приводят к необходимости разработки интеллектуальных систем мониторинга толпы с человеческими возможностями. Важными переменными перехода толпы в состояние насилия являются как ее размер, так и преобладающие в них эмоции.

Задача автоматизированного подсчета размера толпы в настоящее время активно решается в компьютерной науке по всему миру, продолжая между тем оставаться достаточно сложной. Основным способом при этом выступают системы видеонаблюдения [7]. Но также существуют попытки получения информации о размере толпы с использованием возможностей компонентов, встроенных в мобильные телефоны. Так, для определения распределения плотности толпы авторы Tofigh F., Mao G. и др. успешно используют точки доступа Wi-Fi [55], в аналогичных целях используется Bluetooth-адаптер [59] и GPS локализация [3].

Разрабатываемые в настоящее время системы, такие как сети для объединения информации с нескольких камер и алгоритмы компьютерного зрения для автоматического мониторинга толпы могут помочь в дальнейшем в решении множества проблем массовых беспорядков. Наибольшую перспективу в этом направлении, с нашей точки зрения, будут иметь системы, позволяющие определять также эмоции в толпе, заблаговременно выявлять тем самым признаки аномального поведения как на основе видеоизображения [45], так и звука [17].

Выводы:

В представленном анализе описаны социально-психологические предпосылки и факторы влия-

ния на протестные движения в обществе, перехода их из нормативного (отсутствие насилия) в ненормативное (наличие насилия, собственно, массовые беспорядки) состояние. Ключевое место занимают мотивация, ряд актуальных эмоциональных состояний протестующих и особенности их личности. Показано, что особый эмоциональный климат в обществе и психологические установки населения могут выступать прогностическим признаком возникновения будущих акций протеста.

Описана роль традиционных средств массовой информации и социальных сетей как факторов влияния на характер протестных движений. В то время как первые имеют определенный уклон в пользу поддержания статус-кво действующей власти, вторые более открыты к поддержке актуальных и потенциальных протестных движений, они также осуществляют мобилизующую роль, способствуют формированию личной и групповой идентичности протестующих.

В качестве фактора влияния рассмотрена также динамика взаимодействия органов правопорядка и протестующих. Показано, что определенные действия, призванных к подавлению протестных движений сотрудников правоохранительных органов способствуют эскалации конфликта и переходу изначально мирного процесса в массовые беспорядки.

Наконец, обрисован вектор перспективных мер, позволяющих прогнозировать, упреждать и реагировать на угрозу массовых беспорядков. Основное внимание в этом направлении может отводиться: (1) мониторингу и анализу онлайн-социальных сетей на предмет выявления особенностей эмоционального климата и психологических установок, сопровождающих появление протестных настроений; (2) анализу эмоционального состояния (включая признаки аномального поведения с фоном агрессии) участников большого скопления людей с использованием интеллектуальной системы наблюдения для своевременного реагирования на угрозу массовых беспорядков. При этом развитие обоих направлений немыслимо вне консолидации усилий представителей психологической и технической областей научного знания.

Литература

1. Статья 212 «Массовые беспорядки» Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.).
2. Baylor T. Media framing of movement protest: The case of American Indian protest // *Social Science Journal*. 1996. №33 (3). P. 241-255.
3. Blanke U., Troster G., Franke T., Lukowicz P. Capturing crowd dynamics at large scale events using participatory GPS-localization. In 2014 IEEE Ninth International Conference on Intelligent Sensors, Sensor Networks and Information Processing (ISSNIP). 2014. P. 1-7.
4. Carney D.R., Jost J.T., Gosling S.D., Potter J. The Secret Lives of Liberals and Conservatives: Personality Profiles, Interaction Styles, and the Things They Leave Behind // *Political Psychology*. 2008. №29 (6). P. 807-840.
5. Chan J.M., Lee C.C. The journalistic paradigm on civil protests: A case study of Hong Kong. In A. Arno, W. Dissanayake (Eds.) *The news media in national and international conflict*. 1984. Boulder, CO: Westview. P. 183-202.
6. Chang P.Y., Vitale A.S. Repressive Coverage in an Authoritarian Context: Threat, Weakness, and Legitimacy in South Korea's Democracy Movement. // *Mobilization: An International Quarterly*. 2013. №18(1). P.19-39.
7. Chrysler A., Gunarso R., Puteri T., Warnars H.L.H S. A literature review of crowd-counting system on convolutional neural network. // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. V. 729(1). P.120-129.
8. Collins R. The Micro-Sociology of Violence. // *The British Journal of Sociology*. 2009. V.60(3). P.566-576.
9. Dalton R., Sickle A.V., Weldon S. The Individual-Institutional Nexus of Protest Behaviour. // *British Journal of Political Science*. 2010. V.40(1). P.51-73.
10. De Rivera J.H. Emotional climate: social structure and emotional dynamics. // In *International Review of Studies on Emotion*, ed. K.T. Strongman. New York, NY: JohnWiley& Sons. 1992. P.197-218.
11. Devos T., Silver L.A., Mackie D.M. Experiencing intergroup emotions. In D. M. Mackie & E. R. Smith (Eds.), *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups*. 2002 Philadelphia, PA: Psychology Press. P. 111-134.
12. Diani M. Attributes, relations, or both? Exploring the relational side of collective action. // *Contributions Nepal. Stud.* 2012. V.39. P.21-44.
13. Drury J., Reicher S. Collective Psychological Empowerment as a Model of Social Change: Researching Crowds and Power. // *Journal of Social Issues*. 2009. V.65(4). P.707-725.
14. Earl J. Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control. // *Review of Sociology*. 2011. V. 37(1). P. 261-284.
15. Earl J., Kimport K. *Digitally enabled social change*. Cambridge, MA: MIT Press. 2011.
16. Forde S. *Challenging the news*. New York, NY: Palgrave MacMillan. 2011.
17. Franzoni V., Biondi G., Milani A. Emotional sounds of crowds: spectrogram-based analysis using deep learning. // *Multimedia Tools and Applications*. 2020. V. 79(47). P. 1-13.
18. Gallacher J.D., Heerdink M.W., Hewstone M. Online Engagement Between Opposing Political Protest Groups via Social Media is Linked to Physical Violence of Offline Encounters. // *Social Media and Society*. 2021. V. 7(1).
19. Gerber A.S. Huber G.A., Doherty D., Dowling C.M. The Big Five personality traits in the political arena. // *Annual Review of Political Science*. 2011. V.14. P. 265-287.
20. Gerber A.S., Huber G.A., Doherty D., Dowling C.M., Raso C., Ha S.E. Personality traits and participation in political processes. // *Journal of Politics*. 2011. V.73. P. 692-706.
21. Goodwin J., Jasper J.M. Emotions and Social Movements. / *Handbook of the Sociology of Emotions*. 2006. P. 611-635.
22. Hirsch E.L. Sacrifice for the Cause: Group Processes, Recruitment, and Commitment in a Student Social Movement. // *American Sociological Review*. 1990. V. 55(2). P. 243.
23. Hylander I., Granström K. Organizing for a peaceful crowd: an example of a football match. *Forum Qualitative Social Research*, 2010. V.11(2). P.26. Available at: www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1462/2968.
24. Ives B., Lewis J.S. From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent // *Journal of Conflict Resolution*. 2020. V. 64(5). P. 958-986.

25. Jasper J.M. Constructing Indignation: Anger Dynamics in Protest Movements. // *Emotion Review*. 2014. V. 6(3). P. 208-213.
26. Juris J.S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements. // *Annals of The American Academy of Political and Social Science*. 2005. V. 597(1). P. 189-208.
27. Kamans E., Otten S., Gordijn E.H. Power and threat in intergroup conflict: How emotional and behavioral responses depend on amount and content of threat. // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2011. V. 14(3). P. 293-310.
28. Klandermans B., Toorn J., Stekelenburg J. Embeddedness and grievances: Collective action participation among immigrants. // *American Sociological Review*. 2008. V. 73. P. 992-1012.
29. Lee F.L.F., Chen H.-T., Chan M. Social media use and university students' participation in a large-scale protest campaign: The case of Hong Kong's Umbrella Movement. // *Telematics and Informatics*. 2017. V. 34(2). P. 457-469.
30. Lovejoy K., Saxton G.D. Information, Community, and Action: How Nonprofit Organizations Use SocialMedia. // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2012. V. 17(3). P. 337-353.
31. Maguire E., Barak M., Wells W., Katz C. Attitudes towards the Use of Violence against Police among Occupy Wall Street Protesters. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 2021. V.14(4). P.883-899.
32. Maitner A.T., Mackie D.M., Smith E.R. Evidence for the regulatory function of intergroup emotion: Emotional consequences of implemented or impeded intergroup action tendencies. // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2006. V. 42(6). P. 720-728.
33. Mannarini T., Roccato M., Fedi A., Rovere A. Six Factors Fostering Protest: Predicting Participation in Locally Unwanted Land Uses Movements. // *Political Psychology*, 2009. V. 30(6). P. 895-920.
34. Martin A.W., McCarthy J.D., McPhail C. Why Targets Matter: Toward a More Inclusive Model of Collective Violence. // *American Sociological Review*. 2009. V. 74(5). P. 821-841.
35. Mayer-Schönberger V., Cukier K. *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*. Boston, NY. 2013.
36. McLeod D.M. Communicating deviance: The effects of television news coverage of social protest. // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1995. V. 39(1). P. 4-19.
37. McLeod D.M. The protest paradigm and news coverage of the 'right to party' movement. In D.A. Schultz (Ed.) *It's show time! Media, politics, and popular culture* (pp. 29-49). New York: P. Lang. 2000.
38. McLeod D.M., Detenber B.H. Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. // *Journal of Communication*. 1999. V. 49(3). P. 3-23.
39. McLeod D.M., Hertog J.K. The Manufacture of 'Public Opinion' by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. // *Discourse & Society*. 1992. V. 3(3). P.259-275.
40. Musgrove L., McGarty C. Opinion-Based Group Membership as a Predictor of Collective Emotional Responses and Support for Pro- and Anti-War Action. // *Social Psychology*. 2008. V. 39(1). P. 37-7.
41. Noakes J.A., Klocke B.V., Gillham P.F. Whose Streets? Police and Protester Struggles over Space in Washington, DC, 29-30 September 2001. // *Policing & Society*. 2005. V. 15(3). P. 235-254.
42. Osborne D., Yogeewaran K., Sibley C.G. Hidden consequences of political efficacy: Testing an efficacy-apathy model of political mobilization. // *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. 2015. V. 21(4). P. 533-540.
43. Papacharissi Z. *A networked self: identity, community, and culture on social network sites*. Published in 2011 in New York by Routledge. 2011.
44. Pearlman W. Emotions and the micro foundations of the Arab uprisings. // *Perspectives on Politics*. 2013. V. 11. P. 387-409.
45. Ratre A. Stochastic Gradient Descent-Whale Optimization Algorithm-Based Deep Convolutional Neural Network To Crowd Emotion Understanding. // *The Computer Journal*. 2020. V. 63(2). P. 267-282.
46. Rimé B. The Social Sharing of Emotion as an Interface Between Individual and Collective Processes in the Construction of Emotional Climates. // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63(2). P. 307-322.
47. Sabucedo J.-M., Dono M., Alzate M., Seoane G. The Importance of Protesters' Morals: Moral

- Obligation as a Key Variable to Understand Collective Action. // *Frontiers in Psychology*. 2018). V.9. P. 418.
48. Schoen H., Schumann S. Personality Traits, Partisan Attitudes, and Voting Behavior. Evidence from Germany. // *Political Psychology*. 2007. V. 28(4). P. 471-498.
 49. Skitka L.J., Washburn A.N., Carsel T. S. The psychological foundations and consequences of moral conviction. // *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 6. P. 41-44.
 50. Stekelenburg J. The political psychology of protest: Sacrificing for a cause. // *European Psychologist*. 2013. V. 18(4). P. 224-234.
 51. Stekelenburg J., Klandermans B., Dijk W.W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of protest participation. // *Revista De Psicologia Social*. 2011. V. 26(1). P. 91-104.
 52. Sullivan C. Police Will Repress – But Will It Demobilize? Mobilizing Ideas, 2011, December 19. Accessed at <https://mobilizingideas.wordpress.com/2011/12/19/police-will-repress-but-will-it-demobilize>
 53. Sweetman J., Maio G.R., Spears R., Manstead A.S.R., Livingstone A.G. Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members. // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019. V. 82. P. 115-128.
 54. Taylor V. The changing demand side of contention: From structure to meaning. Paper presented at the Conference on Advancements in Social Movement Theories, Amsterdam, The Netherlands. 2009.
 55. Tofigh F., Mao G., Lipman J., Abolhasan M. Crowd Density Mapping Based on Wi-Fi Measurements on Train Platforms. In 2018 12th International Conference on Signal Processing and Communication Systems (ICSPCS). 2018. P. 1-7.
 56. Tyler D.H., Barak M., Maguire E.R., Wells W. The effects of procedural injustice on the use of violence against police by Occupy Wall Street protesters. // *Police Practice and Research*. 2018. V. 19(2). P. 138-152.
 57. Vilas X., Sabucedo J.-M. Moral obligation: A forgotten dimension in the analysis of collective action. // *Revista De Psicologia Social*. 2012. V. 27(3). P. 369-375.
 58. Voronova L.I., Tolmachev R.V., Usachev A.V.A. Resource development to prevent riots at mass events. In 2018 Systems of Signals Generating and Processing in the Field of on Board Communications, 2018. P. 1-5.
 59. Weppner J., Lukowicz P. Collaborative Crowd Density Estimation with Mobile Phones. // Conference: Second International Workshop on Sensing Applications on Mobile Phones. ACM Conference on Embedded Network Sensor Systems (SenSys-11). At: Seattle, USA. 2011. V.2.
 60. Włodarczyk A., Basabe N., Páez D., Zumeta L. Hope and Anger as Mediators Between Collective Action Frames and Participation in Collective Mobilization: The Case of 15-M. // *Journal of Social and Political Psychology*. 2017. V. 5(1). P. 200-223.
 61. Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58. P. 994-1003.
 62. Zomeran M., Spears R., Fischer A.H., Leach C.W. Put your money where your mouth is!: Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 87(5). P. 649-664.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021

MASS DISORDERS: PSYCHOLOGICAL BACKGROUND, INFLUENCE FACTORS AND PREVENTIVE MEASURES

© Aleksandr V. Vanin

PhD (Psychology), Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

vaninav@ipran.ru

In this article, the psychological antecedents for the emergence of mass riots were analyzed. The role of traditional mass media, social media, the dynamics of interaction between law enforcement agencies and protesters as factors influencing the nature of protest movements, their transition from a normative to a non-normative state was described. It is pointed out that the emotional climate in society and the attitudes of the population can be a predictive sign of the emergence of future protest actions. The direction of relevant and promising measures is described, providing an opportunity to predict and respond to the threat of mass riots.

Keywords: Mass riots, protest, crowd, violence, psychological antecedents, preventive measures, emotions, attitudes, mass media, social media, big data

REFERENCES

1. Stat'ya 212 «Massovye besporyadki» Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996. № 63-FZ. [Article 212 "Mass Riots" of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law №. 63-FZ, June 13, 1996].
2. Baylor, T. (1996). Media framing of movement protest: The case of American Indian protest. *Social Science Journal*, 33(3), 241-255.
3. Blanke, U., Troster, G., Franke, T., Lukowicz, P. (2014). Capturing crowd dynamics at large scale events using participatory GPS-localization. In 2014 IEEE Ninth International Conference on Intelligent Sensors, Sensor Networks and Information Processing (ISSNIP) (pp. 1-7).
4. Carney, D.R., Jost, J.T., Gosling, S.D., Potter, J. (2008). The Secret Lives of Liberals and Conservatives: Personality Profiles, Interaction Styles, and the Things They Leave Behind. *Political Psychology*, 29(6), 807-840.
5. Chan, J.M., Lee, C.C. (1984). The journalistic paradigm on civil protests: A case study of Hong Kong. In A. Arno & W. Dissanayake (Eds.), *The news media in national and international conflict* (pp. 183-202). Boulder, CO: Westview.
6. Chang, P.Y., Vitale, A.S. (2013). Repressive Coverage in an Authoritarian Context: Threat, Weakness, and Legitimacy in South Korea's Democracy Movement. *Mobilization: An International Quarterly*, 18(1), 19-39.
7. Chrysler, A., Gunarso, R., Puteri, T., Warnars, H.L.H S. (2021). A literature review of crowd-counting system on convolutional neural network. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 729(1), 12029.
8. Collins, R. (2009). The Micro-Sociology of Violence. *The British Journal of Sociology*, 60(3), 566-576.
9. Dalton, R., Sickle, A.V., Weldon, S. (2010). The Individual-Institutional Nexus of Protest Behaviour. *British Journal of Political Science*, 40(1), 51-73.
10. De Rivera, J.H. (1992). Emotional climate: social structure and emotional dynamics. In *International Review of Studies on Emotion*, ed. K. T. Strongman (New York, NY: JohnWiley& Sons), 197-218.
11. Devos, T., Silver, L.A., Mackie, D.M. (2002). Experiencing intergroup emotions. In D. M. Mackie & E. R. Smith (Eds.), *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups* (pp. 111-134). Philadelphia, PA: Psychology Press.

12. Diani, M. (2012). Attributes, relations, or both? Exploring the relational side of collective action. *Contributions Nepal. Stud.* 39, 21-44.
13. Drury, J., Reicher, S. (2009). Collective Psychological Empowerment as a Model of Social Change: Researching Crowds and Power. *Journal of Social Issues*, 65(4), 707-725.
14. Earl, J. (2011). Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control. *Review of Sociology*, 37(1), 261-284.
15. Earl, J., Kimport, K. (2011). *Digitally enabled social change*. Cambridge, MA: MIT Press.
16. Forde, S. (2011). *Challenging the news*. New York, NY: Palgrave MacMillan.
17. Franzoni, V., Biondi, G., Milani, A. (2020). Emotional sounds of crowds: spectrogram-based analysis using deep learning. *Multimedia Tools and Applications*, 79(47), 1-13.
18. Gallacher, J.D., Heerdink, M.W., Hewstone, M. (2021). Online Engagement Between Opposing Political Protest Groups via Social Media is Linked to Physical Violence of Offline Encounters. *Social Media and Society*, 7(1).
19. Gerber, A.S., Huber, G.A., Doherty, D., Dowling, C.M. (2011). The Big Five personality traits in the political arena. *Annual Review of Political Science*, 14, 265-287.
20. Gerber, A.S., Huber, G.A., Doherty, D., Dowling, C.M., Raso, C., Ha, S.E. (2011). Personality traits and participation in political processes. *Journal of Politics*, 73, 692-706.
21. Goodwin, J., Jasper, J.M. (2006). Emotions and Social Movements, 611-635.
22. Hirsch, E.L. (1990). Sacrifice for the Cause: Group Processes, Recruitment, and Commitment in a Student Social Movement. *American Sociological Review*, 55(2), 243.
23. Hylander, I., Granström, K. (2010). Organizing for a peaceful crowd: an example of a football match. *Forum Qualitative Social Research*, 11(2), 26pp, available at: www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1462/2968.
24. Ives, B., Lewis, J.S. (2020). From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent: *Journal of Conflict Resolution*, 64(5), 958-986.
25. Jasper, J.M. (2014). Constructing Indignation: Anger Dynamics in Protest Movements. *Emotion Review*, 6(3), 208-213.
26. Juris, J.S. (2005). The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements. *Annals of The American Academy of Political and Social Science*, 597(1), 189-208.
27. Kamans, E., Otten, S., Gordijn, E.H. (2011). Power and threat in intergroup conflict: How emotional and behavioral responses depend on amount and content of threat. *Group Processes & Intergroup Relations*, 14(3), 293-310.
28. Klandermans, B., Toorn, J., Stekelenburg, J. (2008). Embeddedness and grievances: Collective action participation among immigrants. *American Sociological Review*, 73, 992-1012.
29. Lee, F.L.F., Chen, H.-T., Chan, M. (2017). Social media use and university students' participation in a large-scale protest campaign: The case of Hong Kong's Umbrella Movement. *Telematics and Informatics*, 34(2), 457-469.
30. Lovejoy, K., Saxton, G.D. (2012). Information, Community, and Action: How Nonprofit Organizations Use Social Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 17(3), 337-353.
31. Maguire, E., Barak, M., Wells, W., Katz, C. (2021). Attitudes towards the Use of Violence against Police among Occupy Wall Street Protesters. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 14(4), 883-899.
32. Maitner, A.T., Mackie, D.M., Smith, E.R. (2006). Evidence for the regulatory function of intergroup emotion: Emotional consequences of implemented or impeded intergroup action tendencies. *Journal of Experimental Social Psychology*, 42(6), 720-728.
33. Mannarini, T., Roccato, M., Fedi A., Rovere, A. (2009). Six Factors Fostering Protest: Predicting Participation in Locally Unwanted Land Uses Movements. *Political Psychology*, 30(6), 895-920.
34. Martin, A.W., McCarthy, J.D., McPhail, C. (2009). Why Targets Matter: Toward a More Inclusive Model of Collective Violence. *American Sociological Review*, 74(5), 821-841.
35. Mayer-Schönberger, V., Cukier, K. (2013). *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*.
36. McLeod, D.M. (1995). Communicating deviance: The effects of television news coverage of social protest. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 39(1), 4-19.

37. McLeod, D.M. (2000). The protest paradigm and news coverage of the 'right to party' movement. In D. A. Schultz (Ed.), *It's show time! Media, politics, and popular culture* (pp. 29–49). New York: P. Lang.
38. McLeod, D.M., Detenber, B.H. (1999). Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Communication*, 49(3), 3-23.
39. McLeod, D.M., Hertog, J.K. (1992). The Manufacture of 'Public Opinion' by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. *Discourse & Society*, 3(3), 259-275.
40. Musgrove, L., McGarty, C. (2008). Opinion-Based Group Membership as a Predictor of Collective Emotional Responses and Support for Pro- and Anti-War Action. *Social Psychology*, 39(1), 37-47.
41. Noakes, J.A., Klocke, B.V., Gillham, P.F. (2005). *Whose Streets? Police and Protester Struggles over Space in Washington, DC*, 29–30 September 2001. *Policing & Society*, 15(3), 235-254.
42. Osborne, D., Yogeeswaran, K., Sibley, C.G. (2015). Hidden consequences of political efficacy: Testing an efficacy-apathy model of political mobilization. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 21(4), 533-540.
43. Papacharissi, Z. (2011). *A networked self: identity, community, and culture on social network sites*. Published in 2011 in New York by Routledge.
44. Pearlman, W. (2013). Emotions and the micro foundations of the Arab uprisings. *Perspectives on Politics*, 11, 387-409.
45. Ratre, A. (2020). Stochastic Gradient Descent–Whale Optimization Algorithm-Based Deep Convolutional Neural Network To Crowd Emotion Understanding. *The Computer Journal*, 63(2), 267-282.
46. Rimé, B. (2007). The Social Sharing of Emotion as an Interface Between Individual and Collective Processes in the Construction of Emotional Climates. *Journal of Social Issues*, 63(2), 307-322.
47. Sabucedo J.-M., Dono M., Alzate M., Seoane G. (2018). The Importance of Protesters' Morals: Moral Obligation as a Key Variable to Understand Collective Action. *Frontiers in Psychology*, 9, 418-418.
48. Schoen, H., Schumann, S. (2007). Personality Traits, Partisan Attitudes, and Voting Behavior. Evidence from Germany. *Political Psychology*, 28(4), 471–498.
49. Skitka, L.J., Washburn, A.N., Carsel, T. S. (2015). The psychological foundations and consequences of moral conviction. *Current Opinion in Psychology*, 6, 41-44.
50. Stekelenburg, J. (2013). The political psychology of protest: Sacrificing for a cause. *European Psychologist*, 18(4), 224-234.
51. Stekelenburg, J., Klandermans, B., Dijk, W.W. (2011). Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of protest participation. *Revista De Psicologia Social*, 26(1), 91-104.
52. Sullivan, C. (2011). Police Will Repress – But Will It Demobilize? Mobilizing Ideas, December 19. Accessed at <https://mobilizingideas.wordpress.com/2011/12/19/police-will-repress-but-will-it-demobilize>.
53. Sweetman, J., Maio, G.R., Spears, R., Manstead A.S.R., Livingstone A.G. (2019). Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members. *Journal of Experimental Social Psychology*, 82, 115-128.
54. Taylor, V. (2009). The changing demand side of contention: From structure to meaning. Paper presented at the Conference on Advancements in Social Movement Theories, Amsterdam, The Netherlands.
55. Tofigh, F., Mao, G., Lipman, J., Abolhasan, M. (2018). Crowd Density Mapping Based on Wi-Fi Measurements on Train Platforms. In 2018 12th International Conference on Signal Processing and Communication Systems (ICSPCS) (pp. 1-7).
56. Tyler, D.H., Barak, M., Maguire, E.R., Wells, W. (2018). The effects of procedural injustice on the use of violence against police by Occupy Wall Street protesters. *Police Practice and Research*, 19(2), 138-152.
57. Vilas, X., Sabucedo, J.-M. (2012). Moral obligation: A forgotten dimension in the analysis of collective action. *Revista De Psicologia Social*, 27(3), 369-375.
58. Voronova, L.I., Tolmachev, R.V., Usachev A.V.A. (2018). Resource development to prevent riots at mass events. In 2018 Systems of

- Signals Generating and Processing in the Field of on Board Communications (pp. 1-5).
59. Weppner, J., Lukowicz, P. (2011). Collaborative Crowd Density Estimation with Mobile Phones.
 60. Wlodarczyk, A., Basabe, N., Páez, D., Zumeta, L. (2017). Hope and Anger as Mediators Between Collective Action Frames and Participation in Collective Mobilization: The Case of 15-M. *Journal of Social and Political Psychology*, 5(1), 200-223.
 61. Wright, S.C., Taylor, D.M., Moghaddam, F.M. (1990). Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 994-1003.
 62. Zomeran, M., Spears, R., Fischer, A.H., Leach, C.W. (2004). Put your money where your mouth is!: Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(5), 649-664.

The article was received 18.11.2021

АНТИВАКСЕРЫ vs ПРИВИВОЧНИКИ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ АТТИТЮДОВ К ВАКЦИНАЦИИ

© Неврюев А.Н.

Магистр психологии, старший преподаватель, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

ANNevryuev@fa.ru

Статья описывает результаты исследований, связанных с изучением аттитюдов к вакцинации. Данные описания исследований, в ходе которых изучались связь аттитюдов к вакцинации с информацией, отношением к профилактическому поведению, науке и врачам в целом, социально-демографическим переменным. Описаны результаты исследований связи аттитюдов к вакцинации с аттитюдами к здоровью. Дана характеристика психологической модели вакцинации 5С и приводятся данные исследований, в ходе которых применялась данная модель. Используются социально-психологические феномены и теории, которые объясняют природу данных аттитюдов. В заключении обозначены дальнейшие направления для эмпирических исследований.

Ключевые слова: аттитюды к вакцинации, вера в теории заговора, связь вакцинации и здоровья, модель вакцинации 5С, модель намеренного поведения, воспринимаемые нормы, чувствительность к отвращению, воспринимаемая заразность

Введение

Вопрос о вакцинации, связанной с защитой от новой коронавирусной инфекцией COVID-19, является одним из наиболее обсуждаемых с момента, когда медики и ученые заговорили о том, что это единственный способ защиты от болезни. В декабре 2021 года, согласно результатам опроса Левада-центр¹ было установлено, что 53% опрошенных опасаются заразиться коронавирусом, 45% не опасаются. В тоже время, 36% готовы сделать прививку и 16% не готовы (Левада, 2021). Эти результаты ставят перед исследователями вопрос о том, какими психологическими особенностями обладают эти люди и почему они демонстрируют различные аттитюды к вакцинации.

Одним из первых объяснений стал конструкт «теория заговора». Люди, которые верят, что COVID-19 возник не просто так, демонстрируют негативные аттитюды к вакцинации от инфекции. Результаты проведенных исследований под-

тверждают это. Так, исследователи из Турции в ходе онлайн-опроса установили, что люди, которые верят в теории заговора, чаще не уверены в том, что им следует делать прививку. Кроме того, чаще сомневаются в необходимости прививки те, у кого низкий уровень страха перед COVID-19 [15, 17].

В ходе лонгитюдного исследования, которое было проведено в Великобритании и Ирландии, было установлено, что уровень доверия к вакцине остался на таком же уровне в Ирландии и несколько снизился в Великобритании. Кроме того, исследователи выявили, что данных респондентов можно было отнести к одной из нескольких групп: люди, которые всегда были готовы пройти вакцинацию; люди, которые не готовы проходить вакцинацию никогда; и люди, чье отношение к вакцинации менялось в течение времени. Группы тех, кто не готов был проходить вакцинацию и тех, чье отношение менялось со временем отличались по ряду социальных (как правило, это молодые и одинокие люди с низким доходом) и психологических (низкий уровень доверия к врачам и ученым, склонность верить в теории заговора) характеристик [11].

¹ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

В исследовании, проведенном в Великобритании, жителей опрашивали относительно готовности к вакцинации от COVID-19. Результаты позволили выделить две модели, которые определяли такую готовность. Первая модель включала в себя представления о том, как вакцинация важна для общества в целом, оценку эффективности, а также побочных эффектов и скорости распространения инфекции. Вторая модель включала в себя два более общих фактора – абсолютное недоверие (вера в теории заговора, негативное отношение к врачам и др.), а также позитивный опыт в здравоохранении (доверительные отношения с врачом и хорошее обслуживание в системе здравоохранения). Также было установлено, что низкий уровень готовности к вакцинации был связан с возрастом (молодым), полом (женским), а также экономическим статусом (низкий доход). Нерешительность также приводила к нестрогому соблюдению мер защиты (например, не соблюдение социальной дистанции) [8].

Далее нами анализируются характеристики людей, которые выступают против вакцинации, а также связь аттитюдов к вакцинации со здоровьем в целом. Также подробно описана модель 5С, которая используется для объяснений аттитюдов к вакцинации. Наконец, рассмотрен социально-психологический подход к объяснению аттитюдов к вакцинации и намечены основные направления дальнейших исследований.

Социально-демографические характеристики противников вакцинации

Отдельным направлением исследований является изучение ответа на вопрос, какими особенностями обладают люди, которые демонстрируют негативные аттитюды к вакцинации. Как правило, выделяют несколько характеристик в таких исследованиях. В частности, к ним относят: связь аттитюдов с информацией, которую человек потребляет; отношение к профилактическим мерам, а также к науке и врачам в целом; причины возникновения таких аттитюдов и социально-демографические особенности.

Так, в одном из исследований, где принимали участие граждане Ирландии и Соединенного королевства, было установлено, что те, кто высту-

пали против вакцинации, как правило, меньше обращали внимание на информацию, связанную с инфекцией, которая могла быть получена из авторитетных источников, а также меньше доверяли ей [14]. Кроме того, согласно данным одного из исследований, люди из США и Канады, которые выступали против ношения масок, также имели негативные аттитюды к вакцинации от COVID-19 [21].

Исследование жителей США и Канады в мае 2020 года было направлено на подробное изучение аттитюдов к вакцинации и психологических особенностей, которые были связаны с этими аттитюдами. В результате было показано, что 25% респондентов из Америки и 20% респондентов из Канады отказывались делать прививку. Этот отказ был связан с несколькими причинами: люди заявляли, что не знают, как именно эта вакцина отразится на их здоровье в дальнейшем, они не верили в эффективность вакцины и считали, что вакцинация – сговор фармацевтических компаний. Кроме того, они считали, что естественный иммунитет лучше справиться с инфекцией [19].

Негативные аттитюды к вакцинации у жителей Франции связаны с демонстрацией негативного отношения к науке в целом. Кроме того, позитивное отношение к спорному лечению от COVID-19 (использование хлорохина или гидроксихлорохина), а также склонность в целом верить в теории заговора были позитивно связаны с низким уровнем готовности к вакцинации [5].

Опрос, который был проведен в Великобритании, также позволил установить, что существует целый ряд социально-демографических переменных, которые снижают готовность человека к вакцинации. Как правило, это женщины молодого возраста, с низким уровнем дохода и образования, которые много времени проводят в социальных сетях и не обращают внимания на информацию в средствах массовой информации. Они высоко оценивают риск заразиться COVID-19 и, при этом, имеют низкий уровень доверия к медикам и ученым в целом, а также к правительству (в меньшей степени) [2].

К числу подобных переменных можно отнести и профессию человека. В частности, в вы-

борке респондентов из группы медицинских и социальных работников низкий уровень готовности к вакцинации демонстрировали женщины и люди, которые считали, что вероятность заразиться в последующие 6 месяцев низкая. Также был установлен низкий уровень готовности к вакцинации в группах людей, не связанных с медициной и обслуживанием (то есть теми сферами, в которых человек имеет высокий риск заражения), в возрасте от 25 до 54 лет, с низким или средним уровнем дохода, а также не имеющих среди друзей/знакомых тех, кто переболел COVID-19 [7].

Связь аттитюдов к вакцинации со здоровьем

Исследователи также обращают внимание на то, как связаны аттитюды к вакцинации со здоровьем людей и к каким последствиям (в плане здоровья) вакцинация может приводить. В этом направлении исследуется следующие факторы: как человек оценивает вакцинацию и на чем акцентирует внимание; как аттитюды родителей к вакцинации детей связаны с готовностью вакцинироваться; влияние предыдущего опыта, отношения к здоровью и последствий того, что человек не проходит вакцинацию.

Так, родители в Канаде, которые оценивали риски от заболевания выше, чем риски от возможных побочных эффектов после прививки, чаще были готовы вакцинировать детей. Кроме того, у них отмечался низкий уровень оценки предполагаемой опасности от инфекции и более высокий уровень психологического избегания пандемии (на уровне тенденций) [13].

Исследователи из Китая, которые опрашивали родителей относительно их готовности вакцинироваться и вакцинировать членов своих семей и детей, выяснили, что люди с высоким уровнем показателя психологического стресса чаще не могут определиться с тем, готовы они вакцинироваться или нет. Такая закономерность была характерна также для супругов и детей [22].

Респонденты из Италии в большей степени были готовы вакцинироваться, если они до этого активно следили за своим здоровьем. То есть, предыдущий опыт внимательного отношения к здоровью увеличивает готовность к вакцинации.

Такая связь, кроме того, опосредована аттитюдами к вакцинации в целом [9].

В исследовании, которое было проведено с участие респондентов из Израиля, позволило установить, что люди, которые не могут определиться с тем, делать себе прививку или нет, имеют в два раза выше вероятность развития депрессии и в три раза выше вероятность развития тревожности [16].

Психологическая модель готовности к вакцинации 5С

Для того, чтобы понять какие именно психологические особенности могут быть связаны с готовностью к вакцинации исследователи предложили модель, которая получила название 5С (по числу и названию компонентов, которые в нее входят):

1. Уверенность (*Confidence*) включает в себя утверждения, которые оценивают эффективность и безопасность вакцин (например, «Я полностью уверен, что вакцины безопасны»);
2. Коллективная ответственность (*Collective responsibility*) включает в себя утверждения, которые касаются необходимых общих действий (например, «Я вакцинируюсь, чтобы защитить людей со слабым иммунитетом»);
3. Ограничения (*Constrains*). Данная шкала включает в себя утверждения, связанные со сложностями, которые могут возникнуть при вакцинации (например, «У меня возникает дискомфорт при посещении врача, это мешает мне вакцинироваться»);
4. Расчет (*Calculation*). В эту шкалу входят утверждения, которые описывают процесс принятия решения о вакцинации человеком (например, «Когда я думаю о вакцинации, я просчитываю ее преимущества и риски, чтобы принять взвешенное решение»);
5. Успокоение (*Complacency*). Эта шкала включает в себя утверждения, которые помогают человеку не думать очень серьезно о болезни (например, «Моя иммунная система очень сильная, она защитит меня») [6].

Эта модель получила большое распространение в период исследования COVID-19. Так, например, в исследовании медицинских работников из Кувейта, которое было проведено в

марте 2021 года, было установлено следующее. Низкий уровень принятия вакцинации продемонстрировал младший медицинский персонал, а также женщины с низким уровнем образования. Также низкий уровень принятия продемонстрировали люди, которые верили в теории заговора относительно COVID-19, и те, кто ориентировался в большей степени на информацию, которую получал из средств массовой информации. Было установлено, что готовность вакцинироваться продемонстрировали люди с высоким уровнем показателей по таким шкалам как коллективная ответственность и уверенность, и низкими значениями по шкалам ограничения и расчет [1].

В другом исследовании, где изучались предикторы аттитюдов к вакцинации у жителей Италии, было установлено, что три из пяти предиктора значимо определяют готовность сделать вакцину, а именно: уверенность, коллективная ответственность и расчет (хотя и статистически не значимо) [4].

Согласно результатам исследования, проведенном на студентах из трех стран (Нидерланды, Бельгии и Потругалии), которые заполняли опросник, измеряющий параметры модели 5С, два параметра, а именно, уверенность и коллективная ответственность, в большей степени предсказывали готовность сделать прививку от COVID-19. Кроме того, уверенность является медиатором между такими факторами как оценка эффективности вакцины и доверие к правительству и системе здравоохранения в целом и определяет желание вакцинироваться. С другой стороны, коллективная ответственность является медиатором между факторами возможного риска и альтруизма и психопатическими чертами личности [21].

Социально-психологические характеристики аттитюдов к вакцинации

Несмотря на то, что при изучении аттитюдов к вакцинации в социально-психологических исследованиях часто акцентируют внимание на коррелятах и предикторах. Однако некоторая часть исследований направлена на изучение специфики аттитюдов к вакцинации с точки зрения феноменов и теорий, которые объясняют их

непосредственно с позиции социальной психологии. Для объяснения аттитюдов к вакцинации исследователи прибегают к такому феномену как интеллектуальное смирение (то есть осознание человеком того, что он может ошибаться). Результаты проведенных исследований позволяют утверждать, что интеллектуальное смирение было негативно связано с негативными аттитюдами к вакцинации и позитивно с готовностью к вакцинации от COVID-19 [10]. К теориям, объясняющим аттитюды к вакцинации, относят те, которые связывают аттитюды и поведение, и те, которые используют для объяснения межгрупповых отношений.

Модели намеренного поведения

Для изучения аттитюдов к готовности вакцинации социальные психологи также применяют модели, в рамках которых описываются связь между аттитюдами и поведением. В частности, к таким моделям относят модель разумного поведения.

В исследовании, которое было проведено в декабре 2020 года в Чили, была использована теория разумного поведения. Респондентам предлагали оценить теории заговора, веру в эффективность вакцины и нормы, связанные с обязательством перед другими относительно COVID-19. Исследователи сделали вывод, что люди, которые имели в прошлом позитивный опыт вакцинации, были в большей степени готовы вакцинироваться. Так же было показано, что на желание вакцинироваться влияют нормы, которые предписывают такое поведение. Однако, напрямую вера в теории заговора не была связана с вакцинацией, но имела высокий уровень связи с низким убеждением в эффективности вакцины [3].

В исследовании, проведенном в Германии, изучалась роль воспринимаемых (субъективных) норм (то есть, когда участники исследования считали, что их родственники одобряют вакцинацию). Было установлено: если уровень субъективных норм у испытуемых был высокий, то это увеличивало их готовность вакцинироваться. Таким образом, мнение родственников играет значительную роль в готовности вакцинироваться [20].

Чувствительность к отвращению и воспринимаемая заразность

Кроме того, в качестве важных механизмов, определяющих отношение к другим группам, являются такие как чувствительность к отвращению и воспринимаемая заразность. Эти механизмы направлены на оценку потенциальных биологически опасных объектов и уменьшения возможного контакта с ними. В условиях распространения COVID-19 их изучение становится особенно актуальным. Так, в исследовании американских психологов была установлена положительная корреляция между высоким уровнем чувствительности к отвращению (чувства брезгливости) и негативными аттитюдами к вакцинации, но не с аттитюдами к COVID-19 в целом. С другой стороны, воспринимаемая заразность, напротив, имела отрицательную корреляцию с негативными аттитюдами к вакцинации и позитивную с тревогой о COVID-19 и знаниями в этой области. Кроме того, правый авторитаризм и поддержка Трампа были позитивно связаны с негативными аттитюдами к вакцинации [12].

Заключение

Представленный обзор описывает результаты исследований, которые были проведены с целью изучить особенности аттитюдов к вакцинации у людей, которые поддерживают ее или, напротив, выступают против нее. Результаты этих исследований показывают устойчивые закономерности. Однако, с нашей точки зрения, в дальнейшем исследователям необходимо сделать акцент на нескольких вопросах.

Во-первых, в части исследований говорить, что вера в теории заговора во многом определяет аттитюды к вакцинации. В тоже время, в других исследованиях показано, что при манипулировании переменными роль веры в теории заговоров уменьшается. В дальнейших исследованиях необходимо изучить, как именно вера в теории заговора определяет аттитюды к вакцинации, и какие факторы могут увеличивать или уменьшать влияние такой веры на аттитюды человека.

Во-вторых, в исследованиях подобного рода респондентам задают вопрос: «Насколько Вы готовы пройти вакцинацию» (по шкале Лайкерта). Однако, остается не понятным является ли

такой вопрос показателем того, что человек действительно пройдет вакцинацию. Особенно актуальным этот вопрос будет для тех стран, в которых существуют так называемые «карательные меры» для людей, которые не хотят участвовать в вакцинации и демонстрируют негативные аттитюды к ней.

И, наконец, в-третьих, в дальнейшем необходимо сосредоточиться на модели 5С и ее адаптации на российской выборке. Анализ нескольких исследований показал, что во многих странах исследователи используют ее как способ измерения и понимания аттитюдов к вакцинации у людей. Адаптация и валидизация этой модели и шкалы для выборки из России поможет также понять почему люди демонстрируют те или иные аттитюды к вакцинации.

Литература

1. Al-Sanafi M., Sallam M. Psychological Determinants of COVID-19 Vaccine Acceptance among Healthcare Workers in Kuwait: A Cross-Sectional Study Using the 5C and Vaccine Conspiracy Beliefs Scales // *Vaccines*. 2021. № 9.P. 701. doi: 10.3390/vaccines9070701
2. Allington D., McAndrew S., Moxham-Hall V., Duffy B. Coronavirus conspiracy suspicions, general vaccine attitudes, trust and coronavirus information source as predictors of vaccine hesitancy among UK residents during the COVID-19 pandemic // *Psychological Medicine*. 2021.P. 1-12. doi: 10.1017/s0033291721001434
3. Baeza-Rivera M., Salazar-Fernández C., Araneda-Leal L., Manríquez-Robles D. To get vaccinated or not? Social psychological factors associated with vaccination intent for COVID-19 // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2021. № 15, P.183449092110517. doi: 10.1177/18344909211051799
4. Barello S., Palamenghi L., Graffigna G. Looking inside the ‘black box’ of vaccine hesitancy: unlocking the effect of psychological attitudes and beliefs on COVID-19 vaccine acceptance and implications for public health communication // *Psychological Medicine*. 2021. № 1-2. doi: 10.1017/s003329172100101x

5. Bertin P., Nera K., Delouvé S. Conspiracy Beliefs, Rejection of Vaccination, and Support for hydroxychloroquine: A Conceptual Replication-Extension in the COVID-19 Pandemic Context // *Frontiers in Psychology*. 2020. № 11. doi: 10.3389/fpsyg.2020.565128
6. Betsch C., Schmid P., Heinemeier D., Korn L., Holtmann C., Böhm, R. Beyond confidence: Development of a measure assessing the 5C psychological antecedents of vaccination // *PLOS ONE*. 2018. №13. P. e0208601. doi: 10.1371/journal.pone.0208601
7. Butter S., McGlinchey E., Berry E., Armour C. Psychological, social, and situational factors associated with COVID-19 vaccination intentions: A study of UK key workers and non-key workers // *British Journal of Health Psychology*. 2021. doi: 10.1111/bjhp.12530
8. Freeman D., Loe B., Chadwick A., Vaccari C., Waite F., Rosebrock L. et al. COVID-19 vaccine hesitancy in the UK: the Oxford coronavirus explanations, attitudes, and narratives survey (Oceans) II // *Psychological Medicine*. 2020. P. 1-15. doi: 10.1017/s0033291720005188
9. Graffigna G., Palamenghi L., Boccia S., Barello S. Relationship between Citizens' Health Engagement and Intention to Take the COVID-19 Vaccine in Italy: A Mediation Analysis. *Vaccines*. 2020. № 8. P. 576. doi: 10.3390/vaccines8040576
10. Huynh H., Senger A. A little shot of humility: Intellectual humility predicts vaccination attitudes and intention to vaccinate against COVID-19 // *Journal of Applied Social Psychology*. 2021. № 51. P. 449-460. doi: 10.1111/jasp.12747
11. Hyland P., Vallières F., Hartman T., McKay R., Butter S., Bentall R. et al. Detecting and describing stability and change in COVID-19 vaccine receptibility in the United Kingdom and Ireland // *PLOS ONE*. 2021. № 16. doi: 10.1371/journal.pone.0258871
12. Kempthorne J., Terrizzi J. The behavioral immune system and conservatism as predictors of disease-avoidant attitudes during the COVID-19 pandemic // *Personality and Individual Differences*. 2021. № 178. P. 110857. doi: 10.1016/j.paid.2021.110857
13. Lackner C., Wang C. Demographic, psychological, and experiential correlates of SARS-CoV-2 vaccination intentions in a sample of Canadian families // *Vaccine*: X. 2021. № 8. P. 100091. doi: 10.1016/j.jvacx.2021.100091
14. Murphy J., Vallières F., Bentall R., Shevlin M., McBride O., Hartman T. et al. Psychological characteristics associated with COVID-19 vaccine hesitancy and resistance in Ireland and the United Kingdom // *Nature Communications*, 2021. № 12. doi: 10.1038/s41467-020-20226-9
15. Nazlı Ş., Yiğman F., Sevindik M., Deniz Özturan D. Psychological factors affecting COVID-19 vaccine hesitancy // *Irish Journal of Medical Science (1971 -)*. 2021. doi: 10.1007/s11845-021-02640-0
16. Palgi Y., Bergman Y., Ben-David B., Bodner E. (2021). No psychological vaccination: Vaccine hesitancy is associated with negative psychiatric outcomes among Israelis who received COVID-19 vaccination // *Journal of Affective Disorders*. 2021. № 287. P. 352-353. doi: 10.1016/j.jad.2021.03.064
17. Sherman S., Smith L., Sim J., Amlôt R., Cutts M., Dasch H. et al. (2020). COVID-19 vaccination intention in the UK: results from the COVID-19 vaccination acceptability study (CoVAccS), a nationally representative cross-sectional survey // *Human Vaccines & Immunotherapeutics*, 2020. № 17. P. 1612-1621. doi: 10.1080/21645515.2020.1846397
18. Taylor S., Asmundson G. Negative attitudes about facemasks during the COVID-19 pandemic: The dual importance of perceived ineffectiveness and psychological reactance // *PLOS ONE*, 2021. № 16. P. e0246317. doi: 10.1371/journal.pone.0246317
19. Taylor S., Landry C., Paluszek M., Groenewoud R., Rachor G., Asmundson G. A Proactive Approach for Managing COVID-19: The Importance of Understanding the Motivational Roots of Vaccination Hesitancy for SARS-CoV2 // *Frontiers in Psychology*, 2020. № 11. doi: 10.3389/fpsyg.2020.575950
20. Winter K., Pummerer L., Hornsey M., Sassenberg K. Pro-vaccination subjective norms moderate the relationship between conspiracy mentality

- and vaccination intentions // *British Journal of Health Psychology*. 2021. doi: 10.1111/bjhp.12550
21. Wismans A., Thurik R., Baptista R., Dejardin M., Janssen F., Franken I. Correction: Psychological characteristics and the mediating role of the 5C Model in explaining students' COVID-19 vaccination intention // *PLOS ONE*. 2021. № 16. P. e0259922. doi: 10.1371/journal.pone.0259922
22. Xu Y., Zhang R., Zhou Z., Fan J., Liang J., Cai L. et al. Parental psychological distress and attitudes towards COVID-19 vaccination: A cross-sectional survey in Shenzhen, China // *Journal Of Affective Disorders*. 2021. № 292. P. 552-558. doi: 10.1016/j.jad.2021.06.003

Статья поступила в редакцию 19.11.2021

ANTI-VAXERS vs VACCINATED: ANALYSIS OF VACCINATION ATTITUDES STUDIES

© **Andrey N. Nevryuev**

M.Sc. (Psychology), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ANNevryuev@fa.ru

The article contains the results of research related to the study of attitudes towards vaccination. Descriptions of studies are given, in the course of which the relationship between vaccination attitudes and attitudes towards preventive behavior, science and doctors in general, and socio-demographic variables are studied. The results of studies of the relationship between attitudes to vaccination and attitudes to health are described. The characteristics of the psychological model of 5C vaccination are given and research data are presented, in the course of which the modern model is applied. Social and psychological phenomena and theories are used that explain the nature of these attitudes. A conclusion is given and further directions for empirical research are indicated.

Keywords: vaccination attitudes, belief in conspiracy theories, vaccination-health relationship, 5C vaccination model, intentional behavior, perceived norms, aversion sensitivity, perceived infectiousness.

REFERENCES

1. Al-Sanafi, M., Sallam, M. (2021). Psychological Determinants of COVID-19 Vaccine Acceptance among Healthcare Workers in Kuwait: A Cross-Sectional Study Using the 5C and Vaccine Conspiracy Beliefs Scales // *Vaccines*. V. 9. P. 701. doi: 10.3390/vaccines9070701
2. Allington, D., McAndrew, S., Moxham-Hall, V., Duffy, B. (2021). Coronavirus conspiracy suspicions, general vaccine attitudes, trust and coronavirus information source as predictors of vaccine hesitancy among UK residents during the COVID-19 pandemic // *Psychological Medicine*. P. 1-12. doi: 10.1017/s0033291721001434
3. Baeza-Rivera, M., Salazar-Fernández, C., Araneda-Leal, L., Manríquez-Robles, D. (2021). To get vaccinated or not? Social psychological factors associated with vaccination intent for COVID-19 // *Journal of Pacific Rim Psychology*. V.15, P.183449092110517. doi: 10.1177/18344909211051799
4. Barello, S., Palamenghi, L., Graffigna, G. (2021). Looking inside the 'black box' of vaccine hesitancy: unlocking the effect of psychological attitudes and beliefs on COVID-19 vaccine acceptance and implications for public

- health communication // *Psychological Medicine*. V. 1-2. doi: 10.1017/s003329172100101x
5. Bertin, P., Nera, K., Delouvée, S. (2020). Conspiracy Beliefs, Rejection of Vaccination, and Support for hydroxychloroquine: A Conceptual Replication-Extension in the COVID-19 Pandemic Context // *Frontiers in Psychology*. V.11. doi: 10.3389/fpsyg.2020.565128
 6. Betsch, C., Schmid, P., Heinemeier, D., Korn, L., Holtmann, C., Böhm, R. (2018). Beyond confidence: Development of a measure assessing the 5C psychological antecedents of vaccination // *PLOS ONE*. V.3. P. e0208601. doi: 10.1371/journal.pone.0208601
 7. Butter, S., McGlinchey, E., Berry, E., Armour, C. (2021). Psychological, social, and situational factors associated with COVID-19 vaccination intentions: A study of UK key workers and non-key workers // *British Journal Of Health Psychology*. doi: 10.1111/bjhp.12530
 8. Freeman, D., Loe, B., Chadwick, A., Vaccari, C., Waite, F., Rosebrock, L. et al. (2020). COVID-19 vaccine hesitancy in the UK: the Oxford coronavirus explanations, attitudes, and narratives survey (Oceans) II // *Psychological Medicine*. P.1-15. doi: 10.1017/s0033291720005188
 9. Graffigna, G., Palamenghi, L., Boccia, S., Barello, S. (2020). Relationship between Citizens' Health Engagement and Intention to Take the COVID-19 Vaccine in Italy: A Mediation Analysis. *Vaccines*. V.8. P. 576. doi: 10.3390/vaccines8040576
 10. Huynh, H., Senger, A. (2021). A little shot of humility: Intellectual humility predicts vaccination attitudes and intention to vaccinate against COVID-19 // *Journal Of Applied Social Psychology*. V.51. P. 449-460. doi: 10.1111/jasp.12747
 11. Hyland, P., Vallières, F., Hartman, T., McKay, R., Butter, S., Bentall, R. et al. (2021). Detecting and describing stability and change in COVID-19 vaccine receptibility in the United Kingdom and Ireland // *PLOS ONE*. V.16. doi: 10.1371/journal.pone.0258871
 12. Kempthorne, J., Terrizzi, J. (2021). The behavioral immune system and conservatism as predictors of disease-avoidant attitudes during the COVID-19 pandemic // *Personality and Individual Differences*. V.178. P. 110857. doi: 10.1016/j.paid.2021.110857
 13. Lackner, C., Wang, C. (2021). Demographic, psychological, and experiential correlates of SARS-CoV-2 vaccination intentions in a sample of Canadian families // *Vaccine: X*. V.8. P. 100091. doi: 10.1016/j.jvacx.2021.100091
 14. Murphy, J., Vallières, F., Bentall, R., Shevlin, M., McBride, O., Hartman, T. et al. (2021). Psychological characteristics associated with COVID-19 vaccine hesitancy and resistance in Ireland and the United Kingdom // *Nature Communications*. V.12. doi: 10.1038/s41467-020-20226-9
 15. Nazlı, Ş., Yiğman, F., Sevindik, M., Deniz Özturan, D. (2021). Psychological factors affecting COVID-19 vaccine hesitancy // *Irish Journal of Medical Science (1971 -)*. doi: 10.1007/s11845-021-02640-0
 16. Palgi, Y., Bergman, Y., Ben-David, B., Bodner, E. (2021). No psychological vaccination: Vaccine hesitancy is associated with negative psychiatric outcomes among Israelis who received COVID-19 vaccination // *Journal of Affective Disorders*. V.287. P. 352-353. doi: 10.1016/j.jad.2021.03.064
 17. Sherman, S., Smith, L., Sim, J., Amlôt, R., Cutts, M., Dasch, H. et al. (2020). COVID-19 vaccination intention in the UK: results from the COVID-19 vaccination acceptability study (CoVAccS), a nationally representative cross-sectional survey // *Human Vaccines & Immunotherapeutics*. V.17. P. 1612-1621. doi: 10.1080/21645515.2020.1846397
 18. Taylor, S., Asmundson, G. (2021). Negative attitudes about facemasks during the COVID-19 pandemic: The dual importance of perceived ineffectiveness and psychological reactance // *PLOS ONE*. V.16. P. e0246317. doi: 10.1371/journal.pone.0246317
 19. Taylor, S., Landry, C., Paluszczek, M., Groenewoud, R., Rachor, G., Asmundson, G. (2020). A Proactive Approach for Managing COVID-19: The Importance of Understanding the Motivational Roots of Vaccination Hesitancy for SARS-CoV2 // *Frontiers in Psychology*. V.11. doi: 10.3389/fpsyg.2020.575950

23. Winter, K., Pummerer, L., Hornsey, M., Sassenberg, K. (2021). Pro-vaccination subjective norms moderate the relationship between conspiracy mentality and vaccination intentions // *British Journal of Health Psychology*. doi: 10.1111/bjhp.12550
24. Wismans, A., Thurik, R., Baptista, R., Dejardin, M., Janssen, F., Franken, I. (2021). Correction: Psychological characteristics and the mediating role of the 5C Model in explaining students' COVID-19 vaccination intention // *PLOS ONE*. V.16. P. e0259922. doi: 10.1371/journal.pone.0259922
25. Xu ,Y., Zhang, R., Zhou, Z., Fan, J., Liang, J., Cai, L. et al. (2021). Parental psychological distress and attitudes towards COVID-19 vaccination: A cross-sectional survey in Shenzhen, China // *Journal of Affective Disorders*. V. 292. P. 552-558. doi: 10.1016/j.jad.2021.06.003

The article was received 19.11.2021

Экономическая психология

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДЕНЕГ ВЗАЙМЫ

© Гагарина М.А.

Кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Москва, Россия; ассоциированный научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия
MGagarina224@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-013-00544 «Эмоциональная оценка коммерческой, политической и социальной рекламы российскими потребителями в условиях психологической поляризации сознания»)

В статье рассматриваются некоторые особенности отношения к деньгам и доходу у людей, в разной степени готовых давать деньги в займы. Приведены результаты двух эмпирических исследований с участием 3521 респондентов. В первом исследовании проведено сравнение соотношения «кредиторов» и «не кредиторов» в федеральных округах Российской Федерации с разным среднедушевым денежным доходом населения, а также в группах с разным субъективным экономическим благополучием. Во втором исследовании показаны различия кредиторов и не кредиторов по отношению к деньгам и мотивам одалживания. Кредиторы имеют достоверно более низкий уровень бдительности в отношении денег и достоверно более высокие показатели позитивных мотивов одалживания.

Ключевые слова: долг, долговое поведение, одалживание, отношение к деньгам, субъективное экономическое благополучие, мотивы, альтруизм, принцип реципрокности

**«Богатому не одалживают мелких денег,
бедному – больших»**

Введение

Тема долга сегодня практически не нуждается в представлении. Долг – является одним из основных феноменов современной экономики [20]. Долг играет важную роль в национальных дебатах о государственных расходах, сокращении штатов и жесткой экономии. Он также присутствует в повседневной жизни в выписках по кредитным картам, ипотечных и потребительских кредитах, займах до зарплаты и дилеммах «давать или не давать в долг менее успешным родственникам». Более того, существует соблазн применить рассуждение о долге почти ко всем

другим отношениям, которые только можно придумать: можно рассматривать деятельность политиков с точки зрения того, чем они обязаны своим избирателям; передачу знаний следующим поколениям с точки зрения интеллектуального долга; мораль с точки зрения долга перед обществом; семейные отношения с точки зрения долга перед опекунами и т.д., и т.п. [17].

Долговое поведение включает три аспекта: действия по взятию займа, выплату долга и предоставление денег займа [4]. Первые два аспекта и их мотивы достаточно хорошо представлены как в экономических [2], так и в психо-

логических и социологических работах [7, 12], в то время как третий аспект рассмотрен в большей степени в антропологических исследованиях [5, 9, 19].

Одалживание предполагает оперирование определенными ресурсами, а значит связано с уровнем дохода. При этом, неравенство в доступе к кредитам для людей с разным доходом может вести к еще большему расслоению общества [15]. Однако предоставление денег займа (одалживание) может инициироваться не только экономическими, но и другими мотивами. Большое количество экспериментальных и полевых исследований показывает, что экономические решения во многих случаях мотивируются не только материальным интересом, но и заботой о справедливости [16], принципом реципрокности [11], избеганием чувства вины [14]. Давая деньги в долг, человек проявляет силу и обретает власть, беря в долг – проявляет слабость и попадает в зависимость [9].

Принимая решения о том, кому давать займы, а кому просто подарить, не требуя возврата, люди участвуют в процессе дифференциации значимых социальных отношений в работе взаимоотношений, отмечая (а иногда и трансформируя) характер этих отношений [23]. Чтобы не чувствовать себя слишком неловко, люди могут прибегать к обфускации (введению в заблуждение) относительно собственной способности помочь в той форме или объеме, которой просит заемщик.

Так, в работе Ф. Уэрри, К. Зеefeldта и А. Альвареса представлены результаты интервью пятидесяти семи человек о том, как они отказывали в предоставлении ссуды близкому родственнику или другу. В результате многие респонденты отмечали, что они не могли сказать «нет» прямо, но использовали различные способы сказать «нет», не делая этого напрямую, либо не выполняя просьбу в полном объеме. Чем более легитимен с социальной точки зрения запрос на ссуду (заемщик искренен и нуждается в помощи, а кредитор располагает для этого средствами), тем выше моральное обязательство его выполнить. Категорический отказ в запросе может характеризовать кредитора как эгоистичного, легкомысленного или хладнокровно расчет-

ливого [22]. Таким образом, целью нашего исследования было выяснение роли материального положения и мотивов в одалживании.

Методика исследования

В проведенном нами исследовании была выдвинута гипотеза: готовность давать в долг связана не только с объективной, но и субъективной финансовой возможностью и отношением к деньгам. С целью проверки гипотезы мы сравнили респондентов, которые дают деньги в долг (далее «кредиторы») и респондентов, которые не дают деньги в долг или делают это в исключительных случаях (далее «не кредиторы»). В качестве объективного показателя выступал среднедушевой денежный доход населения в федеральном округе, а в качестве субъективного – оценка своего дохода, как позволяющего обеспечить определенный уровень жизни.

Выборка 1. Опрос проводился с использование платформы Anketolog.ru и панели респондентов ОМІ. Перед началом исследования от респондентов было получено информированное согласие. Всего было опрошено 3021 респондент, представители городского населения, пользователи финансовых услуг, в возрасте от 18 до 84 лет, $M=40,6$; $SD=11,8$; возрастная структура выборки приведена в табл. 1, в том числе 49,5% женщины и 50,5 % – мужчины.

Таблица 1.

Распределение респондентов по возрастным группам

Возрастная группа	Частота	Проценты
От 18 до 24 лет	162	5,4
От 25 до 34 лет	766	25,4
От 35 до 44 лет	1071	35,5
От 45 до 54 лет	662	21,9
От 55 лет и старше	360	11,9
Всего	3021	100

Распределение респондентов по федеральным округам соответствует данным Росстата с небольшим исключением. По сравнению с численностью населения федеральных округов России, в нашей выборке представлены на 3% меньше Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) и на 2% меньше Дальневосточный федеральный округ (ДФО), а Приволжский федеральный округ

(ПФО) на 2% больше. Кроме того, в нашей выборке были респонденты, которые не смогли назвать, в каком федеральном округе они проживают (1%). Данные по распределению респон-

дентов, в том числе с разным долговым поведением, отражены на рис. 1.

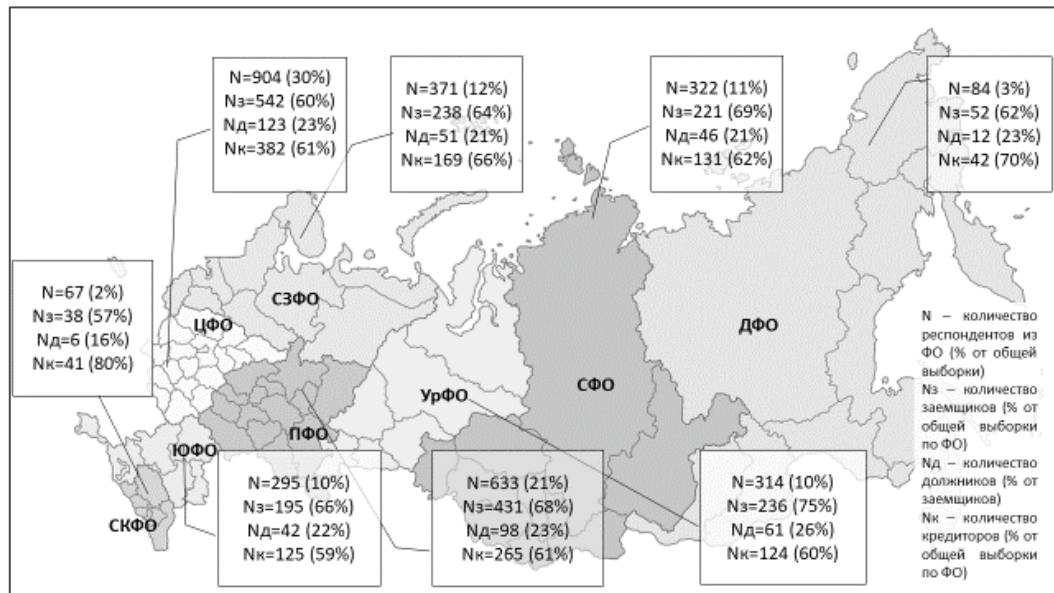

Рис. 1. Распределение респондентов с разным опытом долгового поведения по федеральным округам Российской Федерации

На основании ответа на вопрос: «Были ли у Вас кредиты или другие займы в прошлом или имеются настоящим?» (1 – “да”, 2 – “нет”), респонденты были отнесены к группе “заемщики, N=1974” – те, кто ответил “да” и “незаемщики, N=1047” – те, кто ответил нет. Затем следовали уточняющие вопросы относительно характера займа (в случае его наличия) и причин отсутствия займов.

На основании ответа на вопрос: «Были ли у Вас задолженности или просроченные платежи по кредиту / займу» (1 – “да”, 2 – “нет”), респонденты-заемщики были отнесены к группе “должники, N=445” – те, кто ответил “да” и “плательщики, N=1529” – те, кто ответил нет. После этого для должников следовал вопрос, уточняющий причины и характер задолженности.

На основании ответа на вопрос: «Я охотно даю в долг тем людям, которым доверяю» (1 – никогда, 2 – в исключительных случаях, 3 – затрудняюсь ответить, 4 – иногда, 5 – часто), респонденты, выбравшие ответы 1 и 2 были отнесены в группу “не кредиторы, N=791”, респонденты, выбравшие ответы 4 и 5 – в группу “кредиторы, N=1291”.

Из таблицы 2 видно, что респонденты-кредиторы чаще, чем респонденты не кредиторы сами являются заемщиками, но при этом соотношение должников и плательщиков не различается. То есть, можно предположить их разную готовность включаться в долговые отношения в любом качестве.

Таблица 2. Соотношение респондентов с разными видами долгового поведения (N=2081)

	Всего		Не кредиторы		Кредиторы		Хи кв.	p
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты		
Заемщики	1396	67,1%	497	62,8%	899	69,7%	10,4	0,001
Должники	322	23,1%	107	21,5%	215	23,9%	1,0	0,311
Плательщики	1074	76,9%	390	78,5%	684	76,1%	1,0	0,311
Незаемщики	685	32,9%	294	37,2%	391	30,3%	10,4	0,001
Всего	2081	100,0%	791	100,0%	1290	100,0%		

Выборка 2. Для исследования отношения к деньгам и мотивов одалживания были опрошены 500 человек, в возрасте от 18 до 68; $M=38,5$; $SD=10,7$ из них 30% мужчин и 70% женщин, жители различных городов Российской Федерации (более 100). Среди опрошенных: 137 незаемщиков и 363 заемщика; 89 – не готовы давать в долг (не кредиторы), 378 – готовы давать в долг только родственникам (кредиторы для родственников) и 32 – готовы давать в долг разным людям (кредиторы). Среди заемщиков 221 плательщик и 142 должника.

Для оценки отношения к деньгам мы использовали шкалу монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц в адаптации Д.А. Баязитовой и Т.А. Лапшовой [3]. Для оценки мотивов использовали сужения, предложенные в работе Ю. Лю [18], которые были переведены на русский язык, дополнены и скорректированы с учетом национальных особенностей при участии экспертов-

психологов. В итоге был составлен список утверждений, описывающих 10 возможных мотивов одалживания. Респондентам было предложено оценить, в какой степени для них характерны указанные мотивы по шкале от 1 до 5.

Результаты исследования объективного и субъективного экономического благополучия
Общее количество респондентов в выборке 1, которых удалось классифицировать как «кредиторов» и «не кредиторов» составляет 2082 человека. Средний возраст кредиторов 39,5 лет ($SD=10,26$), а не кредиторов 41,6 ($SD=10,43$), различия достоверны ($t=4,5$; $p<0,001$). То есть, респонденты, дающие в долг достоверно моложе. Для определения роли объективного экономического благополучия для предоставления денег взаймы, рассмотрим соотношение «кредиторов» и «не кредиторов» в различных федеральных округах Российской Федерации (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение кредиторов и не кредиторов, жителей федеральных округов Российской Федерации, N=2082

Параметры	Кредиторы		Не кредиторы		Достоверность различий	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Хи кв	p
К какой из следующих групп населения по материальному положению вы скорее могли бы себя отнести?						
Центральный федеральный округ	382	29,6%	245	31,0%	0,4	0,536
Северо-Западный федеральный округ	169	13,1%	88	11,1%	1,6	0,209
Южный федеральный округ	125	9,7%	87	11,0%	0,8	0,374
Северо-Кавказский федеральный округ	41	3,2%	10	1,3%	6,7	0,009
Приволжский федеральный округ	265	20,5%	172	21,7%	0,4	0,544
Уральский федеральный округ	124	9,6%	84	10,6%	0,5	0,500
Сибирский федеральный округ	131	10,1%	82	10,4%	0,0	0,932
Дальневосточный федеральный округ	42	3,3%	18	2,3%	1,3	0,246
Затрудняюсь ответить	12	0,9%	5	0,6%	0,2	0,631
Всего	1291	100,0%	791	100,0%		

Единственный федеральный округ, в котором обнаружены достоверные различия в соотношении числа кредиторов и не кредиторов – это Северо-Кавказский. В Северо-Кавказском федеральном округе наблюдается самый низкий среднедушевой денежный доход населения в Российской Федерации.

Далее мы дополнили данные субъективной оценки дохода (рис. 2).

На рис. 2. показано, что среди жителей Северо-Кавказского федерального округа выше доля респондентов, которые могут позволить себе только покупку продуктов питания и ниже доля тех, кто может позволить себе покупку товаров длительного пользования. То есть, субъективное ощущение нехватки денег подтверждает объективную ситуацию в округе.

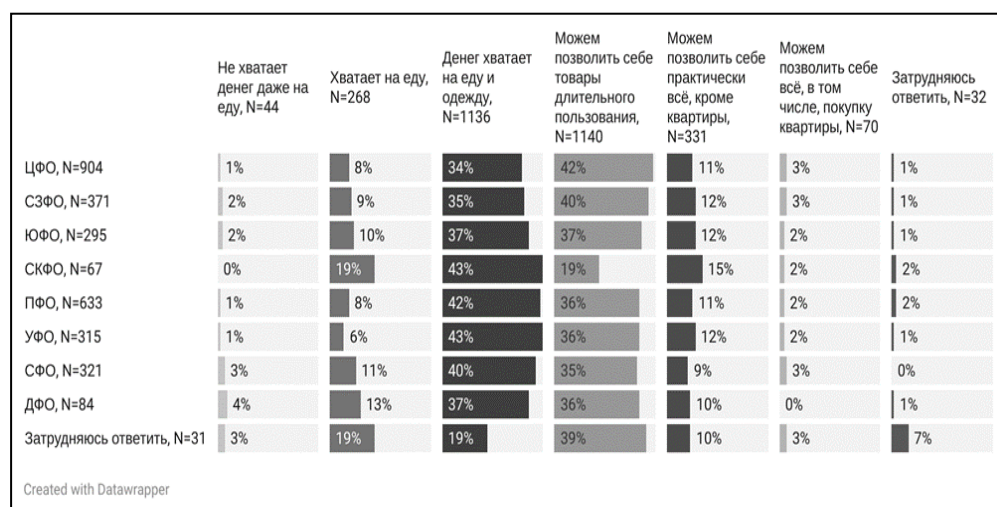

Рис. 2. Соотношение респондентов с разным уровнем дохода в Федеральных округах Российской Федерации (N=3021)

В таблице 4 приведено соотношение кредиторов и не кредиторов в группах, по-разному опиравших свое материальное положение.

Соотношение кредиторов и не кредиторов в группах с разным субъективным экономическим благополучием не различается.

Таблица 4. Субъективная оценка экономического благополучия кредиторами (N=1290) и не кредиторами (N=791)

Параметры	Кредиторы		Не кредиторы		Достоверность различий	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Хи кв	p
К какой из следующих групп населения по материальному положению вы скорее могли бы себя отнести?						
Не хватает денег даже на еду	14	1,1%	12	1,5%	0,4	0,511
Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	122	9,5%	75	9,5%	0,0	0,985
Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования затруднительна	473	36,7%	273	34,5%	0,9	0,344
Можем позволить себе товары длительного пользования, но покупка автомобиля затруднительна	489	37,9%	317	40,1%	0,9	0,348
Можем позволить себе практически все, кроме покупки квартиры или дачи	147	11,4%	91	11,5%	0,0	0,991
Можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи	36	2,8%	15	1,9%	1,4	0,257
Затрудняюсь ответить	9	0,7%	8	1,0%	0,3	0,601
Всего	1290	100,0%	791	100,0%		

Результаты исследования отношения к деньгам и мотивов одалживания

Результаты сравнения отношения к деньгам кредиторов, кредиторов только для родственников и не кредиторов (выборка 2) приведены в табл. 5.

При попарном сравнении по критерию Манна-Уитни, было установлено, что по шкале бдительность существуют достоверные различия между всеми группами: кредиторами и не креди-

торами ($U=762,0$; $p=0,000$), кредиторами и кредиторами только для родственников ($U=4328,5$; $p=0,007$) и кредиторами для родственников и не кредиторами ($U=13711,5$; $p=0,007$). То есть, для кредиторов менее, чем для не кредиторов и кредиторов только для родственников характерен страх потери накоплений и недоверие окружающим в вопросах денег.

Таблица 5. Непараметрические сравнения (критерий Краскелла-Уоллиса) значений монетарных аттитюдов не кредиторов ($N=89$), кредиторов только для родственников ($N=378$) и кредиторов ($N=32$) (Шкала монетарных аттитюдов Т. и Б. Клонц)

Шкалы	Не кредиторы		Кредиторы только для родственников		Кредиторы		Достоверность различий	
	Med	Mean rank	Med	Mean rank	Med	Mean rank	Хи кв.	p
Избегание денег	2,2	258,46	2,2	249,52	2,2	232,14	0,8	0,669
Деньги как статус	3,0	278,29	2,6	243,89	2,6	243,48	4,2	0,124
Поклонение деньгам	3,7	253,78	3,8	248,76	4,0	254,16	0,1	0,994
Бдительность относительно денег	4,5	292,38	4,2	246,32	3,6	175,58	16,5	0,000

Однако побуждать людей давать деньги в долг может не только недостаточная бдительность в финансовых вопросах. Мотивы одалживания могут быть гораздо более разнообразные, их список приведен в таблице 6.

Кредиторы достоверно чаще, чем другие группы респондентов, указали в качестве мотивов

одалживания общий альтруизм (желание помогать людям), желание помогать определенной категории людей, ответные действия на помощь в прошлом, достижение справедливости и просто из чувства личного удовлетворения.

Таблица 6. Непараметрические сравнения (критерий Краскелла-Уоллиса) значений мотивов одалживания не кредиторов ($N=89$), кредиторов только для родственников ($N=378$) и кредиторов ($N=32$) (Шкала монетарных аттитюдов Т. и Б. Клонц)

Шкалы	Не кредиторы		Кредиторы только для родственников		Кредиторы		Достоверность различий	
	Med	Mean rank	Med	Mean rank	Med	Mean rank	Хи кв.	p
Общий альтруизм	3,0	119,63	3,0	130,49	4,0	167,44	20,108	0,000
Групповой альтруизм	3,0	134,45	3,0	135,72	4,0	159,95	6,671	0,036
Взаимность	4,0	126,10	3,0	112,59	4,0	170,94	29,009	0,000
Равенство / справедливость	3,0	131,65	3,0	117,42	4,0	167,17	19,819	0,000
Заработок	2,0	160,06	2,0	162,41	2,0	141,08	4,394	0,111
Личное удовлетворение	3,0	125,93	3,0	130,53	4,0	164,99	14,769	0,001

Религиозный долг / чувство долга	2,0	141,36	2,0	155,03	2,0	150,80	0,979	0,613
Власть	2,0	161,62	2,0	160,12	1,0	141,25	4,314	0,116
Чувство вины	1,0	145,94	2,0	161,62	1,0	146,82	1,664	0,435
Не могут сказать «нет»	3,0	155,95	3,0	145,27	3,0	148,42	0,572	0,751

Обсуждение результатов

Отсутствие различий в числе респондентов готовых и не готовых давать займы другим людям как в федеральных округах с разным средним доходом на душу населения, так и с разным уровнем субъективного экономического благополучия (кроме СКФО), указывает на то, что финансовая составляющая не является основным фактором одалживающего поведения. Преобладание респондентов, готовых давать займы, над теми, кто избегает поведения по одалживанию, в регионе с самым низким доходом на душу населения может иметь разные объяснения.

Достаточно часто неинституциональное заимствование рассматривается как следствие недоступности банковских кредитов [15], хотя есть и противоположное мнение: бедные оказываются исключенными не только с рынка формального кредитования, но и неформального по причине неразвитой сети социального капитала. Большая готовность давать в долг среди жителей Северо-Кавказского федерального округа может быть объяснена не только низким доходом, а значит большей актуальностью займов, но и этнокультурными особенностями [1].

Наряду с объективным уровнем дохода, по мнению В.А. Хащенко, важное значение имеет понятие субъективного экономического благополучия – переживания человека относительно своей материальной обеспеченности [13]. Однако в нашем исследовании число кредиторов и не кредиторов в группах, по-разному оценивших свое материальное положение, не различается. Вполне вероятно это может быть связано с методологией исследования, в нашем исследовании мы оценивали субъективное экономическое благополучие по ответу на один вопрос, в то время как это сложный феномен, имеющий многоуровневую и многокомпонентную структуру [13].

При анализе субъективного экономического благополучия, следует учесть и отношение к

деньгам. Деньги могут выполнять разные функции и иметь для людей совершенно разное значение [6], что, в свою очередь, может быть связано и с одалживанием. Выявленная меньшая бдительность кредиторов в отношении денег может быть интерпретирована как большая открытость в плане своего дохода, большее доверие и меньший страх потерять свои накопления [3].

Это выглядит вполне закономерным, так как заимствование / одалживание другим людям, по сравнению с институциональным, характеризуется большей вероятностью и готовностью к невозврату денег [10]. То есть, давая деньги в долг другому человеку, кредиторы, допускают вероятность того, что деньги не будут возвращены. Неинституциональный заем – это не только способ исправить свое материальное положение, – это способ выстраивания определенных отношений.

Чувство «долга» связывает людей между собой. В некотором смысле, отказ от взятия займы и одалживания – есть способ отказа поддерживать отношения [9], а заемщики, в некоторых случаях, могут чувствовать, что, прося в долг, они «делают одолжение» кредитору, предоставляя ему возможность проявить щедрость и заботу [22]. На готовность вступать или не ступать в долговые отношения как определенную особенность указывает и то, что кредиторы чаще сами являются заемщиками (но не должниками), чем не кредиторы. Еще одним возможным объяснением может являться реципрокность – готовность помогать другому в ответ на помощь в прошлом, являющаяся одним из основных правил социального обмена [9].

Меньшая бдительность кредиторов, по сравнению с не кредиторами может быть истолкована как неумение сказать нет, когда обращаются с просьбой дать деньги в долг. Тема долга является достаточно болезненной и люди не всегда го-

товы напрямую оговаривать условия заимствования и одалживания [21, 22].

Различия между кредиторами и не кредиторами по мотивам одалживания указывает не на «неумение сказать нет», а на большую выраженность «положительных» мотивов у кредиторов. В этом смысле, можно сопоставить одалживание с понятием «альтруистическое инвестирование – просоциальной стратегией личности с ориентацией на приумножение социального капитала» [8, с. 45], то есть, человек готов инвестировать личные ресурсы в общее благо, в благополучие окружающих. Тем не менее, указанные мотивы могут быть описаны как «социально желательные» в отличие от мотивов обретения власти и заработка, а значит, требуют дальнейшей проверки.

Выводы:

Готовность давать в долг другим людям не связана ни с доходом, ни с субъективной его оценкой.

В большей степени готовы давать в долг люди, сами являющиеся заемщиками, обладающие меньшей бдительностью в отношении денег и оценивающие одалживающее поведение как приносящее удовлетворение и направленное на помощь другим.

Литература

1. Асильдерова М.М. Система воспитания народов северного Кавказа и ее развитие в контексте этнокультурных особенностей // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 51-54.
2. Банковские операции / Под ред. О.И. Лаврушина. М.: Инфра-М, 2012.
3. Баязитова Д.А., Лапшова Т.А. Адаптация опросника монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц на русскоязычной выборке // Петербургский психологический журнал. 2017. Т.19. С. 112-132.
4. Гагарина М.А. Долговой менталитет личности: экономико-психологическое исследование: Монография. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
5. Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
6. Дейнека О.С. Экономическая психология: Учебное пособие. СПб., Изд-во СПбГУ, 2000.
7. Дёмин А.Н., Киреева О.В. Психологические факторы возврата кредита // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 66-75.
8. Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. Т.9. №1. С.43-66. doi:10.17759/sps.2018090104
9. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
10. Мужичкова Ю.Е. Личная социальная ответственность и долговое поведение // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2016. № 3-2. С. 63-68.
11. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106-117.
12. Стребков Д.О. Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 51-59.
13. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Том. 4. № 1.
14. Bellemare C., Sebald A., Suetens S. Guilt aversion in economics and psychology // Journal of Economic Psychology. 2019. V.73. P.52-59.
15. Collard S., Kempson E. Affordable credit: The way forward. GB: Policy Press. 2005.
16. Falk A., Fischbacher U. A theory of reciprocity // Games and Economic Behavior. 2006. V.54. P. 293-315.
17. High H. Re-reading the potlatch in a time of crisis: debt and the distinctions that matter Social Anthropology // Anthropologie Sociale. 2012. V.20 (4). P. 363-379. doi:10.1111/j.1469-8676.2012.00218.x

18. Liu Y., Chen R., Chen Y., Mei Q., Salib S. I loan because.: Understanding motivations for pro-social lending // WSDM '12 Proceedings of the fifth ACM international conference on Web search and data mining. 2012. P. 503-512.
19. Peebles G. The Anthropology of Credit and Debt// Annual Review of Anthropology. 2010. V.39. P.225-240.
20. Phelps H. Rethinking debt: Theology, indebted subjects, and student loans // Dialog. 2016. V. 55(1). P. 31-41.
21. Rossman G. Obfusatory Relational Work and Disreputable Exchange // Sociological Theory. 2014. V. 32(1). P.43-63.
22. Wherry F.F., Seefeldt K.S., Alvarez A.S. To Lend or Not to Lend to Friends and Kin: Awkwardness, Obfuscation, and Negative Reciprocity // Social Forces. 2019. V.98 (2). P.753-793. <https://doi.org/10.1093/sf/soy127>
23. Zelizer V.A. How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? // Politics & Society 2012. V.40(2). P.145-74. <https://doi.org/10.1177/0032329212441591>

Статья поступила в редакцию 20.11.2021

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF LENDING BEHAVIOR

© Maria A. Gagarina

Ph.D. (psychology), associate professor, Department of psychology and human capital development, FSEE HE «Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow, Russia; associate research officer, laboratory of social and economic psychology, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
MGagarina224@gmail.com

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 19-013-00544 «Emotional evaluation of commercial, political and social advertising by Russian consumers in terms of psychological polarization of consciousness»)

The article examines some of the features of the attitude to money and income among people who, to varying degrees, are ready to lend money. The results of two empirical studies with the participation of 3521 respondents are presented. The first study compares the ratio of “lenders” and “non-lenders” in federal districts of the Russian Federation with different average per capita money income of the population, as well as in groups with different subjective economic well-being. The second study shows the differences between lenders and non-lenders in attitude towards money and lending motives. Lenders have significantly lower levels of money vigilance and significantly higher rates of positive motivation for lending.

Keywords: debt, debt behavior, lending, attitude to money, money vigilance, subjective economic well-being, motives, altruism, reciprocity principle

REFERENCES

1. Asil'derova, M.M. (2021). Sistema vospitaniya narodov severnogo Kavkaza i ee razvitiye v kontekste etnokul'turnyh osobennostej [*The system of education of the peoples of the North Caucasus and its development in the context of ethnocultural characteristics*] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [*World of science, culture, education*]. V. 2(87). P. 51-54.

2. Bankovskie operacii (2012). [*Banking operations*] / Pod red. O.I. Lavrushina. M.: Infra-M [Ed. O.I. Lavrushina. Moscow, Infra-M Publ.].
3. Bayazitova, D.A., Lapshova, T.A. (2017). Adaptaciya oprosnika monetarnyh attityudov B. i T. Klontz na russkoyazychnoj vyborke [*Adaptation of the questionnaire of monetary attitudes B. and T. Klontz in the Russian-language sample*] // Peterburgskij psihologicheskij zhurnal [*Petersburg psychological journal*]. V.19. P. 112-132.
4. Gagarina, M.A. (20210). Dolgovoj mentalitet lichnosti: ekonomiko-psihologicheskoe issledovanie: Monografiya [*Debt mentality of the individual: economic and psychological research: Monograph*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow, Publishing house "Institute of Psychology RAS"].
5. Greber, D. (2015). Dolg: pervye 5000 let istorii [*Debt: the first 5000 years of history*]. M.: Ad Marginem Press [Moscow, Ad Marginem Press Publ.].
6. Dejneka, O.S. (2000). Ekonomicheskaya psihologiya: Uchebnoe posobie. [*Economic Psychology: Textbook*]. SPb., Izd-vo SPbGU [Publishing house of St. Petersburg State University].
7. Dyomin, A.N., Kireeva, O.V. Psihologicheskie faktory vozvrata kredita [*Psychological factors of loan repayment*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. 2018. V. 3. P. 66-75.
8. Mararica, L.V., Kazanceva, T.V., Pochebut, L.G., Svencickij, A.L. (2018). Vklad lichnosti v social'nyj kapital gruppy: struktura al'truisticheskogo investirovaniya [*The contribution of the individual to the social capital of the group: the structure of altruistic investment*] // Social'naya psihologiya i obshchestvo [*Social psychology and society*]. V. 9(1). P.43-66. doi:10.17759/sps.2018090104
9. Moss, M. (2011). Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii [*Exchange. Personality: Works on social anthropology*]. M.: KDU.
10. Muzhichkova, YU.E. (2016). Lichnaya social'naya otvetstvennost' i dolgovoe povedenie [*Personal social responsibility and debt behavior*] // Ekonomicheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee [*Economic psychology: past, present, future*]. V. 3-2. P. 63-68.
11. Reutov, E.V., Reutova, M.N., SHavyrina, I.V. (2019). Reciproknost' v setyah vzaimopomoshchi (na materialah regional'nogo issledovaniya) [*Reciprocity in networks of mutual assistance (based on the materials of regional research)*] // Sociologicheskie issledovaniya [*Sociological studies*]. V. 3. P. 106-117.
12. Strebkov, D.O. (2004). Potrebnosti i predpochteniya naseleniya Rossii na rynke kreditnyh uslug [*Needs and preferences of the population of Russia in the market of credit services*] // Sociologicheskie issledovaniya [*Sociological research*]. V. 2. P. 51-59.
13. Hashchenko, V.A. (2011). Sub"ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizaciya [*Subjective economic well-being and its measurement: construction of a questionnaire and its validation*] // Eksperimental'naya psihologiya [*Experimental Psychology*]. V.4(1).
14. Bellemare, C., Sebald, A., Suetens, S. (2019). Guilt aversion in economics and psychology // Journal of Economic Psychology. V.73. P.52-59.
15. Collard, S., Kempson, E. (2005). Affordable credit: The way forward. GB: Policy Press.
16. Falk, A., Fischbacher, U. (2006). A theory of reciprocity // Games and Economic Behavior. V.54. P. 293-315.
17. High, H. (2012). Re-reading the potlatch in a time of crisis: debt and the distinctions that matter Social Anthropology // Anthropologie Sociale. V.20 (4). P. 363-379. doi:10.1111/j.1469-8676.2012.00218.x
18. Liu, Y., Chen, R., Chen, Y., Mei, Q., Salib, S. (2012). I loan because.: Understanding motivations for pro-social lending // WSDM '12 Proceedings of the fifth ACM international conference on Web search and data mining. P. 503-512.
19. Peebles, G. (2010). The Anthropology of Credit and Debt// Annual Review of Anthropology. V.39. P.225-240.
20. Phelps, H. (2016). Rethinking debt: Theology, indebted subjects, and student loans // Dialog. V. 55(1). P. 31-41.

21. Rossman, G. (2014). Obfuscatory Relational Work and Disreputable Exchange // Sociological Theory. V. 32(1). P.43-63.
22. Wherry, F.F., Seefeldt, K.S., Alvarez, A.S. (2019). To Lend or Not to Lend to Friends and Kin: Awkwardness, Obfuscation, and Negative Reciprocity // Social Forces. V.98 (2). P.753-793. <https://doi.org/10.1093/sf/soy127>
23. Zelizer, V.A. (2012). How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? // Politics & Society. V.40(2). P.145-74. <https://doi.org/10.1177/0032329212441591>

The article was received 20.11.2021

Кросс-культурная психология

ПСИХОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА: МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

© Волченков Д.

хабилитированный доктор наук (Франция, Германия), лауреат премии Гумбольдта (Германия) и Плана 1000 талантов (Китай), профессор Сычуаньского университета науки и технологий (Китай) и Техасского Технологического университета (США),
dr.volchenkov@gmail.com

Оригинальный текст работы размещен на сайте автора по адресу:

<https://www.math.ttu.edu/~dvolchen/Nakanune.pdf>

В статье рассматриваются проблемы изменения психологии человека в будущем и возможные негативные перспективы развития цивилизации. Предлагается понятие «глобального общества риска». В статье утверждается, что, обостряя конкуренцию всех со всеми, глобализация разделяет людей, сообщества и государства. Глобальное общество риска, отменяющее будущее в виду мнимых планетарных катастроф, создает предлоги для введения чрезвычайных мер, ослабляющих конкуренцию путем ограничения свободной торговли и фактической отмены прав и свобод человека. Отказ от свободы в ситуации ложного выбора между свободой и социальной жизнью (пайкой, инъекцией, цифровой личностью) ведет к потере и свободы, и жизни. Удобной метафорой нового уклада жизни в глобальном обществе риска служит модель времени, в которой настоящее реконструируется через будущее, а не наоборот. Обсуждается проблема перехода от линейной модели времени к «авраамической».

Ключевые слова: социальная психология, глобальное общество риска, политическая психология, психология выживания, психология риска, линейная модель времени

Введение

В XXI веке цивилизация перешла на новый уровень развития и вступила в фазу ускоренных глобальных изменений. Характерной чертой нового мирового порядка становится вхождение многих стран в состояние, которое может быть названо «глобальным обществом риска». Это особое психологическое состояние неопределенности и глобального выбора, которое породило специфическую систему восприятия собственного мира и психологию межгосударственных отношений.

Модель государственного управления, где формируется глобальное общество риска – есть государство, администрация которого пребывает в тесных отношениях с коррумпирующими со-

циальными институтами (deepstate) [25]. В отличие от мафии, боящейся огласки своих противоправных действий, глобальное общество риска творит беззаконие демонстративно, ведь они совершаются «во имя общего блага», как оно интерпретируется в социальном мифе. В ряде стран, где это возможно, появляется и усиливается тенденция к изменению законодательства таким образом, чтобы очевидные криминальные действия становились «законными».

В некоторых странах с демократическими формами правления институты демократии никак не препятствуют становлению глобального общества риска, но психологически легитимизируют его в свете угрозы будущего. Поскольку декларируемые угрозы чаще всего не имеют ре-

альных оснований, укоренение мифа в общественном сознании требует утверждения идеологии, фундаментально отрицающей объективность и здравый смысл. Главными сообщниками в деле воспитания населения в духе морального и культурного релятивизма [35] становятся средства массовой информации и система образования, быстро превращающие информацию в пропаганду, образование в индоктринацию, а науку – в верования.

Понятие глобального общества риска

Одной из наиболее характерных и неотъемлемой чертой глобального общества риска (ГОР) является создание социального мифа, рисующего угрозу в будущем [27], и укоренение его в общественном восприятии, что требует долговременных усилий коррумпирующего социального института, заинтересованного в получении личной выгоды за счет влияния мифа на процессы государственной политики и перераспределение доходов [11].

С одной стороны, наличие групп интересов, готовых платить за получение исключительных прав, государственных субсидий и льгот делает привлекательной работу чиновников и создает конкуренцию в органах государственной власти. Такое поведение формируется в государственных структурах с упором на политические коррупционные сети и последующим сращиванием их с государственной властью [2].

С другой стороны, коллективное стремление к личной заинтересованности нарастает не только по вертикали, но и по горизонтали, принимая форму криминальной сети, связывающей между собой индивидуумов на основе родства, свойства, общности и осуществляющей диффузию извлеченных средств вглубь социума. Стремительно растущее число сообщников снижает вероятность разоблачения мифа, затрудняет идентификацию его источников, а также предоставляет гарантии безопасности всей группе, поскольку ее члены поддерживают и защищают друг друга. Когда утопии не сбываются, они назначают виновных в случившейся катастрофе и требуют их репрессии [13].

Становление глобального общества риска всегда сопряжено с насилием [21], потому что в

общественном восприятии именно меры террора, применяемые вначале как акции устрашения по отношению к сопротивляющимся группам населения, а затем как превентивные меры по отношению к случайным людям, утверждают правоту мифа о будущем как о катастрофе [61]. Поэтому службы внутренней безопасности в обществе глобального риска рано или поздно берут на себя функции инквизиции и получают преимущество в распределении прибыли, ведь они играют решающую роль в распознавании групп, сомневаемых в реальности угроз, а также в поддержании социальной стабильности путем усиливающих репрессий [12].

Социальные мифы в глобальном обществе риска представляют будущее в свете угроз, потенциально затрагивающих интересы всех народов планеты. Продвигающие их институты – международные организации и надгосударственные союзы, которые получают поддержку, в том числе и финансовую, от государств, а также транснациональных корпораций (ТНК), чья экономическая мощь превосходит потенциал многих стран мира [5]¹. Число соискателей «глобальных рент» быстро растет, и декларируемые ими множественные угрозы сливаются в неразличимый белый шум, отменяющий будущее. Безопасность, которую человек чувствовал в обществе, исчезает, и мир кажется ему враждебным.

Факторы, формирующие глобальное общество риска

Глобальное общество риска формируется в ходе взаимодействия следующих пяти факторов, связанных друг с другом.

Разделяющее выживание. Относительно недавно по историческим меркам прогресс казался универсальной и достижимой целью единого

¹ Например, в конце ноября 2021 глава ВОЗ Т.А. Гебрейесус предложил учредить очередной «межправительственный орган», которому будет поручено подготовить и согласовать «конвенцию, соглашение или другой международный инструмент ВОЗ для предупреждения пандемий, обеспечения готовности к ним и принятия мер реагирования». Окончательный результат работы должен быть представлен на рассмотрение в мае 2024 года.

человечества, воплощением христианской идеи Спасения в материальном мире [45]. Череда убеждающих кампаний, актуализировавших глобальные проблемы и угрозы в форме борьбы за мир, права человека, вакцинацию человечества против всемирной пандемии, мероприятия за сохранение озонового слоя, борьбы с глобальным потеплением, против международного терроризма и зомби апокалипсиса постепенно заместили в общественном сознании парадигму развития парадигмой выживания.

Выживание – случайный процесс, в котором человечество заведомо обречено, хотя некоторые индивиды и группы смогут протянуть дольше, чем другие [59]. Проявления социальной аномии в глобальном обществе риска выразились как в движениях деколонизации, отвергающих любое наследие деятелей и институтов прошлого как колониальное (*cancelculture*), так и в активном конструировании разделенного социального будущего, в котором расовые, религиозные или иммунизационные различия будут, безусловно, определять все стороны жизни человека, включая применение к нему разных процессуальных норм в трудовом, административном и уголовном праве [53, 58].

Прежнее единство человеческих рас утверждалось на основе их способности учиться друг у друга – «принять слово божие». Теперь такая способность поставлена под сомнение. Критическая расовая теория (КРТ)², рекомендованная в качестве образовательного стандарта США, вопреки законам, принятым в отдельных штатах, рассматривает прежде равноправную в социально-правовом отношении систему популяций человека понятиями экзистенциальной вины и имманентной правоты друг перед другом в рамках

² КРТ это убеждение в том, что любая экономическая или социальная система, основанная на заслугах и успехах (*merits*), является расистской, угнетающей и должна быть разрушена. Недостаточно реформировать эти системы – они должны быть отменены. Никто не может быть повышен в должности или получить лучшие условия жизни с помощью своего собственного тяжелого труда, как это предполагалось в эпоху равенства рас (*racialequality*). Однако, в рамках принципа расовой справедливости (*racialequity*), людям должны быть присвоены «привилегии», которые определяются их расой.

новой концепции расовой справедливости (*racialequity*).

Если раньше, в ответ на рассказы китайских студентов в США о том, что по их учебникам китайцы происходят от *Homo Habilis* (человека умелого), а не от *Homo Sapiens* (человека разумного) и являются другим биологическим видом, профессора американских университетов посмеивались, то теперь этот тезис не подвергается публичной критике и с ним приходится соглашаться без возражений.

Колонизирующие институты. Последствия колонизации, извлекавшей из аборигенных сообществ ренту за право сохранять прежний уклад жизни, оказались необратимы для всех исторических участников процесса [7]. С одной стороны, принцип посредничества между властями и подданными в разрешении колониальных ситуаций изменил уровень и задачи социального соревнования внутри некогда колонизированных сообществ, узаконив в них «ренту посредничества» (кормление). С другой стороны, репатриация бывших колониальных администраций и реимпорт разработанных ими техник управления существенно увеличили размер и усилили роль государственного аппарата, изменив ход социальной эволюции в метрополиях в сторону широких социалистических практик [47, 62].

Групповые усилия растущего «глубинного государства» по поиску источников дополнительного дохода теперь предпринимаются с целью гарантировать высокие и бесперебойные государственные затраты на реализацию сомнительных проектов и производство общественных благ, приносящих выгоду администрации, но не стимулирующих экономическое развитие [38, 57]. Наоборот, технологии прошлого выдаются за технологии будущего, а внедрение эффективных экономических стратегий и попытки снижения государственного регулирования экономики, потенциально уменьшающие объемы доступной прибыли, приводят к политической нестабильности в результате политической тактики защиты доходов, проводимой постоянно увеличивающимся в размере государственным аппаратом [2].

Множество различных укладов жизни пришли в соприкосновение в условиях глобализации, и поведение, ориентированное на прибыль, приняло планетарный характер. В начале XXI века фармацевтические компании начали выводить на рынок США новые, доказанные наукой лекарства, содержащие опиум. Количество выписываемых по рецепту опиоидов возросло к 2011 до 2019 млн. в год, и сотни тысяч пациентов, имевших неосторожность обратиться к врачу, оказались наркозависимыми. В 2021 году смертность от опиатов только в Западной Вирджинии выросла на 28,5% по сравнению с тем же периодом в прошлом году: 100 тыс. человек уже погибли от передозировки с начала года. Многие из пациентов, впрочем, вскоре переключились на более дешевые синтетические наркотики китайского производства, приобретение которых на черном рынке рецептов не требовало. Ошибки были учтены, и теперь данью облагаются не отдельные пациенты, а государства, на которые возложена обязанность помесечной вакцинации всех своих граждан.

Онемляющая сложность. Развитие облачных технологий превратило хайтек-корпорации в гигантские хранилища личной информации, которая свободно перемещается из страны в страну при любых цифровых операциях [16]. Электронные коммуникации и социальные сети создали платформу для мобилизации единомышленников и радикализации дискурса в сетевых сообществах путем блокировки носителей иных точек зрения. В этих условиях каждое социально-значимое событие, получившее отражение в сети, усиливает поляризацию в обществе, неизбежно превращая сети в трибуну для пропаганды экстремизма.

Приняв обязательства самостоятельно³ бороться с террористическим и экстремистским контентом в сети, технологические компании вскоре превратились в своего рода «суверенное

государство»⁴, получившее возможность разговаривать с демократически избранными правительствами других стран на языке ультиматумов. Ведь отключение правительственных агентств и учреждений критической инфраструктуры всех информационных сервисов, когда национальное правительство любой страны проводит политику, с которой компании не согласны, приведет к хаосу и непредвиденным последствиям [16].

Если цензура прошлого запрещала высказывание лишь отдельных точек зрения, не совпадающих с текущими политическими установками государства, то ее главной мишенью в эпоху господства корпораций и глобального общества риска стала вся «запутанная, хаотическая информационная экосистема» в целом, наполненная «теориями заговора, фейковыми новостями и многочисленными пользователями, которые верят мистификациям, лжи и коллективным заблуждениям» [32]. Получив независимость, корпорации создали «ключевые базы данных» о несогласных и сформировали межведомственные целевые группы («комиссии правды») по борьбе с дезинформацией и «внутренним экстремизмом», которые должны координироваться информационно-самодержавным «царем реальности» [51].

Именно корпорации формулируют текущую картину реальности в современном мире. Далее выяснилось, что серверы для подсчета голосов, физически расположенные в другой стране⁵ и потому юридически неподконтрольные государ-

³ Жесткая алгоритмическая цензура по китайскому образцу была внедрена в США при помощи ряда компаний, таких как Fact Check, News Guard Tech, Politi Fact, Washington Post Fact Checker и др.

⁴ В 2014 г. премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон учредил особую дипломатическую должность – решать вопросы правоприменения, связанные с технологиями, и служить «специальным представителем для взаимодействия с технологическими компаниями США». В 2015 Дания стала первой страной, назначившей официального посла для связи с технологическим сектором.

⁵ Система голосования Dominion – это канадская компания с глобальными дочерними компаниями. Она принадлежит Staple Street Capital, которой, в свою очередь, принадлежит UBS Securities LLC, трое из семи членов правления которой являются гражданами Китая. Программное обеспечение Dominion лицензировано компанией Smartmatic, которая принадлежит Венесуэле. Расположение серверов Dominion определено в Сербии, Канаде, США, Испании и Германии.

ству, в котором происходят выборы, при необходимости, легко опрокидывают результаты электорального процесса⁶. Жесткая алгоритмическая цензура, введенная в социальных сетях и сервисе YouTube в отношении обсуждений противоречивых результатов выборов в США, Германии, Канаде, Австралии оставляет широкое поле для догадок и фантазий. Последние события в США продемонстрировали, что фактическая отмена Первой поправки Конституции (о свободе слова) лишила смысла и Вторую поправку (о свободе оружия) и привела к коллапсу конституционного строя в самой старой демократии мира.

Принятие достоверности неосязаемых глобальных рисков, обосновывающих новую реальность и никак не подтверждающихся повседневным опытом, требует «веры в науку» [40]. Поскольку «более высокий уровень веры в науку связан с положительными психологическими результатами, такими как счастье, более низкий уровень стресса и снижение опасения смерти», то Национальный Институт Здоровья США ввел индивидуальный рейтинг граждан по Шкале веры в науку (BISS), который оценивает степень, в которой наука ценится гражданином как источник превосходных знаний [19, 23]. Вера в науку стала синонимом политической благонадежности. Наступившая аномия общества, выражающаяся в исчезновении единых социальных норм и расхождении между провозглашенными обществом целями и их достижимостью для обычных людей, делает опору на жизненный опыт прошлого бессмысленным, а качественное образование – мешающим успеху в жизни [28-30].

Искусственный интеллект (ИИ). Автоматические методы сбора и обработки данных с применением ИИ обнаруживают несостоятель-

⁶ Судья 13-го окружного суда Мичигана Кевин Эльзенхаймер разрешил прокурору Мэтью Депенно опубликовать результаты судебной экспертизы 16 машин для голосования Dominion в округе Антрим, штат Мичиган, где тысячи голосов перешли от президента Трампа к Джо Байдену 3 ноября 2020 года. «В Central Lake Township было отменено 1222 бюллетеня из 1491 поданных бюллетеней, в результате чего показатель отклонения составил 81,96%. Поскольку одни и те же машины и программное обеспечение используются в 48 других округов Мичигана, это ставит под сомнение целостность всех выборов в штате Мичиган».

ность прежних представлений о мире. Ведь мысленные эксперименты, примитивные математические модели и умозрительные теории, связывающие между собой несколько степеней свободы в рамках Евклидова пространства повседневной интуиции и грамматики естественного языка, служившие основанием картины мира в прошлом, не имеют описательной силы в применении к многомерной, нелинейной и нерегулярной геометрии данных [60]. Знания, полученные с использованием ИИ, часто оказываются социально недопустимыми⁷ или политически неприемлемыми⁸, не могут быть ни оглашены, ни публично использованы, часто носят эзотерический характер.

Разделяя людей на профанов и посвященных, ИИ также усиливает рост социального неравенства [6, 44]. Влияние данных на экономику проявляется в виде положительной обратной связи, закрепляющей рынок за пионерами. Корпорация, захватившая лидерство на начальном этапе и заполучившая больше пользователей, получает больше данных и делает более сильный продукт на основе ИИ, который затем привлекает еще больше пользователей и, следовательно, приносит еще больше данных, усиливая цепь обратной связи на каждом экономическом цикле [39].

Таким образом, использование ИИ естественным образом ведет к появлению монополий во

⁷ Например, программа выявления будущих преступников на основе ИИ анализирует все известные изображения задержанных за правонарушения в полицейских базах данных. Поскольку практически все задержанные были черными, программа автоматически выдает сигнал тревоги по поводу любого чернокожего [20]. ИИ все шире применяется для предсказания развития различных ситуаций, в связи с чем растут опасения, не слишком ли предвзято эти системы относятся к определенным группам населения, в частности к людям с другим цветом кожи [55].

⁸ Автор этих строк участвовал в создании китайского Социального рейтинга в части ранжирования университетов провинции Сычуань в 2017 году. Анализ данных показал, что наиболее адекватным параметром, описывающим значимость университета в национальной системе образования Китая, является доля его выпускников, уехавших за рубеж. Такой вывод, однако, оказался политически неприемлем для руководства провинции. С их точки зрения, значимость университета определялась долей выпускников, вступивших в ряды КПК.

всех секторах экономики, от авиаперевозок до фармацевтики и транспортировки грузов [16]. И хайтек-корпорации, давно специализирующиеся на сборе и обработке данных на основе ИИ, имеют хорошие шансы сосредоточить в своих руках львиную долю инфраструктуры и производств планеты, а их владельцы – практически единолично персонифицировать собой человечество⁹.

Континентальная Европа не участвует в гонке: согласно классическому римскому праву, икона может быть собственностью, а молитвы, к ней возносимые – нет. Европейец – собственник компьютера, но не данных, которые в нем содержатся [36]. В то время как в Китае на Шанхайской бирже данных SDE уже стартовали торги большими данными среди 100 крупнейших информационных компаний, ни формулы, ни алгоритмы, ни базы данных в Европе запатентовать нельзя: бизнес, связанный с данными, там невозможен. Европейский Союз пытается компенсировать свою отсталость, навязывая другим странам свои стандарты, направленные на фактический запрет индустрии под видом необходимости соблюдения прав «субъектов данных».

Точно так же, оказавшись неспособной конкурировать с другими странами в энергетической отрасли, Европа перешла к пропаганде «зеленой энергетики» среди своих конкурентов, заставляя их субсидировать заведомо убыточные производства под видом защиты окружающей среды [24].

Распадающиеся государства. Систематическое изучение государств и политических режимов управления началось в 70-е годы группой Т. Гурра в университете Мэриленда [33, 42]. Анализ собранных данных показал, что современные государства расщепляются, словно радиоактивные атомы: тем быстрее, чем их больше. В 1800 году мир был разделен между 20 империями, а сегодня в мире имеется 195 государств и множество непризнанных территорий. Государство ка-

жется всемогущим потому, что существует дольше средней человеческой жизни. Среднее время жизни государства – 121 год, с периодом полураспада 84,5 года: к концу века исчезнет ровно половина из существующих национальных государств [59].

Предоставляя гражданам социальные гарантии (часто бесплатные) в виде пищевого рациона, медицинского обслуживания, образования и социального жилья, государство присваивает себе права контроля рождаемости (например, ограничивая число комнат в социальном жилье) и распоряжения временем своих граждан (например, гарантируя полную занятость). Устанавливая пенсионное обеспечение на уровень, допускающий выживание без детей, социальное государство обрывает связь между поколениями, атомизируя общество¹⁰.

Страны знают о своей судьбе и предпринимают усилия, чтобы дольше сохраниться на карте мира. Исторически самым устойчивым государственным режимом является эфиопская монархия, не претерпевшая за последние три века существенных политических изменений [59]. В 2013 в ту же политическую клетку перешла и Россия. Стратегия выживания США напоминает добычу неорганической нефти с больших глубин гидравлическим разрывом пласта – «долларовый фрекингинг». Все крупнейшие экономики мира: Китай, Германия, Япония, Корея – экспортные, «заточены» на поставку товаров и услуг в США. Нежелание или неспособность Америки покупать товары экспортеров сразу приведет к обрушению мировой экономики. Вместе с товарами в США переезжают люди и переносятся новые технологии. Последние выстраиваются в пищевую цепочку – в порядке очередности поставок в США товаров, средств и активных людей.

Задачи перехода всех стран мира к демократии больше не ставится. Ведь, чтобы обеспечить демократическую страну дешевыми ресурсами, несколько соседних стран должны стать автори-

⁹ Стоит упомянуть, что безудержное неравенство, развивающееся в экономике, где победитель получает все, порождает политическую поляризацию и усиливает социальное недоверие с тенденцией искажать функционирование демократических институтов и подрывать социальный капитал общества [34, 41, 56].

¹⁰ В 2021 году лишь 17,8% американцев находились в составе традиционной нуклеарной семьи, т.е. состояли в браке и имели хотя бы одного ребёнка. Это абсолютный антирекорд за всю историю переписей в США.

тарными. По мере удаления от Америки, национальные элиты присваивают все большую часть производимого продукта и в нарастающих объемах выводят присвоенное из собственной страны вверх по цепочке, истощая отечественную национальную экономику и насыщая экономики вышестоящих стран. Как следствие, вниз по цепочке повышается стоимость кредитов, растет дефицит и уменьшается горизонт инвестиций, снижается стоимость труда и падает его квалификация (на более высокую квалификацию нет спроса).

Кризис линейной модели времени в глобальном обществе риска

Представления о линейности времени укоренены глубоко в психологии (сознании, мышлении) и религии европейцев. То есть время течет из прошлого через настоящее – в будущее, единственное прошлему и иначе быть не может. В линейной модели актуальное время извлекается из будущего путем смягчения неопределенностей и рисков при помощи страхового контракта, гарантирующего застрахованному лицу возмещение потерь, которые могут случиться в результате наступления страховых случаев, сохраняемых в коллективной памяти общины о прошлом [43, 49]. Добытое таким образом время принадлежит не лично человеку, не сообществу «общей памяти», а через нее – географическому ландшафту его обитания. Основные принципы линейной модели – «Где родился, там и пригодился» и «Можем повторить!» – сохраняют страховой контракт через единство страховой базы [59].

История Старого Света непрерывно реконструируется в ритуалах, на парадах и в ролевых играх, в культуре, которая переваривает воображаемое прошлое в будущее. А то, что не празднуется – того никогда не было [46]. История обществ, живущих в линейной модели времени, словно бы ходит по кругу: Первый Рим – Второй – Третий, Первый Рейх – Второй – Третий – Четвертый (символика, награды и политический дискурс Европейского Союза прямо отсылают нас к империи Карла Великого). Будущее реконструируется как мифологизированное прошлое – фэнтези: откопали свастику в Трое, отождествили хеттский и древнегерманский языки, а само-

название Борузия (Пруссия) – с анатолийским Пурусхандом, и вот ожившее фэнтези обернулось новой Троянской войной [9, 10].

Идентичность человека Старого Света конструируется через обиду за ландшафт, а общинная и книжная память заменяют ему память семейную. Воспроизводство в сообществе линейной модели времени – функция географического места, а депортация населения – ультимативное наказание, оскпление ландшафта. Поэтому отделение любой окраины, нарушение территориальной целостности, есть прямой удар по репродуктивной функции, который воспринимается крайне болезненно. Наибольший рост населения Российской империи был тогда, когда община выделяла наделы земли по числу едоков в семье – чем больше детей, тем обширнее участок. Стоило перевести население в города с ограниченным метражом жилой площади, как оно стало стремительно убывать. Обида за ландшафт тесно связана с «национальной» виной перед родителями. Ведь каждый человек Старого Света живёт за счёт смерти своих предков, вытесняя их (из квартир), и это делает каждое поколение виновным в смерти предшествующего – преступным и малочисленным [3].

Главной угрозой страховому обществу линейной модели времени является рост социального неравенства, разрушающий единство общины, что воспринимается и переживается многими людьми как проявление крайней несправедливости. Неравенство невозможно устранить – это закон природы и экономической психологии, статистическое следствие нежелания людей рисковать. Распределение богатства в обществе по Парето – наиболее вероятное распределение при условии логарифмической функции полезности денег, описывающей человеческую склонность избегать риска [59].

Согласно идеям Парето, социальное неравенство неизбежно возникает в ходе индустриального развития («цивилизации»), которое должно быть ограничено государством при помощи законодательного регулирования распределения доходов (социализма). Когда в 1923 в Италии пришел к власти фашистский режим, профессор Парето был удостоен звания сенатора. Во всех социалистических проектах статистический за-

кон природы объявляется несправедливым, а будущее видится как возврат к вымышленному справедливому прошлому, в полном соответствии с линейной моделью времени. Фашистские режимы (корпоративные государства) используют прогрессивную шкалу налогообложения для развития образования и инфраструктуры, охраны здоровья и окружающей среды.

Одновременно тормозится рост промышленного производства и укрепляется патерналистское государство – община, определяющая (в ходе расцвета культуры) как жить, что думать и как выглядеть ее членам. Гитлер определял суть Второй мировой войны как борьбу (немецкой) культуры против (англо-саксонской) цивилизации [48]. В германском национал-социализме предполагался послевоенный переход к зеленой экономике и возобновляемой энергетике ветра и солнца, запрет на опыты с животными, охрана природы и полная дезурбанизация – возврат к справедливому сельскохозяйственным общинам «древнего уклада» [24]. Однако, результатом социалистических экспериментов всегда был диспропорциональный рост социального неравенства, происходивший в результате перераспределения богатства и возможностей в пользу ограниченного круга «людей длинной воли», членов правящих партий. Закон природы никогда не отменяется, и поэтому время существования коллектива «общей памяти» ограничено несколькими поколениями.

Линейная модель времени очевидно соответствует стабилизирующему отбору внутри популяции, благоприятствующему неизменным нормам, адаптированным к прошлым условиям, против нововозникающих крайностей. Стабилизирующий отбор оказывается более выигрышным, когда окружающая среда стабильна, а смертность носит предсказуемый характер. Стабилизирующий отбор позволяет популяции прийти в состояние равновесия с окружающей средой путем снижения рождаемости при расходовании большего количества энергии и ресурсов на воспроизводство меньшего числа потомков, лучше адаптированных к условиям устойчивой внешней среды [50, 59].

Легко заметить, что в условиях глобального общества риска линейная модель времени пере-

стает работать. Во-первых, в свете грядущих катастроф будущее не может быть единичным прошлым. Будущее становится принципиально неизвестно и потенциально опасно: о нем приходится гадать, кидая кости и вычисляя вероятности. Смысл будущего в глобальном обществе риска раскрывается через катастрофы: конец света, гражданскую войну и зомби-апокалипсис и др.

Во-вторых, в условиях разделяющего выживания общество погружается в состояние анонии, отменяя свое прошлое, разрушая памятники своим героям и отвергая прежние идеалы – начисто отказывается от коллективной памяти. Когда будущее больше не имеет отношения к прошлому, то и само понятие будущего становится эфемерным, превращаясь в протяженное настоящее, не предоставляющее возможности для планирования действий [8, 49].

В-третьих, колонизирующие институты глобального общества риска отчуждают человека не только от внешнего мира, но и от собственного тела, порождая в нем чувство собственной ничтожности и усиливая ощущение того, что его личное будущее растворилось в настоящем. Радикальная неуверенность в реальности будущего порождает психологическое состояние повышенной незащищенности у тех, кто его переживает (узников концентрационных лагерей, депортируемых лиц и неудавшихся соискателей убежища). Вместо рационального выбора и планирования, выживание в условиях неопределенного будущего требует готовности брать то, что приходит и извлекать из этого максимум пользы [31, 37].

В-четвертых, алгоритмическая цензура в средствах массовой информации, социальных сетях и платформах, при которой по каждому вопросу допускается только одна точка зрения, порождает моральный и культурный релятивизм, в котором субъективный опыт оказывается важнее морального императива и любого представления об истине и объективности, выработанного в обществе. Нормы и знания отбрасываются за ненадобностью и заменяются идеологиями, отрицающими здравый смысл и истину. Благодаря доминантной вере в мультикультурализм, культуру жертвы и права меньшинств, большинство

(община) не может быть право во всеми потому теряет возможность владеть и распоряжаться социальным временем [1, 18].

В-пятых, массированное применение новых информационных технологий на основе облачных вычислений и ИИ создают условия для отчуждения цифрового двойника личности (digitaltwin) – владеющего всеми деньгами, доступом к продуктам питания, медицинскому обслуживанию, образованию, социальному страхованию, общественному транспорту и коммуникациям – от физической личности. Настоящими владельцами учетных записей цифрового двойника является не сам человек и не общество, а высокотехнологичные компании, аккумулирующие и обрабатывающие личную информацию, включая национальные паспорта вакцинации, что обещает беспрецедентную концентрацию власти и капитала в одних руках. Коммерческие предложения о продаже личных данных (включая медицинские) граждан развивающихся стран наполнили почтовые ящики американцев. Нет оснований полагать, что цифровые двойники не будут торговаться алгоритмами на электронных биржах данных без ведома физических лиц – цифровая работоторговля может стать важной частью экономики глобального общества риска.

В-шестых, беспрецедентный и непрерывно ускоряющийся рост социального неравенства, при котором львиная доля богатств планеты оказывается сосредоточенной в руках нескольких семей, убедительно показывает, что подходы беллетристов прошлого, рисовавшие геополитические и социальные процессы как столкновение цивилизаций, государств, классов и сословий, полностью утратили свою описательную силу. Именно семьи оказались настоящими единицами выживания, которые будут определять характер и течение социальных и политических процессов в глобальном обществе риска.

Известно, что условия высокой психологической неопределенности изменяют принципы естественного отбора, превращая движущий (направленный) отбор в самоуничтожение. Быстрые изменения окружающей среды и внезапные трансформаций общества делают прежние адаптивные черты неадекватными, затягивающими семьи в экологические ловушки [52,

54]. Результатом дезадаптации является принятие ошибочных поведенческих решений, таких как предпочтение ложно привлекательных сред обитания и бездоходных профессий, вместе с избеганием высококачественных, но непрестижных мест и видов деятельности с точки зрения их полезности для выживания и воспроизводства. Ошибки, допущенные при оценке качества среды обитания, приводят к методичному уменьшению семьи, а в некоторых случаях и к ее полному исчезновению.

Смена парадигмы времени в глобальном обществе риска: от социального – к личному

Поскольку длительность существования сообществ обычно превышает продолжительность жизни индивидуума, психологическое время в линейной модели не ограничено, что порождает иллюзию вечности государства. Однако, потерпев эпическую неудачу в деле преодоления социального неравенства, общества и государства утрачивают право распоряжаться временем, которое становится все более личным [59]. Участие в деятельности рудиментарных общественных институтов, традиционно реквизирующих существенные объемы личного времени, становится все более убыточным. Например, в условиях широкого распространения высшего образования время, потраченное студентом высшего учебного заведения, не только не позволяет достичь удовлетворительного социального положения в будущем, но даже не дает возможности вернуть кредит, взятый на обучение. Объем невыплаченного студенческого долга в США ускоренно растет и достигает \$1,73 трлн. (осень 2021).

Еще более яркий пример – это крах национальных систем социального страхования: средства, аккумулировавшиеся в течение всей трудовой жизни, оказываются недостаточными для существования и получения доступа к медицинскому обслуживанию на пенсии. В линейной модели времени социальное настоящее реконструировалось через прошлое, но скорость и непредсказуемость социально-экономических изменений в глобальном обществе риска, озабоченном безопасным будущим в свете глобальных проблем и угроз, сделало невозможным опору на проверенные опытом прошлого механизмы со-

циальной и социально-психологической адаптации.

Ввиду того, что личное время (как и продолжительность человеческой жизни) конечно, стратегическое планирование приобретает для него первостепенное значение. Поскольку цель, намеченная в ходе планирования к достижению в будущем, определяет текущие действия, личное настоящее конструируется через будущее. Последнее может быть открыто через пророков, торговаться на рынке фьючерсных контрактов или прописываться в решениях партийных съездов. Мы называем такую модель времени *авраамической*, предполагая Авраама парадигматическим носителем мессианского ощущения време-

ни. Получив пророчество о будущем своих потомков, он круто изменил жизнь, отправившись на поиски обетованной земли.

Авраамическая модель времени видится естественной при кочевом укладе жизни, подразумевающим сезонное планирование и автономию личности (см. рис. 1). В кочевом мире прошлое лишено самостоятельного смысла – оно лишь часть пути, который рассматривается сразу целиком, как если бы он был известен заранее. Кочевник не привязан к какому-либо месту, ведь ландшафт для него есть лишь сцена, на которой пересекаются кочевые пути, и разыгрываются личные отношения [17].

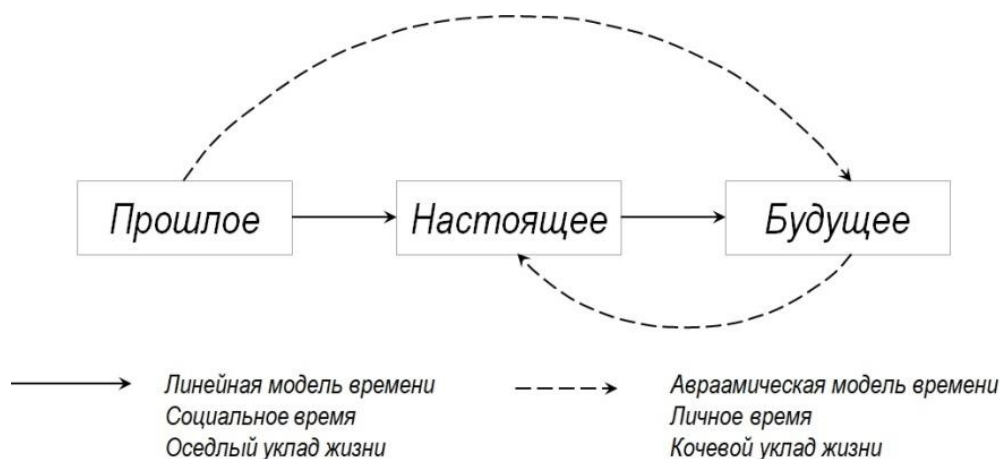

Рис. 1. Линейная и авраамическая модели времени

И наоборот, реакция человека оседлой культуры на уяснение необходимости изменить свою жизнь ради будущего, скорее должна клинически соответствовать синдрому отложенной жизни (по аналогии с синдромом отложенного счастья – прокрастинацией), при котором достижение поставленной цели постоянно откладывается на неопределенный срок, а жизнь ощущается как ненастоящая, заполненная второстепенными событиями и чужими целями [4]. Представление о том, что настоящая жизнь начнется когда-нибудь потом, обычно среди вынужденных мигрантов, вахтовых работников, срочников и заключенных – всех, кто помимо воли сталкивается с необходимостью личного планирования времени, вне

связи с линейным социальным временем своего сообщества [14].

Много носителей авраамической модели времени традиционно проживает в США. Со времен Первой мировой войны скорость легальной иммиграции в США удваивается каждые 12 лет. В последние десятилетия страна показывает взрывной рост населения, потому что каждый приехавший, в среднем, притягивает за собой двух новых эмигрантов. В результате фактического открытия южных границ в начале 2021 года на территорию США к зиме вошли 2 млн. человек, не имеющих разрешающих документов. Многие из эмигрантов обладают ярко выраженной психологией кочевников. Эти люди не только ощущают в себе гордость в связи с

тем, что им удалось преодолеть барьеры эмиграции, но и готовы стоически воспринимать крутые повороты собственной судьбы.

Авраамическая модель времени ясно просматривается в теологии американских религиозных визионерских сект, таких как Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов), проповедующей восстановление христианства в первоначальном виде. Согласно их представлениям, прошлое не уходит, но содержится в настоящем, и прихожанин принимает крещение не только за себя, но и за всех своих умерших предков. В своем посмертном существовании мормоны живут между собой в вечном небесном браке, который они должны «запечатать» сейчас на Земле (будущее известно, оно лишь подтверждается в настоящем).

Авраамическая модель времени видна и в массовой культуре, когда Терминатор прибывает из будущего, чтобы исправить американское настоящее. Сравните сюжет с европейской гостьей из будущего – Алисой, прибывшей просить советское настоящее о помощи будущему. В авраамической модели отпадает необходимость в традиционной культуре – мифологизированном прошлом, служащим образом будущего в модели линейного времени.

Отсутствует в ней и острое переживание несправедливости социального неравенства, губительной для государства и общества, существующих в линейном времени. Неравенство психологически не переживается болезненно, если экономический рост не останавливается ни на минуту, а коммерческое предложение опережает и формирует потребительский спрос – в условиях, когда жизнь постоянно предоставляет новые возможности и неизведанные пути [59].

Все попытки перенести из США гражданские институты и экономические свободы в другие страны мира потерпели неудачу, и в Западной Европе – прежде всего. Советский Союз пытался методично скопировать из Америки все: от кафтана Деда Мороза, до плановой экономики семьи Форд – с тем же результатом. Главная причина неудач очевидна: планирование – атрибут личного, а не социального времени. Последнее – прямое, как стрела, и перенос принципов плановой экономики одной семьи на весь социум, потре-

бовавший предельной мобилизации и массовых человеческих жертв ради осуществления сомнительных проектов будущего, привел к утрате свободы и неврозу отсроченной жизни, закрепившемуся в поколениях российского общества.

Поскольку кочевой образ жизни предполагает автономию человека и его семьи, демократия является естественным режимом управления, соотношенным с авраамической моделью времени. И обратно, выборы в Старом Свете, рисуящем будущее в виде справедливого прошлого, не только лишены смысла, но и глубоко оскорбляют человеческое достоинство. Разумеется, романтизировать образ США было бы ошибкой. События 2020-2021 годов убедительно показали, что в некогда демократическом государстве сложилась мощная прослойка «рентоискателей», которые идут на любые преступления для сохранения и укрепления своего положения.

Отказ от модели линейного в пользу авраамического, кочевого времени соответствует перемене стратегии выживания: от стабилизирующего отбора внутри одной популяции, закрепляющего нормы, адаптированные к прошлым условиям (будущее как прошлое) – к взрывному, диверсифицирующему отбору, отвергающему устоявшиеся нормы в пользу крайних черт и нетрадиционных решений, повышающих шансы на выживание в условиях быстро меняющейся среды обитания.

Стабилизирующий отбор в человеческих сообществах проявляется как «синдром высокого мака» (tall poppy syndrome) и выражается в неприязни к людям, которые выделяются благодаря своим талантам, успехам или красоте, что приводит к уменьшению дисперсии признака [22, 26]. К явным признакам перехода к диверсифицирующему отбору в глобальном обществе риска можно отнести агрессивную защиту меньшинств, открытую пропаганду девиантного поведения, компрометацию и атаки на традиционные ценности и нормы в рамках нового гуманизма. Считается, что диверсифицирующий отбор – одна из основных движущих сил симпатрического видообразования в популяциях, приводящих к разделению видов, населяющих один географический регион [15].

Заключение

Процессы глобализации обостряют социальную конкуренцию за статус, ресурсы и возможности, заставляя человечество менять социальные ниши, а также эмигрировать в другие сообщества, чтобы избежать конкуренции и добиться успеха. Ускорение и непредсказуемость изменений в обществах риска, озабоченных безопасным будущим в свете глобальных проблем и угроз, делает невозможным опору на проверенные опытом прошлого механизмы социальной и социально-психологической адаптации. Глобальное общество риска отвечает психологической модели авраамического времени, в которой будущее известно через осознание рисков и уяснение целей движения, а прошлое непрерывно переин-

терпретируется в интересах настоящего и, таким образом, сливается с ним в рамках стратегического планирования.

Отказ от психологической модели линейного в пользу авраамического времени соответствует перемене стратегии выживания: от стабилизирующего отбора внутри одной популяции (за нормы, адаптированные к прошлым условиям, против нововозникающих крайностей) к взрывному, диверсифицирующему отбору (против устоявшихся норм, за крайние черты и нетрадиционные решения, повышающие шансы на выживание в условиях быстро меняющейся среды обитания).

Благодарности

Автор выражает сердечную признательность А.Н. Лебедеву за организацию Академического дискуссионного клуба Института Психологии РАН, А.Н. Неверову за отзыв на доклад автора по теме «Выживание в условиях неопределенности», а также всем участникам заседания дискуссионного клуба за полезные обсуждения, последовавшие за докладом. Автор благодарит философа видеоблогера Игоря Данилова и всех участников его каналов «Новая Натурфилософия» и «Философский штурм» за несколько плодотворных, многочасовых обсуждений по теме настоящей работы, имевших место в 2018-2020 гг.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Аукционек А.П., Белянова Е.В. Политическая рента в рыночной и переходной экономике. М.: ИМЭМО РАН, 1995.
3. Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Грёзы о Земле и небе. СПб., 1995.
4. Виндекер О.С., Сморгалова Т.Л., Лебедев С.Ю. Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // Психология. 2016. С.98-108.
5. Виньо А. Транснациональные корпорации и стратегия локализации: к новому равновесию? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. №13(6). С.51-64.
6. Гладуэлл М. (2009) Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего? 17-35 <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/the-story-of-succes/1/1.pdf>
7. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 294-296.
9. Емельянов В.В. Антропологический поворот в науках о Древнем Востоке (на примере ассириологии) // Вопросы философии. 2013. №2. С. 136-147.
10. Емельянов В.В. Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. 2011. №8. С. 46-57.
11. Левин М., Шилова Н. Рентоориентированное Поведение в Системах Со Сложной Структурой // SSRN, 2016

- <https://ssrn.com/abstract=2831381>,
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2831381>
12. Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность. // Вопросы истории. 2003. № 10. С.19-37.
 13. Павроз А.В. Соискание ренты как категория политического анализа // Вестник Московского Ун-та. Сер. 12. Политические науки. № 2, 2009. С. 84-94.
 14. Серкин В.П. Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Выпуск 2: сборник научных трудов. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С.161-177.
 15. Смит Д.М. Симпатрическое видообразование // Американский натуралист. 1966. Т.100(916). С.637-950.
 16. Смит Б., Браун К.Э. IT как оружие: Какие опасности таит в себе развитие высоких технологий. М.: Альпина Пабlishер, 2020.
 17. Урманбетова Ж.К. Ценности Кочевой Культуры (На Примере Кыргызов). // Сборник статей VII Международной научно-практической конференции «Тенгрианство и Эпическое Наследие Народов Евразии: Истоки и Современность». Изд-во: Международный фонд исследования Тенгри (МФИТ) (Якутск), 2019. С.275-280.
 18. Хайнзон Г. Европа: конец игры. Чьи дети будут править миром? М.: АСТ, Litres, 2020.
 19. Aghababaei N., Sohrabi F., Eskandari H., Borjali A., Farrokhi N., Chen Z.J. Predicting subjective well-being by religious and scientific attitudes with hope, purpose in life, and death anxiety as mediators // Pers. Individ. Diff. 2016. №90. P. 93-98.
 20. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // ProPublica, May 23, 2016.
<https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
 21. Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. P. 8-10.
 22. Bert P. Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value. // English World-Wide. 2004. V.25(1). P.1-25.
 23. Dagnall N., Denovan A., Drinkwater K.G., Parker A. An Evaluation of the Belief in Science Scale // Front Psychol. 2019. №10. P. 861.
 24. Darwall R. Green Tyranny: Exposing the Totalitarian Roots of the Climate Industrial Complex. New York: Encounter Books, 2017.
 25. Filkins D. The Deep State // The New Yorker. 12 March 2012.
 26. Garland D. The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor. 2020.
<https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>;
 27. Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, England: Polity Press, 1990.
 28. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, England: Polity Press, 1991.
 29. Giddens A. Risk and Responsibility // Modern Law Review. 1999. № 62(1). P.1-10.
 30. Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge, England: Polity Press, 1998.
 31. Griffiths M. Frenzied, decelerating, and suspended: the temporal uncertainties of failed asylum. Seekers and immigration detainees. Working Paper №105. Centre on Migration, Policy and Society. University of Oxford, 2013.
 32. Groothuis D. Do we need a reality czar? // The Gazette, Feb. 16, 2021.
https://gazette.com/opinion/columnists/do-we-need-a-reality-czar/article_041e86aa-6faa-11eb-ba25-a77376a27810.html
 33. Gurr T.R., Eckstein H. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. Wiley, New York, 1975.
 34. Hacker J.S., Pierson P. Winner-Take-All Politics. Simon & Schuster, New York, 2010.
 35. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Orell Füssli Verlag, Zürich, 2003.
 36. Hoeren T. (Münster) From Alibaba to Abida: Legal Issues concerning Big Data // Herrenhausen Conference: «Big Data in a Transdisciplinary Perspective». Herrenhausen Palace, Hannover, 25-27.03.2015, supported by Volkswagen Foundation.
 37. Johnson-Hanks J. Uncertainty and the second space: modern birth timing and the dilemma of

- education. // *European Journal of Population*. 2004. V.20(4). P. 351-373.
38. Krueger A. The Political Economy of Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. 1974. V.64. P.291-303.
39. Lee K.-F. *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2018.
40. Lehmann E. Hillary Clinton Declares: "I Believe in Science" // *Climate Wire, Scientific American*, July 29, 2016. <https://www.scientificamerican.com/article/hillary-clinton-declares-i-believe-in-science/>
41. Lieberman R.C. Why the rich are getting richer: American politics and the second gilded age. // *Foreign Affairs*, 2011. Available at <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2011-01-01/why-rich-are-getting-richer>
42. Marshall M.G., Jagers K. *Polity IV Project: Dataset Users' Manual*. Center for Systemic Peace. 2007.
43. Melucci A. Inner time and social time in a world of uncertainty. // *Time & Society*. 1998. V.7. P.179.
44. Merton R.K. The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*, 1988, V.79, P.606-623.
45. Nisbet R. *History of the Idea of Progress*. New York: Basic Books. 1980. Ch. 5.
46. Norris P., Inglehart R. *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. 2nd edn. Cambridge University Press, Cambridge. 2011.
47. Owens P. *Between War and Politics: International Relations and the Thought of Hannah Arendt*. Published to Oxford Scholarship, 2007.
48. Picker H. *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942*, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1968
49. Reith G. Uncertain times: the notion of 'risk' and the development of modernity. // *Time & Society*. 2004. V.13(2-3). P. 383-402.
50. Ridley M. *Evolution*, 3rd edn. Blackwell Publishing, Hoboken, 2004.
51. Roose K. How the Biden Administration Can Help Solve Our Reality Crisis // *The New York Times*. Feb. 2, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/02/02/technology/biden-reality-crisis-misinformation.html>
52. Schlaepfer M.A., Runge M.C., Sherman P.W. Ecological and evolutionary traps // *Trends in Ecology and Evolution*. 2002. V.17(10). P. 478-480.
53. Sills S., Pickens Ch., Beach K., Jones L., Calder-Dawe O., Benton-Greig P., Gavey N. Rape culture and social media: young critics and a feminist counterpublic // *Feminist Media Studies*. 2016. V.16 (6). P. 935-951.
54. Singer M.C., Parmesan C. Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource. // *Nature*. 2018. V.557. P. 238-241.
55. Spielkamp M. Inspecting Algorithms for Bias // *MIT Technology Review*. June 12, 2017.
56. Stiglitz J.E. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. W.W. Norton & Company. New York, 2013.
57. Tullock G. The Origin Rent Seeking Concept // *International Journal of Business and Economics*. 2003. V.2(1). P.1-8.
58. Van Eecke Ch. The Good Death – Cancel Culture and the Logic of Torture // *Quillette*, 09 Sep. 2021.
59. Volchenkov D. *Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution*. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg, 2016.
60. Volchenkov D., Blanchard Ph. *Introduction to Random Walks and Diffusions on Graphs and Databases* // Springer Series in Synergetics. V.10. Berlin: Heidelberg, 2011.
61. Werth N. *L'Ivrogne et la Marchande de fleurs: Autopsie d'un meurtre de masse, 1937-1938*. Paris: Tallandier, 2009.
62. Woodman C. The Imperial Boomerang: How colonial methods of repression migrate back to the metropolis // *VERSO*. 09 June 2020. <https://www.versobooks.com/blogs/4383-the-imperial-boomerang-how-colonial-methods-of-repression-migrate-back-to-the-metropolis>

Статья поступила в редакцию 09.11.2021

PSYCHOLOGY OF SURVIVAL IN A GLOBAL RISK SOCIETY: MODELS OF TIME

© Dr. Dmitry Volchenkov

Habilitated Doctor of Science (France, Germany), Alexander von Humboldt laureate, the 1000 Talent Plan of China winner, professor of the Sichuan University of Science and Technology (China) and Texas Tech University (USA).

We discuss the problem of human psychology developments in the future, in view of possible negative prospects for the civilization development. The concept of «global risk society» is proposed. We argue that globalization divides people, communities, and states by intensifying rivalry between all of them. The global risk society, canceling the future in view of imaginary planetary catastrophes, creates guises for introducing extraordinary measures that weaken competition by limiting free trade, effectively abolishing human rights, and social freedoms. Renouncing freedom in a situation of a false choice between freedom and social life (soldering, injection, a digital twin) leads to the loss of both freedom and life. A convenient metaphor for the new way of life in the global risk society is the psychological model of time, in which the present is reconstructed through the future, and not vice versa. The problem of transition from the linear model of time to the "Abrahamic" one is discussed.

Keywords: social psychology, global risk society, political psychology, survival psychology, risk psychology, linear time model

REFERENCES

1. Arendt, H. (1996). Istoki totalitarizma. [*The origins of totalitarianism*] Pod red. M.S. Kovalevoj, D.M. Nosova. M.: CentrKom. [Ed. M.S. Kovalevoj, D.M. Nosova. Moscow, CentrKom Publ.] (In Russian)
2. Aukcionek, A.P., Belyanova, E.V. (1995). Politicheskaya renta v rynochnoj i perekhodnoj ekonomike. [*Political rents in market and transition economies*]. M.: IMEMO RAN. [Moscow, IMEMO RAN Publ.] (In Russian)
3. Berdyaev, N.A. (1995). Religiya voskresheniya («Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova) [*Religion resurrection ("philosophy of the common cause" N. F. Fedorov)*] // Gryozy o Zemle i nebe. SPb. [*Dreams of Earth and sky. St. Petersburg*] (In Russian)
4. Vindeker, O.S., Smorkalova, T.L., Lebedev, S.YU. (2016). Psihologicheskie korrelyaty prokrastinacii i scenarij otlozhennoj zhizni [*Psychological correlates of procrastination and the scenario of deferred life*] // Psihologiya. [Psychology]. P.98-108. (In Russian)
5. Vin'о, A. (2020). Transnacional'nye korporacii i strategiya lokalizacii: k novomu ravnovesiyu? [*Transnational corporations and localization strategy: towards a new equilibrium?*] // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. [*Contours of global transformations: politics, economics, law*]. №13(6). P.51-64. (In Russian)
6. Gladuell, M. (2009). Genii i outsajdery. Pochemu odnim vse, a drugim nichego? [*Geniuses and Outsiders. Why is everything for one and nothing for the other?*] <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/the-story-of-succes/1/1.pdf> (In Russian)
7. Golovnyov, A.V. (2015). Fenomen kolonizacii. [*The phenomenon of colonization*]. Ekaterinburg: UrO RAN. [Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ.]. (In Russian)
8. Dyurkgejm, E. (1998). Samoubijstvo. Sociologicheski etjud. [*Suicide. A sociological study*].

- SPb. [St. Petersburg Publ.]. P. 294-296. (In Russian)
9. Emel'yanov, V.V. (2013). Antropologicheskij povorot v naukah o Drevnem Vostoke (na primere assiriologii) [Anthropological turn in the sciences of the Ancient East (on the example of Assyriology)] // Voprosy filosofii. [Questions of philosophy]. №2. P.136-147. (In Russian)
 10. Emel'yanov, V.V. (2011). Istoricheskij progress i kul'turnaya pamyat' (o paradokсах idei progressa) [Historical progress and cultural memory (on the paradoxes of the idea of progress)] // Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy]. №8. P. 46-57. (In Russian)
 11. Levin, M., Shilova, N. (2016). Rentoorientirovannoe Povedenie v Sistemah So Slozhnoj Strukturnoj [Rentseeking Behavior in Systems with a Complex Structure] // SSRN. <https://ssrn.com/abstract=2831381>, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2831381> (In Russian)
 12. Pavlova, I.V. (2003). 1937: vybory kak mistifikaciya, terror kak real'nost'. [1937: elections as a hoax, terror as reality] // Voprosy istorii. [Questions of history]. № 10. P.19-37. (In Russian)
 13. Pavroz, A.V. (2009). Soiskanie renty kak kategoriya politicheskogo analiza [Rent seeking as a category of political analysis] // Vestnik Moskovskogo Un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. [Bulletin of the Moscow University. Political sciences]. № 2. P.84-94. (In Russian)
 14. Serkin, V.P. (2012). Social'no-psihologicheskie prichiny migracii naseleniya Severo-Vostoka Rossii [Socio-psychological causes of migration of the population of the North-East of Russia] // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah. Vypusk 2: sbornik nauchnyh trudov. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU im. Vitusa Beringa. [Personality in extreme conditions. Issue 2: collection of scientific papers. Petropavlovsk-Kamchatsky]. P.161-177. (In Russian)
 15. Smit, D.M. (1966). Simpatricheskoe vidoobrazovanie [Sympatric speciation] // Amerikanskij naturalist [American Naturalist]. V.100(916). P.637-950. (In Russian)
 16. Smit, B., Braun, K.E. (2020). IT kak oruzhie: Kakie opasnosti tait v sebe razvitie vysokih tekhnologij [IT as a weapon: What dangers the development of high technologies entails]. M.: Al'pina Publisher. [Moscow, Alpina Publisher]. (In Russian)
 17. Urmanbetova, Zh.K. (2019). Cennosti Kochevoj Kul'tury (Na Primere Kyrgyzov) [Values of Nomadic Culture (On the Example of the Kyrgyz)] // Sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Tengrianstvo i Epicheskoe Nasledie Narodov Evrazii: Istoki i Sovremennost'». Izd-vo: Mezhdunarodnyj fond issledovaniya Tengri (MFIT) (Yakutsk) [Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference "Tengrianism and the Epic Heritage of the Peoples of Eurasia: Origins and Modernity". Publishing House: International Tengri Research Foundation (IFIT) (Yakutsk)]. P.275-280. (In Russian)
 18. Hajnzon, G. (2020). Evropa: konec igry. CH'i deti budut pravit' mirom? [Europe: The End of the Game. Whose children will rule the world?]. M.: AST, Litres. [Moscow, AST, Liters Publ.]. (In Russian)
 19. Aghababaei, N., Sohrabi, F., Eskandari, H., Borjali, A., Farrokhi, N., Chen, Z.J. (2016). Predicting subjective well-being by religious and scientific attitudes with hope, purpose in life, and death anxiety as mediators // Pers. Individ. Diff. V.90. P. 93-98.
 20. Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., Kirchner, L. (2016). Machine Bias // ProPublica, May 23. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
 21. Baberowski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. (2003). München: Deutsche Verlags-Anstalt. P. 8-10.
 22. Bert, P. (2004). Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value. // English World-Wide. V.25(1). P.1-25.
 23. Dagnall, N., Denovan, A., Drinkwater, K.G., Parker, A. (2019). An Evaluation of the Belief in Science Scale // Front Psychol. №10. P. 861.
 24. Darwall, R. (2017). Green Tyranny: Exposing the Totalitarian Roots of the Climate Industrial Complex. New York: Encounter Books.
 25. Filkins, D. (2012). The Deep State // The New Yorker. 12 March.

26. Garland, D. (2020). The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor. <https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>;
27. Giddens, A. (1990). *Consequences of Modernity*. Cambridge, England: Polity Press.
28. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, England: Polity Press.
29. Giddens, A. (1999). Risk and Responsibility // *Modern Law Review*. V. 62(1). P.1-10.
30. Giddens, A. (1998). *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge, England: Polity Press.
31. Griffiths, M. (2013). Frenzied, decelerating, and suspended: the temporal uncertainties of failed asylum. Seekers and immigration detainees. Working Paper №105. Centre on Migration, Policy and Society. University of Oxford.
32. Groothuis, D. (2021). Do we need a reality czar? // *The Gazette*, Feb. 16. https://gazette.com/opinion/columnists/do-we-need-a-reality-czar/article_041e86aa-6faa-11eb-ba25-a77376a27810.html
33. Gurr, T.R., Eckstein, H. (1975). *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*. Wiley, New York.
34. Hacker, J.S., Pierson, P. (2010). *Winner-Take-All Politics*. Simon & Schuster, New York.
35. Heinsohn, G. (2003). *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*, Orell Füssli Verlag, Zürich.
36. Hoeren, T. (2015). From Alibaba to Abida: Legal Issues concerning Big Data // Herrenhausen Conference: «Big Data in a Transdisciplinary Perspective». Herrenhausen Palace, Hanover, 25-27.03.2015, supported by Volkswagen Foundation.
37. Johnson-Hanks, J. (2004). Uncertainty and the second space: modern birth timing and the dilemma of education. // *European Journal of Population*. V.20(4). P. 351-373.
38. Krueger, A. (1974). The Political Economy of Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. V.64. P.291-303.
39. Lee, K.-F. (2018). *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
40. Lehmann, E. (2016). Hillary Clinton Declares: “I Believe in Science” // *Climate Wire, Scientific American*, July 29. <https://www.scientificamerican.com/article/hillary-clinton-declares-i-believe-in-science/>
41. Lieberman, R.C. (2001). Why the rich are getting richer: American politics and the second gilded age. // *Foreign Affairs*. Available at <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2011-01-01/why-rich-are-getting-richer>
42. Marshall, M.G., Jagers, K. (2007). *Polity IV Project: Dataset Users' Manual*. Center for Systemic Peace.
43. Melucci, A. (1998). Inner time and social time in a world of uncertainty. // *Time & Society*. V.7. P.179.
44. Merton, R.K. (1988). The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. V.79, P.606-623.
45. Nisbet, R. (1980). *History of the Idea of Progress*. New York: Basic Books. Ch. 5.
46. Norris, P., Inglehart, R. (2011). *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. 2nd edn. Cambridge University Press, Cambridge.
47. Owens, P. (2007). *Between War and Politics: International Relations and the Thought of Hannah Arendt*. Published to Oxford Scholarship.
48. Picker, H. (1968). *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942*, Deutscher Taschenbuch-Verlag.
49. Reith, G. (2004). Uncertain times: the notion of ‘risk’ and the development of modernity. // *Time & Society*. V.13 (2-3). P. 383-402.
50. Ridley, M. (2004). *Evolution*, 3rd edn. Blackwell Publishing, Hoboken.
51. Roose, K. (2021). How the Biden Administration Can Help Solve Our Reality Crisis // *The New York Times*. Feb. 2. <https://www.nytimes.com/2021/02/02/technology/biden-reality-crisis-misinformation.html>
52. Schlaepfer, M.A., Runge, M.C., Sherman, P.W. (2002). Ecological and evolutionary traps // *Trends in Ecology and Evolution*. V.17(10). P. 478-480.
53. Sills, S., Pickens, Ch., Beach, K., Jones, L., Calder-Dawe, O., Benton-Greig, P., Gavey, N. (2016). Rape culture and social media: young

- critics and a feminist counterpublic // *Feminist Media Studies*. V.16 (6). P. 935-951.
54. Singer, M.C., Parmesan, C. (2018). Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource. // *Nature*. V.557. P. 238-241.
55. Spielkamp, M. (2017). Inspecting Algorithms for Bias // *MIT Technology Review*. June 12.
56. Stiglitz, J.E. (2013). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. W.W. Norton & Company. New York.
57. Tullock, G. (2003). The Origin Rent Seeking Concept // *International Journal of Business and Economics*. V.2(1). P.1-8.
58. Van Eecke, Ch. (2021). The Good Death – Cancel Culture and the Logic of Torture // *Quillette*, 09 Sep.
59. Volchenkov, D. (2016). *Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution*. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg.
60. Volchenkov, D., Blanchard Ph. (2011). *Introduction to Random Walks and Diffusions on Graphs and Databases* // Springer Series in Synergetics. V.10. Berlin: Heidelberg.
61. Werth, N. (2009). *L'Ivrogne et la Marchande de fleurs: Autopsie d'un meurtre de masse, 1937-1938*. Paris: Tallandier.
62. Woodman, C. (2020). The Imperial Boomerang: How colonial methods of repression migrate back to the metropolis // *VERSO*. 09 June. <https://www.versobooks.com/blogs/4383-the-imperial-boomerang-how-colonial-methods-of-repression-migrate-back-to-the-metropolis>

The article was received 09.11.2021

Психофизиология

СТАРЕЮЩИЙ МИР И ГЕРОНТОЛОГИЯ

© Новоселов В.М.

главный врач, АНО «Научно-медицинский геронтологический центр», Москва, Россия
Председатель секции геронтологии МОИП при МГУ им. М.В. Ломоносова
novoselovvm@mail.ru

В статье проанализированы научные проблемы современной геронтологии. Дана критическая оценка биохакинга как стратегии решения проблемы старения. В отличие от биохакинга, главная цель которого – вернуть некие биохимические показатели к тому целевому значению, которое было раньше, геронтология ставит задачу изучения механизмов и процессов старения, которые начинаются задолго до старости, например, в момент зачатия организма или рождения человека. В статье рассматриваются различные виды и направления геронтологии, которая сегодня ускоренно развивается во многих странах (нейрогеронтология, геронтопсихиатрия, геронтокардиология, гериатрическую дерматология, социальная геронтология, психология старения и т.д.). Также рассматриваются различные определения феномена старения, гипотезы и теории старения, предложенные разными авторами. Научному сообществу российских психологов автором статьи рекомендуется обратить более пристальное внимание на проблему изучения движений биохакинга и трансгуманизма, так как их последователи очень часто искусно манипулируют людьми в целях извлечения прибыли, используя естественные для человека страхи старения и смерти.

Ключевые слова: геронтология, старение, психология старения, трансгуманизм, биохакинг

Введение

Мир, в котором мы живем, стареет. И есть наука, которая изучает старение как общебиологический феномен живой материи как старение человека во всех его проявлениях. Эта наука называется геронтология. Этот термин предложил ученый мирового значения Илья Ильич Мечников в 1903 году в тексте книги «Этюды оптимизма».

Хотя прошло много времени, и наука ушла очень далеко, тем не менее, большинство ученых из разных сфер знания, которые сегодня вынуждены обсуждать вопросы продолжающегося быстро стареть мира, не представляют, что же есть эта наука. Это приводит к разночтениям во множественных дискуссиях, которые сегодня идут в научных сообществах. Подобное недопонимание я услышал 23 ноября 2021 года на заседании Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН, где с выступлением по теме:

«Механизмы старости и методы продления жизни тела и разума» выступил Михаил Александрович Батин – организатор и президент Фонда поддержки научных исследований «Наука за продление жизни», автор и разработчик проекта OpenLongevity, член Попечительского совета Института исследований старения Бака (Калифорния, США).

Не являясь ни геронтологом, ни ученым, ни врачом, а одним из лидеров движения российского биохакинга, выступающий представил себя как геронтолога – борца за бессмертие. В любом случае, именно такое сложилось мнение после его выступления. Именно это привело к тому, что дискуссия ушла в заданном М. Батиным направлении, так как участвующие поняли, что геронтология и ее цель есть борьба за бессмертие человека. Но это не так и никогда так в истории данной науки не утверждалось. Данная статья

разъясняет позицию геронтологии и самих геронтологов.

Биохакинг: наука или бизнес?

Последние десять лет активно разогревает интерес к теме старения так называемый биохакинг. Это модное направление, в основном, состоящее из молодых яппи, которые сами решили, что будут читать научные статьи и на основании полученного знания, принимать лекарства, БАДы и сдавать анализы. Именно социальные сети показали, как много людей боятся стареть, не хотят стареть, готовы выполнять любые назначения их гуру, даже не понимая с чем они имеют дело. Приблизительно в этом же направлении действуют представители трансгуманизма. Оба термина, и биохакинг, и трансгуманизм являются зонтичными, они не имеют границ или размыты так, что фактически каждый желающий, особенно много и красиво говорящий, может себя сегодня так называть.

Одна из установок, по которой можно безошибочно определить биохакера, это отсутствие сомнений. Ему, как правило, все ясно, и со старением у него все просто. Кроме того, наукообразная фразеология типа «терапия старения, диагностика старения, патологии старости», привычные термины, возрастзависимые заболевания он всегда заменяет на «патологии старости» или говорит «пациент умер от нозологий старости», что сразу определяет полную безграмотность говорящего и демонстрирует, с кем мы имеем дело.

Что только и в каких сочетаниях не рекомендуют биохаkers жажущим не стареть: сахаропонижающие бигуаниды, антидепрессанты, бета-адреноблокаторы, антибиотики, антикоагулянты, статины. Списки обширны, это явление можно признать полипрагмазией, это тяжелейший гериастрический синдром, когда пациент принимает избыточное количество препаратов. При этом, те назначения, что использовали единичные биохаkers 30-40 лет назад можно считать «цветочками», там в основном были безобидные БАДы.

Направление биохакинга возникло не сегодня, как хотят показать лидеры современного движения. Эту тему создали Дарк Пирсон (1943 г.р.) и Сэнди Шоу (1943 г.р.), которые решили про-

длить жизнь на научных принципах, для чего читали научную литературу, принимали БАДы и лекарства, прием которых сегодня вообще никто не связывает с продлением жизни. Это было в начале 1970-х в США. В гражданском процессе эти увлеченные идеей люди оспаривали конституционную обоснованность правил регулирования FDA, которые требуют, чтобы продавцы пищевых добавок получали разрешение, прежде чем маркировать такие добавки «health claims». На заработанные от продажи этой книги деньги они основали компанию «Life Enhancement», которая и сегодня торгует БАД и стали выпускать журнал «Life Enhancement Magazin».

Движение биохакинга управляется и направляется, в основном, американскими бизнесменами, которые зарабатывают на этом. Эти люди не видят причин, по которым они не могут взять свой опыт капитализации бизнеса, и по тем же принципам и лекалам победить и старение, и саму старость. Да и саму смерть. При этом они уверенно полагают, что им не нужно быть специалистами в геронтологии или биологии продолжительности жизни, не нужно получать дипломы, что, по сути, означает необходимость глубоко изучать гистологию, патологическую физиологию, генетику и еще десятки предметов, чтобы принять то или иное решение. Действительно, а зачем, – ведь можно нанять консультантов, разработать стартапы и затем выйти на рынок IPO.

Например, один из физиков А. Жаворонков, делающий бизнес на идее биохакинга, дает вот такие рекомендации:

1. «Избегайте психологического старения. Установите для себя предел долголетия, теоретически достижимый, но для достижения которого необходимо прилагать усилия.

2. Уделяйте больше времени себе. Постарайтесь как можно дольше отложить отцовство или материнство, чтобы избежать ответственности за детей. Необходимо поставить на первое место успехи в укреплении здоровья, а не в бизнесе или карьере. Постоянно учитесь и учите тех, кто вас окружает.

3. Старайтесь дружить с молодыми людьми, предпочтительно, с молодыми учеными и докторами. Ученые живут дольше и сохраняют интел-

лектуальную энергию значительно дольше обычных людей.

4. Занимайтесь исследованиями процесса старения. Только личные знания предмета обеспечат уверенность и заставят принимать лекарства, которые продлевают жизнь. Некоторые из них уже продаются в аптеках.

5. Поддерживайте хорошую физическую форму: спите по семь часов, следите за количеством поглощаемых калорий, занимайтесь йогой и отягощениями. Берегите здоровье и старайтесь избегать воспалений и прочих болезней.

6. Определите свои предрасположенности при помощи основного генетического исследования. Оно также поможет предвидеть воздействие на ваш организм тех или иных лекарств.

7. Проходите медосмотры. Регулярно проверяйте состав крови и количество кровяных телец, пульс и т.д.

8. Начните принимать геропротекторы, вещества, продлевающие жизнь.

9. Собирайте свои биообразцы, например, кровь и ткани для дальнейшего использования и исследований.

10. Сделайте свою жизнь интереснее, чтобы вам хотелось жить дольше» [9].

Часто идея биохакинга выглядит очень просто – вернуть некие биохимические показатели к тому целевому значению, которое было раньше, не больше и не меньше. При этом показатели выбирают сами, согласованно с возможностями дружественных лабораторий и своих представлений. С одной стороны, они не призывают слушателей и читателей самим пытаться воздействовать на уровни предлагаемых маркеров и говорят, что принимать решения может только врач, что очевидно является данью 323 ФЗ закону РФ. С другой стороны, гуру данного направления постоянно делают акценты на том, что врачи не лечат старение и только их панель неких показателей поможет лечащему врачу составить наилучшую стратегию по продлению здорового периода жизни персонально для Вас.

Вот как это приблизительно звучит: «По мнению ряда специалистов оптимальной следует считать норму, свойственную каждому человеку в 20-25 лет; её можно условно обозначить как

норму. С целью объективизации выявления физиологических и патологических значений результатов лабораторных тестов проводят их сравнение с контрольными значениями, то есть со значениями, получаемыми теми же методами у здоровых лиц в той же популяции».

Скромное умалчивание, что это за специалисты, подразумевает, что они есть и уже сделали всю работу по отбору молодой здоровой нормы. Но это не так, почти все показатели, которые предлагаются, это показатели, имеющие большой индивидуальный разброс даже в норме, не имеющие возрастной динамики, если человек здоров, и доказательства обратного приводятся только по статьям, рядом с которыми есть тысячи статей, указывающими на противоположное.¹

¹ Например, известная биохакер Лиз Пэрриш, 50 лет, самая узнаваемая дама в информационном пространстве темы биохакинга, старения и долголетия. В 2015 году она прошла курс «лечения» генами теломеразы и фоллистатина в Колумбии. Это было частью ее бизнес-проекта, который имеет конкретное оформление в виде коммерческого предложения сдать некие анализы за 400 с лишним долларов. Лиз пару лет назад сообщила миру, что увеличила свою мышечную массу и удлинила теломеры. Но есть ли это следствие представленного воздействия или изменения ее образа жизни в рамках представленной парадигмы, или даже результат самовнушения, точно сказать нельзя. Конечно, если ты продаешь себя как образец, то и выглядеть надо соответствующе. Вот, что интересно, – на самых последних фотографиях Лиз я вижу даму возрасте около 50 лет. Да – спортивная, да – подтянутая, но не более того. Многие россиянки в этом возрасте выглядят много моложе и без всяких экзотических шоу. Стоит также сказать, что длина теломер, о которой говорит Лиз, не связана напрямую со старением человека.

Обри де Грей, председатель фонда «Мафусаил», автор научно-популярной книги «Отменить старение». Вся деятельность Обри ориентирована на популяризацию темы и сбор средств для «борьбы со старением». Он заявляет, что уже родился человек, который проживет 500 лет. Несмотря на то, что Обри родился в 1963 году и только поэтому не может считаться даже пожилым человеком, внешне он стар и дряхл. Он яркий пример того, что «жизнь с бутылкой пива в руке» не может привести к здоровому старению, даже если человек решил дожить до 500 лет. Тем не менее, каких-либо доказательств данных утверждений нет.

Джим Меллон, 63 года. Он ставит на класс препаратов, называемых сенолитами, которые разрушают стареющие клетки. Тем не менее, это не имеет ни одного клинического доказательства и основано только на теоретических размышлениях, которые лежат в

Основатель империи здорового образа жизни Bulletproof Дэйв Эспри хочет прожить 180 лет. Он заработал миллионы, экспериментируя на собственном теле и упаковывая свои «домашние» открытия в платные консультационные услуги. Дэйв имеет домашнюю лабораторию, заполненную медицинскими гаджетами, такими как криокамера, тренажер для гипоксического воздействия (в основе прибора лежат разработки 1970-1990-х годов советских ученых Р.Б. Стрелкова и А.Я. Чижова) и велотренажер с искусственным интеллектом. Но я такие частные лаборатории видел и в Москве. И даже круче «упакованные». Одно из вмешательств, которым подверг себя Дэйв, состояло в том, что его же стволовые клетки вводились в сотни мест на его теле. И вот опять тот же парадокс – на фотографиях Эспри выглядит на свои 48 лет или даже старше. Да, здоровый человек в хорошем качестве, но явно не моложе. А ведь работали профессиональные фотографы, они ставили лучший свет и выбирали самые лучшие ракурсы.

Проблемы продления жизни методами биохакинга интенсивно изучаются в рамках так называемого трансгуманизма. Один из основателей трансгуманизма футуролог Рэй Курцвейл тоже среди них. Сегодня он принимает около ста препаратов, а ранее, по его же словам, он принимал много больше. Но хотя сам Рэй оценивает свой «биологический» возраст не выше 50 лет, он ну никак не выглядит моложе своих 72 лет. Как и многие биохакеры, Рэй принимает лекарственный препарат метформин. Это наиболее часто используемое сегодня средство геропротекции среди биохакеров. Многие энтузиасты продления жизни на постсоветском пространстве, да и люди, которые внимательно их слушают, также принимают это вещество.

основе написанного им «руководства по экспериментам».

63-летний Эрик Вердин – президент Института Бака, центра исследований старения. Его личный прогноз самому себе же, что он проживет 120 лет. Да, он отлично выглядит, как и все люди, ведущие активный и здоровый образ жизни. Но не более того, на фотографии он выглядит именно на свой возраст. Получается, что заявления о возможном рекорде, не более чем часть его бизнес-проекта и маркетинговый ход.

Замечу, что в описании производителей препаратов на основе метформина нет никакого указания на геропротекцию. Да, это препарат первого ряда для лечения диабета 2 типа. Да, он сочетается со всеми препаратами для ведения таких пациентов. Да, его можно использовать даже при предиабете. Но это не подразумевает, что препарат является доказанным геропротектором. И вот именно об этом забывают сказать люди, дающие в своих лекциях открытые рекомендации или скрытые информационные послы по применению метформина.

Интересный факт, когда указываешь на это энтузиастам приема метформина, эти люди, чаще довольно молодые, умные и грамотные, в ответ говорят так – а мы все равно принимаем и будем его принимать. Посмотрите, ведь на дрожжах это работает, они стали жить дольше. Да, но особенностью короткоживущих существ, которые используются при изучении влияния на их продолжительность жизни, является легкая отзывчивость на любые интервенции с заданной целью. И, чем проще экспериментальная модель, тем меньше такие опыты имеют практического смысла для понимания механизма старения именно человека. Например, снижение температуры может привести к многократному росту продолжительности жизни тех же моделей. Значит ли это, что снижение температуры тела человека в два раза, приведет к росту продолжительности его жизни. Нет, конечно! Наоборот, поверьте, и даже не стоит проверять.

Важно и то, что более чем за 60 лет использования метформина, если бы такие данные о продлении жизни человека были, врачи бы это знали в первую очередь. Очевидно, здесь очень важна точность формулировок. Ведь 60 лет – это очень серьезный срок, да и препарат использовался широко, значит, мы уже должны иметь ряд случаев исключительного долголетия или шеренги людей с метформином в руке, которые много моложе своего паспортного возраста. Но этого нет.

Рассматривать движение российских биохакеров, как обособленное движение со своей позицией, не приходится. Однако, они заметно более активно, чем западные биохакеры, культивируют страх старения и смерти среди своих по-

следователей, который всегда был отличным бизнесом на века.

Но изучение старения, именно то, что биохакеры называют борьбой со старением, это не бездумное и часто напоминающее безумие чтение научных статей, это в первую очередь получение знания в университетах по специальностям биология или медицина. А затем (или одновременно) изучение самой геронтологии.

Геронтология и гериатрия: можно ли побороть старость?

Термин геронтология дословно переводится как наука о геронтах (*gero-* или *geronto-*), т.е. о стариках, хотя смысловое содержание явно другое. Ведь старик и старение – совершенно разные понятия. И сегодня, когда говорят о геронтологии, то имеют в виду именно науку о механизмах и процессах старения, которые начинаются настолько задолго до старости, что за точку отсчета можно признать момент зачатия организма или рождения человека.

В наши дни начала XXI века, когда прошло немногим более сотни лет с момента создания этого термина, большинство научных лабораторий мира, связанных с изучением биологии, да и не только с ней, в той или иной мере участвуют в изучении старения или тем, ассоциированных с болезнями старения. Присоединяются к изучению даже самые вроде бы непрофильные организации и общественные объединения. Тут и социологи, антропологи, психологи, сексологи, архитекторы, страховщики и даже дизайнеры. Причина этому – актуальность темы для современного мира, острота которой только нарастает.

Сегодня принято схематично разделять геронтологию на биогеронтологию, как фундаментальную науку, и гериатрию, как особый курс для дипломного и постдипломного среднего и высшего медицинского образования, как и врачебная специальность. Такое разделение очень условно, например, среди врачей много ученых, а журналы по медицине, где все больше уделяют внимания процессам старения и возраст-ассоциированным болезням, все только научные.

Термин «гериатрия» предложен американский врачом Л. Нашером только в 1909 году. Хотя историческими родоначальниками гериатрии,

начало которой заложено еще в XIX веке, были скорее французские врачи. Например, хорошо известный в России доктор Жан-Мартен Шарко (1825-1893) уделял большое внимание именно болезням старости.

В гериатрии, которая сегодня ускоренно развивается во всех развитых странах, пришло время выделять уже нейрогеронтологию, геронтопсихиатрию, геронтокардиологию, гериатрическую дерматологию, социальную геронтологию, психологию старения и т.д. Именно в наши дни этот список можно продлевать и продлевать бесконечно. Фактически, к любому разделу медицинского знания можно добавлять приставку *геро-*, *геронто-* либо геронтологическая (или опять же гериатрическая) и получать важнейшее направление развития научной или клинической мысли, это явление свидетельствует о широте возникших задач стареющего вокруг нас мира.

С учетом старения российского общества важность гериатрического направления медицины будет только расти – сегодня практически каждый врач в своей деятельности сталкивается с людьми преклонного возраста². В самой биогеронтологии можно выделить биологию старения и биологию продолжительности жизни, ведь механизмы, определяющие продолжительность жизни вида (а значит и межвидовые различия), и механизмы старения, которые хоть и взаимопроницающие, но не одно и то же. Хотя и тут не все так просто, например, можно говорить о молекулярной геронтологии, цитогеронтологии, количественной и эволюционной геронтологии и т.д., и т.п.

Вряд ли можно вообще отделить становление научной геронтологии от развития спектра всех биологических наук – биофизики, биохимии, молекулярной генетики, биоинформатики. Посмотрите на Нобелевские премии по физиологии и

² На 1 апреля 2021 года в России 42,6 млн. пенсионеров, о чем 25 августа сообщила Счетная палата РФ со ссылкой на данные Пенсионного фонда России. Подавляющая часть из этой цифры, это пенсионеры по возрасту. При этом сегодня в мире людей старше 60 лет более 700 млн., через 30 лет их будет уже более 2 млрд., т.е. вырастет в три раза, тогда как количество людей старше 85 лет вырастет в 4 раза, а старше 100 лет в 7 раз (достигнет количества 3,5 млн.).

медицине с 2010 года, практически все они имеют отношение к формированию продолжительности жизни – механизмы аутофагии, механизмы адаптации к гипоксии, механизмы циркадных ритмов, самые важные из них.

Сегодня многие пациенты и самые здоровые молодые люди в знаниях о биологических основах старения, ушли намного дальше профессионального клинического сообщества. Особенно это стало заметно, когда выросло целое поколение молодежи, которые уже по-другому получают свободно размещенную в интернет-пространстве информацию. Тем не менее, они, или подчеркну, именно они, особенно нуждаются в достойных базовых знаниях основ геронтологии.

То, что врачи отстали от ритма нашего стареющего времени в понимании основ геронтологии (фундаментальной геронтологии), это надо признать и принять. И тут решение, чтобы догнать стареющий мир, самое простое – важно врачам и студентам нашего времени ввести такой предмет, как основы геронтологии. Хотя сказать просто, совершенно не означает, что это легко будет сделать в рамках административных механизмов любого высшего образования.

Биология и психология старения

Если с терминами «геронтология» и «гериатрия» все более или менее понятно, то, что же такое сам предмет изучения – само старение? Старение можно определить, как известного рода изменения в живых системах, зависящие от времени, но затем потребуются дать множество уточнений и пояснений. И возможно, именно от них будет зависеть насыщение красками самого термина. Обращает внимание, что мы не сильно продвинулись и от определения классиков геронтологии П. Медавара и А. Комфорта. Первый утверждал, что *«старение представляет собой ослабление физических сил и энергии организма, происходящее с возрастом и повышающее вероятность смерти от случайных причин»* [7]. Второй так сформулировал свою позицию: *«Старение – процесс разрушительный. Его мерой может служить степень понижения жизнеспособности и повышения чувствительности к неблагоприятным воздействиям»* [6].

Профессор Н.Н. Мушкамбаров, один из интересных российских геронтологов современности дал следующее определение: *«Старение – процесс появления и последующего нарастания в организме возрастных изменений (отклонений параметров от их значений в период максимальной жизнеспособности)»* [2].

Разбираясь со старением, мы берем жизнь как явление в её временном оформлении, как бы четвертое измерение существования формы биосистемы, поэтому любые признаки описания жизни, будут верны. Поэтому мы могли предложить следующее определение: *«Старение есть временное оформление организации жизни человека»* [3]. В данном определении подчеркивается важный для нас тезис, что старение человека – это онтогенетический процесс или процесс индивидуального развития.

Старение человека проявляется в виде снижения адаптационных резервов нашего организма. Уменьшаются возможности всех систем – нервной, сердечно-сосудистой и дыхательной, опорно-двигательной. Список бесконечен, как и уровни, на которых это происходит – от молекул и органелл до систем и органов. И только тот, кто укажет путь как с этим всем по серьезному разобраться, откроет дверь в долголетие. Тут вопрос не только где ключ, но и где находится сама дверь.

Интересно, что получив множество определений, мы не приблизились к цели, а получили целый клубок проблем. Даже не ошибусь, если скажу, что очень много запутанных в клубки споров, конфликтов интересов и сонма гипотез.

Другая значимая проблема, она же основной конфликт системы подачи информации в фундаментальной геронтологии, что все этапы развития науки о старении выстроены вокруг двух жестко конкурирующих концепций:

- ✓ старение – это генетически детерминированный процесс реализации жестко упакованной во времени программы;
- ✓ старение есть стохастический процесс и результат нарастающего повреждения структур организма продуктами собственной жизнедеятельности и факторами среды обитания.

Как пишет известный советский и российский биогеронтолог А.М. Оловников: *«Есть много*

теорий, призванных объяснить характер старения, и существуют разные системы их классификация. Однако все теории старения можно разделить на две принципиально различные категории: стохастические теории старения (пассивное накопление случайных ошибок или «износ» тела) и теории запрограммированного старения (старение как активный и неслучайный процесс)» [8].

Концепция запрограммированного старения берёт начало с высказывания Alfred Russel Wallace (1823-1913), который высказал предположение, что долголетие, превышающее возраст потомства, невыгодно для вида. В 1882 г. Август Вейсман (Friedrich Leopold August Weismann, 1834-1914) выдвинул гипотезу об адаптивном характере старения, где предположил, что существует механизм для исключения старых изношенных особей и освобождения ресурсов и жизненного пространства в пользу более молодых.

Гипотеза, что старение – это жесткая генетическая программа выглядит разумно только в первом приближении, а с короткой дистанции все выглядит несколько иначе. Именно поэтому многие геронтологи решительно выступают против направления, указывая, что эволюция у людей вырабатывала именно механизмы выживания, а не оттачивала механизмы, приводящие к смерти. Да и продолжительность жизни отдельных особей интересует эволюцию только в рамках парадигмы размножения и передачи генетической информации.

Сторонники стохастического генеза старения говорят, что нет ни генетической причины, ни программы, которая контролирует процесс старения. Тут можно лишь добавить, что в отличие от развития, которое представляет собой точно регулируемый генетический и эпигенетический процесс, старение и, следовательно, точная продолжительность жизни организма не определяется какими-либо конкретными генами. В подтверждение своей концепции они часто указывают, что генов старения до сих пор не выявлено. И это не упрощает, а значительно усложняет изучение старения.

Спор сторонников этих направлений, базовая позиция которых и определяет все работы ученых, часто напоминает длительную тяжбу сосе-

дей. При этом используются разного качества доводы и даже специальные заготовки, а сам спор длится уже более века.

Разделение гипотез старения на две группы тоже довольно условно, так как отдельные авторы выделяют накопительные, системные, общие, экологические, синтетические и т.д., и т.п. гипотезы старения. Но для понимания сути проблем темы, они не имеют большого значения. На сегодня не обнаружен ни один ген, отвечающий за один конкретный механизм старения и долголетия человека [1]. И наоборот, обнаружено множество генов, связанных с более ранним появлением возраст-ассоциированных болезней, от которых мы не можем излечить человека. Но это только пока не можем.

Но и это, пожалуй, не все, старение, если и нацелено на какие-то цели и задачи в рамках эволюционной стратегии, то точно не заботится о сверхдолголетии отдельных особей. Однако, среди людей, несмотря на ложность рекордов сверхдолголетия прошлого XX века, там указаны люди старше 130, 150 и даже 160 лет, супердолгожители, доживающие до возраста 110 лет, все-таки есть.

Одни ученые ищут доказательства наличия программы, другие признаки её отсутствия. Дробление старения на репликативное, репродуктивное, клеточное лишь показывает изоционность ума человека в поиске доказательств своих гипотез. А разброс продолжительности жизни у видов, даже близких, обитающих на нашей общей планете, настолько большой, что это могут использовать как сторонники программы старения, так и последователи идеи «не запрограммированности» старения. Но вопрос, является ли продолжительность жизни отдельных особей стратегическим продуктом эволюции вида, явно очень сомнителен. Особенно после окончания репродуктивного периода и обеспечения жизни потомству.

Эволюцию продолжительности жизни и старение видов в далеком прошлом очень трудно изучать, ведь речь именно о тех отрезках времени жизни, которое не может точно отразиться на костях. И даже если мы сделаем радиоуглеродный анализ, то маловероятно, что мы погрузимся в эволюцию времени жизни на миллионы лет.

Вряд ли продолжительность жизни видов, в том числе и вида *Homo Sapiens*, был тем признаком, по которому шел естественный отбор. Наоборот, этот фактор скорее, не играл важной роли и сама продолжительность жизни следствие плотного взаимодействия среды обитания и вида. Косвенно это подтверждает то, что близкородственные виды могут жить очень разную продолжительность жизни. И наоборот, совершенно различные виды, даже живущие в разных средах, могут проживать одинаковое время. При этом надо учитывать, что виды существуют не в безжизненном пространстве. Рядом с ними не только совершенно другие виды, но и даже другая жизнь, например, вирусы.

Мы сегодня знаем не только больше о самом человеке, чем это было еще сто лет назад, мы знаем много больше и о его старении. Тем не менее, об этом же старении можно уверенно говорить, что этот феномен по-прежнему «Великий незнакомец», с которым только предстоит внимательно познакомиться.

Когда многие говорят о программе старения, и тут не все так просто. Ведь, возможно, есть только программа развития и старение ее следовой эффект, а не сама программа для старения [5]. А если хорошенько задуматься, то зачем эволюции нужен отдельный механизм на то, чтобы создавать старые организмы, а наши организмы созданы в ходе эволюции так, чтобы обеспечить размножение и выживание вида, а не долгую жизнь отдельного человека. Но ведь такая мысль возникает только в мышлении человека, а как повела себя эволюция, мы можем только догадываться.

Классик геронтологии и биофизик по специальности Бернард Л. Стрелер (1925-2001) перечислил четыре основные характеристики старения (их можно назвать критериями Бернарда) – разрушительность, эндогенность, постепенность и универсальность.

Эти критерии возрастных изменений в целом соответствуют тем, которые сформулировали известные геронтологи XX века П. Медавэр в 1957 году и А. Комфорт в 1956 году. Критерии эти понятны и ясны. Возможно, что пояснения требует только критерий «эндогенности», который обозначает отсутствие или малое влияния

факторов среды. Вот как это прозвучало в его книге: «Подобно универсальности, этот критерий служит для исключения тех связанных с возрастом изменений, которые возникают под влиянием факторов внешней среды» [4].

Именно так расставил акценты сам Б.Стрелер. Хотя, на мой взгляд, крайне сомнительно, что можно рассматривать процесс старения вне среды, в которой живет данный вид. Да и персональное старение тоже сильно зависит от конкретных условий жизни организма. А они всегда меняются и всегда различные даже у соседей по лестничной клетке. Я рассматриваю данный критерий под другим углом – старение возникнет даже в самых исключительных случаях сверхбогатейшего здоровья, самых благоприятных условиях и стечениях обстоятельств внешних факторов среды.

Конструкция же механизмов адаптации и гомеостаза у разных видов не просто разные, а совершенно отличные, как и среды, в которых они обитают. Модельные животные часто много проще просто в силу более короткой продолжительности жизни, а значит и механизмов, которые ее формируют, поэтому мы можем получить больший сдвиг в продолжительности жизни модели при меньших затратах (финансовых, структурных и временных) и при очень широком спектре воздействия. Но мы не сможем перенести данные этих опытов на человека, так как старение у разных видов – это не гомологичные процессы.

Особенностью короткоживущих животных, которые используются при изучении влияния на их продолжительность жизни, по-видимому, является легкая отзывчивость на любые интервенции с заданной целью. Другими словами, если хотите заведомо положительный результат и продлить жизнь, возьмите самую простую модель, например, дрожжи. Однако, чем проще экспериментальная модель, тем меньше такие опыты имеют практического смысла для понимания механизма старения именно человека.

Выводы:

1. Современные трактовки термина «старение» практически не отличаются от снижения жизненной силы или «энтелехии» Аристотеля.

Также наиболее вероятно, что введение одного определения старения, которое бы устроило всех, под которым бы поставили подписи все геронтологи, так никогда и не появится. И на это уже стоит обратить внимание после сотни лет попыток такое определение дать.

2. Сегодня наука о старении и продолжительности жизни человека превратилась в поле конфликтов интересов и колейности мышления геронтологов, когда доказательств высказываемых доводов и не требуется.

3. Основной вопрос геронтологии – старение есть программа или это накопление ошибок, оказался не настолько важным, как он кажется издавна. Кроме того, я могу уверенно заявить, что обычному человеку все равно, старение программа или нет. Ему важно, чтобы он жил дольше. И обязательно в лучшем качестве.

4. Разделение геронтологии на биogerонтологию и клиническую геронтологию на сегодня имеет мало прагматичный характер для общественного здравоохранения. Хотя работа геронтологов и гериатров очень разная, но цель ее состоит именно в том, чтобы человек жил дольше в лучшем состоянии здоровья, чем мы это видим сегодня.

5. Именно в наши дни я вижу два знаковых явления – все больший (*прим. автора – тут не большой, а именно больший*) интерес со стороны государства к гериатрии, что определено несомненной значимостью вопроса старения населения для общественного здравоохранения. И отсутствие публично проявленного интереса к геронтологии, где наблюдается застой и кризис, тут государство явно выжидает. Со стороны же самих людей проявляется явный и нескрываемый интерес именно к геронтологии, как науки готовой к прорыву в долголетие и сверхдолголетие, и отсутствие интереса к гериатрии, которая, по моему мнению, предоставляет только паллиативные услуги.

6. Тема старения отдельного человека и населения планеты настолько обширна и заметна, что вовлекает и будет привлекать все больше самых разных специалистов в свой круг. Главное тут расстановка приоритетов, для человечества

важен рост продолжительности жизни без груза болезней [6].

7. Сегодня появилось очень много модных течений, например, биохакерство и трансгуманизм, для которых характерно, что люди так себя называющие часто подменяют понятия. Научному сообществу российских психологов, вероятно, стоит более внимательно посмотреть на это движение биохакинга и трансгуманизма, как и на то, почему слушающие их люди не обращают внимания, что ими искусно манипулируют, используя страхи старения и смерти.

Литература:

1. Анисимов В.Н. Приоритетные направления фундаментальных исследований в геронтологии: вклад России. // Успехи геронтологии, 2003. Вып.12. С.9-27.
2. Мушкамбаров Н.Н. Геронтология *in polemico*. 3-е изд. Москва: ФЛИНТА, 2020.
3. Новоселов В.М. Почему мы стареем. Научные знания о том, как наш организм стареет, почему это происходит и каковы современные способы замедлить этот процесс. М.: Эксмо, 2019.
4. Стрелер Б. Время, клетки и старение. М.: Мир, 1964.
5. Blagosklonny M.V. Aging is not programmed: genetic pseudo-program is a shadow of developmental growth. // Cell Cycle. 2013. V.12. P.3736-3742.
6. Comfort A. The Biology of Senescence. New York. 1956.
7. Medawar P.B. An unsolved Problem of Biology. London. Lewis. 1951.
8. Olovnikov A.M. Aging theories. Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. Springer Nature Switzerland AG. 2019. P.1-9.

Интернет источники:

9. <https://expert.ru/2015/04/27/doktor-kotoryij-hochet-dozhit-do-170-let/>

Статья поступила в редакцию 19.11.2021

THE AGING WORLD AND GERONTOLOGY

© Valery M. Novoselov

Chief Physician, Scientific Medical Gerontological Center, Moscow, Russia
Chairperson of the Gerontology Section at Moscow State University, Moscow, Russia
novoselovvm@mail.ru

The article analyzes the scientific problems of modern gerontology. A critical assessment of biohacking as a strategy for solving the problem of aging is given. Unlike biohacking, the main goal of which is to return certain biochemical parameters to the target value that was before, gerontology sets the task of studying the mechanisms and processes of aging that begin long before old age, for example, at the moment of conception of an organism or birth of a person. The article examines various types and directions of gerontology, which is now rapidly developing in many countries (neurogerontology, gerontopsychiatry, gerontocardiology, geriatric dermatology, social gerontology, psychology of aging, etc.). Also, various definitions of the phenomenon of aging, hypotheses and theories of aging, proposed by different authors, are considered. The author of the article recommends that the scientific community of Russian psychologists pay closer attention to the problem of studying the movements of biohacking and transhumanism, since their followers very often skillfully manipulate people in order to gain profit, using the fears of aging and death that are natural for humans.

Keywords: gerontology, aging, psychology of aging, transhumanism, biohacking

REFERENCES

- Anisimov, V.N. (2003). *Prioritetnye napravleniya fundamental'nyh issledovaniy v gerontologii: vklad Rossii [Priority directions of fundamental research in gerontology: Russia's contribution]* // *Uspekhi gerontologii [Successes of Gerontology]*. V.12. P.9-27.
- Mushkambarov, N.N. (2020). *Gerontologiya in polemico. [Gerontology in politico]*. 3-e izd. Moskva: FLINTA. [Moscow, FLINTA Publ.].
- Novoselov, V.M. (2019). *Pochemu my stareem. Nauchnye znaniya o tom, kak nash organism stareet, pochemu eto proiskhodit i kakovy sovremennye sposoby zamedlit' etot process [Why we are getting old. Scientific knowledge about how our body ages, why it happens and what are the modern ways to slow down this process]*. M.: Eksmo [Moscow: Eksmo Publ.].
- Streler, B. (1964). *Vremya, kletki i starenie [Time, cells and aging]*. M.: Mir. [Moscow, Mir Publ.].
- Blagosklonny, M.V. Aging is not programmed: genetic pseudo-program is a shadow of developmental growth. // *Cell Cycle*. 2013. V.12. P.3736-3742.
- Comfort, A. (1956). *The Biology of Senescence*. New York.
- Medawar, P.B. (1951). *An unsolved Problem of Biology*. London. Lewis.
- Olovnikov, A.M. (2019). *Aging theories*. Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. Springer Nature Switzerland AG. P.1-9.

Internetsources:

- <https://expert.ru/2015/04/27/doktor-kotoryij-hochet-dozhit-do-170-let/>

The article was received 19.11.2021

Общая психология

ВНУТРЕННЯЯ КОММУНИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ТИПЫ СОЗНАНИЯ И ОСОЗНАНИЯ

© Акопов Г.В.

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии и специального образования, Самарский государственный социально-педагогический университет (ФГБОУ ВО СГСПУ), Самара, Россия

akopovgv@gmail.com

© Белоус А.В.

магистр, специалист по учебно-методической работе кафедры общей и социальной психологии факультета психологии и специального образования, Самарский государственный социально-педагогический университет (ФГБОУ ВО СГСПУ), Самара, Россия

belous.anna@sgspu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00816 «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств»).

В статье рассматривается явление внутренней коммуникации личности, ее отличие от внутреннего диалога. В структуре внутренней коммуникации, на основании проведенного эмпирического исследования, выявлены осознаваемые и содержательно неопределенные процессы. К первым относятся внутренняя речь в ее специфическом содержании и образно-символическое содержание; ко вторым – интонационно-звуковые и телесно-динамические знаки. Неопределенное содержание внутренней коммуникации личности рассматривается как совокупность релевантных типов сознания, репрезентируемых несловесными средствами (неречевое сознание), не получающая доступа к речевому сознанию. Дифференциация определенных (осознаваемых) и неопределенных содержательных характеристик внутриличностных коммуникативных процессов с позиции «Первого лица» соотнесена с современной проблематикой сознания.

Ключевые слова: внутренняя коммуникация личности, внутренний диалог, коммуникативный мир человека, образная коммуникация, знаково-символическая коммуникация, сознание, самосознание, несловесные языки сознания, речевое сознание

Понятие внутренней коммуникации личности

Все более заметное нарушение баланса, установившегося в процессах этнокультурной эволюции человечества, между традиционными укладами социокультурной жизни в разных странах и повсеместными инновационными изменениями, обусловленными масштабным технологическим прогрессом во всех сферах жизнедеятельности человека в последней четверти XX – начале XXI

в.в., вызвало серьезные изменения в социальном и индивидуальном сознании личности. Одним из таких последствий, как известно, является переживаемый в массовом порядке когнитивный диссонанс, связанный с несовместимостью знания о себе и обществе как определенной, устойчивой и понятной реальности, с одной стороны, и знанием о безмерно расширяющейся инновационности, довольно быстро изменяющей привычные

устой жизни, и мало поддающейся прогнозированию и пониманию в своей всеохватности. Накапливающаяся таким образом неопределенность, осознаваемая как процесс и неосознаваемая по всему объему содержания изменений в экономике, политике, здравоохранении, образовании, в социальной и культурной жизни человека, характерна не только для форм внешней презентации (наука, искусство, массмедиа, соответствующие дискурсы в повседневной жизни человека), но и во внутренней коммуникации личности.

Понятие внутренней коммуникации личности [3, 4], объединяющее явления внутренней речи, внутреннего диалога, а также информационные процессы во внутреннем мире личности, охватывает определенный спектр коммуникативных явлений, интерпретируемых в логике социально-коммуникативной парадигмы сознания и соответствующей ей двухфакторной модели сознания [2, 13]. Как в традиционных, устойчиво развивавшихся обществах с фазами турбулентных переходов в новые социально-экономические состояния, так и в современных быстро изменяющихся обществах с малой предсказуемостью динамики состояний, сохраняется, как мы полагаем, внутренний мир личности с обеспечивающими его процессами внутренней коммуникации. Дуальная целостность психологической организации человека, т.е. дополнительность внешнего и внутреннего субъективных миров, определяет существенный ресурс совладания как с упомянутым выше когнитивным диссонансом, так и со стрессом неопределенности нового времени.

Психологический механизм совладания, как мы считаем, основан на реципрокности осознаваемых и неопределенных (бессознательных) состояний внутренней коммуникации личности с позиций так называемого «сознания доступа» [12, 18] в системе различных языков сознания [1].

Внутренняя коммуникация понимается как психическая активность, «сосредоточенная» в одном субъекте, выступающем одновременно и коммуникатором, и реципиентом. Обычно коммуникация (более узко – диалог, который характеризуется наличием обратной связи, которая не всегда имеет место в более широком явлении

внутренней коммуникации) интегрирована в практическое взаимодействие людей, то есть в кооперативную и иную работу, учение, познание, игру и т.д., обеспечивая тем самым планирование и осуществление совместной деятельности. Вместе с тем коммуникация удовлетворяет особую потребность взаимодействия через общение не только в контакте с другими людьми, но и с самим собой [10, 11].

В наиболее отчетливой форме внутриличностная коммуникация инициируется, когда у человека возникает неясность, связанная с содержанием и методами удовлетворения тех или иных потребностей. Потребностно-мотивационная сторона внутренней коммуникации личности отображается в желаниях как формах актуализации интенционального (мотивация и воля) сознания. Человек, реализуя внутреннюю коммуникацию или вступая во внутренний диалог не формирует отчетливо определенной цели и/или задачи достижения какого-либо результата в отличие от внешней коммуникации, где, как правило, проектируется план «тактических» действий и предполагается получение задуманного результата. Достаточно важным, на наш взгляд, представляется вопрос о типах, видах сознания и уровнях осознания процессов внутренней коммуникации в разнообразных ситуациях, в которых внутренняя коммуникация имеет место [1, 2, 6, 14].

Изучение внутренней коммуникации подразумевает обращение к объемному перечню взаимосвязанных с ним феноменов, таких, как сознание личности и ее смысловая сфера, самосознание, внутренняя речь (в контексте работ Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и др.), размышления, особенности общения в исходной культурной среде и др. [7, 10].

Исследование специфики внутренней коммуникации личности как особой формы самоконтроля и самоопределения, а также развития навыков общения в субъект-субъектной позиции, является, на наш взгляд, одной из важных теоретических проблем современной науки о сознании человека [2], а также прикладной задачей с позиций психологического благополучия и здоровья человека [4, 6, 14]. В процессах внутриличностной коммуникации или диалога вызывает и про-

является личностная точка зрения субъекта, выражающая его ценностные ориентации, социальные установки, мировоззрение [6, 9, 10, 14]. Поскольку внутренняя коммуникация личности, как правило, предшествует внешне реализуемой межличностной коммуникации, то она играет ориентирующую и прогностическую роль в осуществлении деятельности и презентации личностью своего внутреннего мира другим людям [5; 7; 8; 11; 15].

Описание выборки и дизайн исследования

Выборку исследования составили студенты 1-4 курсов различных форм обучения (очная и очно-заочная) факультета психологии и специального образования Самарского государственного социально-педагогического университета. Общая численность выборки 132 человека в возрастном диапазоне от 18 до 25 лет. Выбор психологического и педагогического направлений обучения студентов на данном этапе исследования связан с более выраженными способностями этих студентов в такой психологической активности как интроспекция, саморефлексия и самоанализ, что обусловлено, на наш взгляд, изначальной ориентированностью студентов в области психологии и последующим обучением. Таким образом, обеспечивается чувствительность и резонансность представителей выборки к содержательным аспектам исследования.

Сконструированный и эмпирически верифицированный опросник внутренней коммуникации личности включает 20 суждений, затрагивающих наличие либо отсутствие самого факта внутренней коммуникации, различные типы, формы, средства и функции внутренней коммуникации личности. Предложенные суждения и вопросы раскрывают такие особенности внутренней коммуникации как: место внутренней коммуникации во внутреннем мире личности; виды и формы активности, актуализируемые в процессах внутренней коммуникации; продолжительность внутренней коммуникации; доминирующие психические процессы (память, мышление, воображение и т.д.), участвующие во внутренней коммуникации; авторские позиции «субъекта» внутреннего диалога и др. [3, 4].

Психологическое исследование внутренней коммуникации личности осуществлялось в двух форматах: 1) Для выявления индивидуального профиля внутренней коммуникации личности в условиях соответствующего целевого психодиагностического обследования; 2) Для определения специфики проявлений внутренней коммуникации личности в условиях иной целевой активности студентов, в частности, в процессе решения различных учебно-образовательных задач, в том числе, при ознакомлении с различными методами психодиагностики.

Мы полагаем, что внутренняя коммуникация личности является одним из видов так называемого репрезентативного сознания [12, 17, 18]. Структура внутренней коммуникации личности, согласно нашим исследованиям [3, 4], аналогична структуре репрезентативного сознания и включает такие компоненты, как цель, информационное содержание и средства передачи информации. Как было выявлено ранее, в качестве средств может выступать весь спектр языков сознания [1].

Результаты исследования и их анализ

Согласно полученным эмпирическим данным внутренняя коммуникация может осуществляться с использованием слов и предложений (полных либо сокращенных); образов, символов, каких-либо других (визуальных, слуховых, сенсорных) знаков; малозаметных телодвижений и мимических изменений. В процессах внутренней коммуникации, как правило, используются такие средства, как: речь, состоящая из предложений, обрывков фраз, сокращенных слов; визуальных образов; психофизиологических реакций др. [4].

Соучастником внутренней коммуникации может быть реальный или виртуальный партнер по общению, и в этом случае мы говорим о внутреннем диалоге. Партнерам коммуникации отводится значимая роль в любой коммуникативной модели, независимо от реальности или виртуальности соответствующих образов. Воображаемым субъектом может быть образ Я, образ персонажа литературного произведения, кинофильма и т.д.; вымышленный собеседник, а в определенных ситуациях, например, опроса, тестирования и др. – интервьюер, психодиагност, модератор опроса.

Можно предположить, что с помощью представленного в воображении человека (второе Я, референтный субъект и т.д.) или воображаемого близкого человека, личность осуществляет апробацию желаемого отклика, ответа, действия в контексте текущей ситуации. Однако, реальная ситуация очень часто не является подобной той, какой она была воспроизведена в сознании на основе зафиксировавшихся в памяти процессов жизнедеятельности. В этом контексте личность способна осуществлять не только один вариант из диапазона возможных и актуально рассматриваемых в континууме знаний, переживаний, мыслей и поступков.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляет ситуация внутренней коммуникации (диалога) с неопределенным собеседником. Неслучайность и повторяемость такой ситуации в общем объеме внутренних коммуникаций личности может выступать важным критерием коммуникативного и иного благополучия – благополучия индивида.

В исследовании были получены следующие, дифференцированные по степени определенности (осознаваемости) и неопределенности ответов, результаты опроса. Большая часть (90%) студентов согласна с утверждением, что у всех людей в определенных ситуациях имеет место внутренняя коммуникация; значительная часть (86%) отмечает периодичность факта внутренней коммуникации у себя, причем 50% из них констатирует высокую частоту внутриличностного общения. Из предложенных в опроснике форм определения «партнера» по внутреннему диалогу доминирует (по числу ответов) сам субъект внутренней коммуникации: «Общение с самим собой»; самождественные формы «Я» («Общение со своим другим Я»), а также иной партнер («Общение с каким-либо реальным лицом»). Реже в ответах студентов встречается неопределенная форма идентификации «партнера» внутреннего диалога («Общение с вымышленным лицом», «Общение с неопределенным объектом»).

Внутренняя коммуникация личности, согласно данным проведенного исследования, может осуществляться в различных формах более или менее продолжительно. К часто выделяемым

студентами речевым категориям мы относим: целые предложения, отдельные слова, сокращенные, но ясные по значению слова; восклицания, обрывки фраз и другие сокращения. Несколько реже студенты отмечают, что внутренняя коммуникация личности может осуществляться также в образно-символической форме и в этом случае содержание коммуникации носит вполне определенный характер. В количественном соотношении, согласно ответам студентов, наименее представлены мимические, интонационно-звуковые и телесно-динамические формы внутренней коммуникации (микродвижения лица, тела, определенных мышц; сенсорно-двигательные изменения). Последние из перечисленных форм внутренней коммуникации не вполне осознаются в процессе внутренней коммуникации и, соответственно, несут высокую степень неопределенности. Однако по сохранившимся следам в памяти, как мы предполагаем, они становятся доступными речевому сознанию в ситуации опроса, предоставляющего возможность выбора из списка приведенных в опроснике форм и средств коммуникации.

Заключение

Таким образом, явление внутренней коммуникации личности, в определенных случаях выступающее в форме диалога, несет в себе как вполне конкретные характеристики, так и неопределенные по формам и средствам, раскрываемые с позиций «Первого лица», т.е. самого интроспектирующего индивида, либо с позиций «Третьего лица», т.е. исследователя.

В контексте современных постановок и соответствующих решений проблемы сознания [2, 12, 17 и др.] можно полагать, что в процессе внутренней коммуникации личности актуализируются одновременно различные виды и типы сознания, такие как сенсорное, перцептивное, аффективное, интенциональное сознание, а также, так называемое, «сознание высшего порядка» [12, 16, 17].

Динамичность и многообразие внешнего мира постигается посредством многообразных форм, видов и типов сознания, объединенных в философских работах понятиями феноменального и когнитивного сознания [16, 17]. Не все соответ-

ствующие этим видам и типам сознания репрезентативные системы обеспечивают доступ [18] к речевому сознанию, как одному из типов когнитивного сознания. Тем не менее, такая возможность может иметь место во внутренней коммуникации посредством перехода с позиции «Первого лица» на позицию «Третьего лица» (разновидность рефлексии). В этом случае все богатство воспринимаемого внешнего мира, фиксируемое в неречевых языках сознания, становится доступным, т.е. осознаваемым, что достигается посредством репрезентативных систем сенсорного, перцептивного, аффективного, интенционального сознания, а также высших форм когнитивного сознания.

Литература

1. Акопов Г.В. Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности ее решения // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т.1. №1. С. 23-29.
2. Акопов Г.В. Категория сознания в современной психологии. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019.
3. Акопов Г.В., Белоус А.В. Внутренний диалог с позиций двухфакторной модели сознания // Психология диалога и мир человека: памяти Г.В. Дьяконова: сборник научных трудов / Под ред. Л.Г. Дмитриевой, Т.И. Пашуковой. Уфа: Башкирский государственный университет. 2019. С. 22-26.
4. Акопов Г.В., Белоус А.В. Внутренняя коммуникация личности и эпидемиологические исследования психологического здоровья // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическое здоровье личности: теория и практика» (г. Ставрополь, 10 ноября 2020 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет. 2020. С. 3-8.
5. Горшкова В.В. Диалог в образовании человека. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009.
6. Дьяконов Г. В. Особенности внутренних диалогов (на примере гештальт-терапии) // Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение: Коллективная монография / Под ред. М.Р. Арпентьева. – Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. 2016. С. 265-275.
7. Измагурова В.Л. Внутренний диалог как механизм развития сознания: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
8. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
9. Пивоваров А.М. Внутрличностная коммуникация как предмет теоретико-социологического анализа: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
10. Психология диалога и мир человека: Сборник научных трудов / Под редакцией Л.Г. Дмитриевой. Уфа-Москва: Башкирский государственный университет, 2020.
11. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.
12. Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Питер, 2013.
13. Семенова Т.В. Сознание: от концепций к социально-психологической эмпирике / Соавторы: Г.В. Акопов, В.И. Тюрин-Авинский, Л.В. Давыдкина / Под общей редакцией Г.В. Акопова. Самара: ООО «Порто-принт», 2017.
14. Старовойтенко Е.Б. Самотождество я во внутреннем диалоге Психология // Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т.16. №3. С. 434-456.
15. Флоренская Т.А. Проблемы диалога в свете идей М.М. Бахтина и А.А. Ухтомского // Общение и развитие психики. М., 1986. С.21-31.
16. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
17. Honderich T. (2014) Actual Consciousness. Oxford University Press.
18. Bayne T. (2009) Access consciousness // The Oxford Companion to Consciousness / Ed. T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford University Press. P. 1-3.

INTERNAL COMMUNICATION OF THE PERSONALITY: TYPES OF CONSCIOUSNESS AND AWARENESS

© **Garnik V. Akopov**

Dr (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Faculty of Psychology and Special Education, Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia
akopovgv@gmail.com

© **Anna V. Belous**

master's Degree, Specialist in Educational and methodological work of the Department of General and Social Psychology of the Faculty of Psychology and Special Education, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia
belous.anna@sgspu.ru

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 19-013-00816 «The multidimensionality of consciousness as a problem of modern psychology: typologization of approaches and the construction of a system of categorical spaces»).

The article deals with the phenomenon of internal communication of personality, its difference from the internal dialogue. In the structure of internal communication, on the basis of empirical research, conscious and meaningfully uncertain processes have been identified. The first are internal speech in its specific content and figurative-symbolic content; the second are intonation-sound and body-dynamic signs. The indefinite content of an individual's internal communication is considered as a set of relevant types of consciousness, represented by non-verbal means (non-verbal consciousness), which does not receive access to speech consciousness. The differentiation of certain (conscious) and indefinite content characteristics of intrapersonal communicative processes from the position of the «First Person» is correlated with the modern problems of consciousness.

Keywords: internal communication of personality, internal dialogue, the communicative world of a person, figurative communication, sign-symbolic communication, consciousness, self-consciousness, non-verbal languages of consciousness, speech consciousness

REFERENCES

1. Akopov, G.V. (2021). Nerechevye yazyki soznaniya: postanovka problemyi vozmozhnosti ee resheniya [*Non-verbal languages of consciousness: problem statement and possibilities of its solution*]. Uchenye zapiski Instituta psihologii Rossijskoj akademii nauk [*Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.1. № 1. P. 23-29.
2. Akopov, G.V. (2019). Kategoriya soznaniya v sovremennoj psihologii [*The category of consciousness in modern psychology*]. Samara: Publ. Porto-print.
3. Akopov, G.V., Belous, A.V. (2019). Vnutrennij dialog s pozicij dvuh faktornoj modeli soznaniya [*Internal dialogue from the standpoint of a two-factor model of consciousness*]. Dmitrieva L.G., Pashukova T.I. (eds.). Psihologiya dialoga i mir cheloveka: pamyati G.V. D'yakonova: sbornik nauchnyh trudov [*Psychology of dialogue and the human world: in memory of G.V. Dyakonov: collection of scientific papers*]. Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. P. 22-26.

4. Akopov, G.V., Belous, A.V. (2020). Vnutrennyaya kommunikaciya lichnosti i epidemiologicheskie issledovaniya psihologicheskogo zdorov'ya [*Internal communication of personality and epidemiological studies of psychological health*]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti: teoriya i praktika» [*Materials of the All-Russian scientific and Practical Conference "Psychological health of personality: theory and practice"*] (g. Stavropol', 10 noyabrya 2020 g.) Stavropol': Publ. Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet. P. 3-8.
5. Gorshkova, V.V. (2009). Dialog v obrazovanii cheloveka [*Dialogue in human education*]. Sankt-Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov.
6. D'yakonov, G.V. (2016). Osobennosti vnutrennih dialogov (na primere geshtal't-terapii) [*Features of internal dialogues (on the example of gestalt therapy)*]. Arpent'ev M.R. (ed.). Profajling I mediaciya: sfery, cennosti, tekhnologii, obuchenie: Kollektivnaya monografiya [*Profiling and mediation: spheres, values, technologies, training: A collective monograph*]. Kaluga: Publ. Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta named after K.E. Ciolkovskogo. P. 265-275.
7. Izmagurova, V.L. (2006). Vnutrennij dialog kak mekhanizm razvitiya soznaniya: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [*Internal dialogue as a mechanism of consciousness development. Ph. D. (Psychology) Thesis*]. Moscow.
8. Kabrin, V.I. (2005). Kommunikativnyj mir i transkommunikativnyj potencial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya [*Kommunikativnyj mir I transkommunikativnyj potencial zhizni lichnosti: theory, metody, issledovaniya*]. Moscow: Publ. Smysl.
9. Pivovarov, A.M. (2006). Vnutrilichnostnaya kommunikaciya kak predmet teoretiko-sociologicheskogo analiza: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [*Intrapersonal communication as a subject of theoretical and sociological analysis. Ph. D. (Psychology) Thesis*]. Sankt-Petersburg.
10. Psihologiya dialoga i mir cheloveka: Sbornik nauchnyh trudov [*Psychology of dialogue and the human world: A collection of scientific papers*]. Dmitrieva L.G. (ed.). Ufa-Moscow: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2020.
11. Psihologicheskij slovar' [*Psychological dictionary*]. Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. (eds.). 2-e izd. Moscow: Publ. «Izdatel'stvo Astrel'», «Izdatel'stvo AST», «Tranzitkniga», 2004.
12. Revonsuo, A. (2013). Psihologiya soznaniya [*Psychology of consciousness*]. Sankt-Petersburg: Piter. (Translated from English).
13. Semenova, T.V. (2017). Soznanie: ot koncepcij k social'no-psihologicheskoy empirike [*Consciousness: from concepts to socio-psychological empirics*]. Soavtory: G.V. Akopov, V.I. Tyurin-Avinskij, L.V. Davydkina. Akopov G.V. (ed.). Samara: Publ. Porto-print.
14. Starovojtenko, E.B. (2019). Samotozhdestvo ya vo vnutrennem dialoge Psihologiya [*The identity of the self in the internal dialogue Psychology*]. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki [*Journal of the Higher School of Economics*]. V. 16. № 3. P. 434-456.
15. Florenskaya, T.A. (1986). Problemy dialoga v svete idej M.M. Bahtina i A.A. Uhtomskogo [*Problems of dialogue in the light of the ideas of M.M. Bakhtin and A.A. Ukhtomsky*]. Obshchenie i razvitie psihiki [*Communication and development of the psyche*]. Moscow. P. 21-31.
16. Chalmers, D. (2013). Soznayushchij um: V poiskah fundamental'noj teorii [*The conscious mind: In search of a fundamental theory*]. Moscow: URSS; Knizhnyj dom «LIBROKOM». (Translated from English).
17. Honderich, T. (2014). Actual Consciousness. Oxford University Press.
18. Bayne, T. (2009). Access consciousness // The Oxford Companion to Consciousness / T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken (eds.). Oxford University Press. P. 1-3.

The article was received 07.12.2021

ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БЛИЗКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ? ОБЗОР И МЕТА-АНАЛИЗ

©Панфилова А.С.

кандидат технических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии РАН, Москва, Россия
panfilova87@gmail.com

В статье приводятся результаты обзора публикаций, использующих корреляционный, регрессионный анализ и методы машинного обучения, по проблеме выявления и оценки предикторов удовлетворенности отношениями. Проведен мета-анализ по оценке размера эффекта для психологических характеристик черт большой пятерки и стиля привязанности с удовлетворенностью отношениями. Наибольший отрицательный размер эффекта получен для нейротизма (-0,3), избегающего (-0,51) и тревожного (-0,3) стилей привязанности. Также показано, что для женщин и мужчин наблюдаются статистически значимые различия в величине эффекта для избегающего стиля привязанности (-0,59 для женщин и -0,45 для мужчин), и значимое уменьшение показателя удовлетворенности отношениями с увеличением возраста испытуемых с избегающим стилем привязанности без учета пола. Представлена интерпретация полученных результатов.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, стиль привязанности, большая пятерка, конфликтное поведение

Введение

Проблема удовлетворенности взаимоотношениями в семье играет значимую роль в оценке субъективного благополучия человека [3]. Конфликты, возникающие между супругами, могут являться значительным источником стресса, оказывающим влияние на физическое и психическое здоровье, в связи с чем последние три десятилетия проводятся исследования с целью выявления наиболее значимых предикторов удовлетворенности браком как для мужчины, так и для женщины. Одним из наиболее длительно протекающих исследований можно считать работу J. Gottman и R. Levenson, которая включала 14 лет наблюдений за семейными парами и их разводами. В данном исследовании основное внимание отводилось анализу реакций партнеров во время обсуждения вопроса, по которому у супругов имелись разногласия (шкала RCISS – Rapid couples interaction scoring system).

Так, J. Gottman выделил «Четыре всадника апокалипсиса» [17], предсказывающих развод в следующие 14 лет брака: критика, защита, презрение и избегание супругов во время конфлик-

та. Тринадцатилетнее исследование A. Verstaen [54], анализирующее динамику эмоционального поведения супругов среднего и старшего возраста при обсуждении конфликтных вопросов (шкала SPAFF – Specific affect coding system), продемонстрировало значимое снижение негативных эмоциональных проявлений у мужчин и женщин и увеличение позитивных реакций во время взаимодействия супругов с изменением возраста.

Несомненно, поведение во время конфликта является значимым фактором, оказывающим влияние на удовлетворенность отношениями, но исследования показывают, что стоит учитывать факт изменения психологических характеристик с возрастом, а также длительность брака. Однако, с учетом того, что некоторые психологические черты личности являются достаточно устойчивыми, исследователи задались вопросом о том, действительно ли счастливые семейные пары образуют супруги со схожим набором личностных свойств или, наоборот, сильно отличающимся. Также исследователями предпринимались попытки выявить психологический про-

филь, обеспечивающий наиболее высокую удовлетворенность браком.

Первые работы по изучению влияния личностных черт «Большой пятерки» были выполнены В.Карней и Т.Брадбери, которые показали, что нейротизм является значимым фактором, определяющим качество и стабильность брака [30, 31]. Последующие исследования и проведенные на их базе мета-анализы [7, 39, 36, 49, 50] продемонстрировали различные результаты как для величины эффекта черт большой пятерки, так и стиля привязанности в отношениях. Полученные показатели относительно низкой величины эффекта для черт «Большой пятерки» предположительно могут быть связаны с тем, что адаптивные механизмы поведения человека обеспечиваются комплексным взаимодействием указанных черт. Повышенные значения для данного эффекта обнаружены в мета-анализе, проведенном на основании иранских исследований [50], что может быть связано с особенностью выборки. Обнаруженная различная величина эффекта для стиля привязанности партнеров может быть связана с тем, что в мета-анализах объединялись результаты совершенно различных методик, измеряющих данную характеристику.

Несмотря на неоднозначные результаты, получаемые в различных исследованиях, работы в направлении изучения «совместимости» партнеров продолжаются, что не в последнюю очередь связано с появлением и развитием новых методов машинного обучения. Данного рода модели находят свое широкое применение именно в практической области, например, в сервисах онлайн-знакомств актуальны модели, способные предсказать удовлетворенность будущими отношениями людей с целью наиболее оптимального подбора пары и последующей оценки качества отношений с использованием современных методов сбора и анализа данных. С одной стороны, применение методов машинного обучения подвергается критике из-за эффекта «черного ящика» и слабой интерпретируемости обученных моделей, также отсутствует возможность обобщать результаты работ в мета-анализах. С другой, как показал дальнейший поиск, ряд подходов все же позволяет выявить новые факты и

закономерности, связанные с удовлетворенностью отношениями.

Исследования удовлетворенности отношениями с использованием методов машинного обучения

Развитие методов анализа данных и машинного обучения позволило исследователям предпринять попытки построения математических моделей, прогнозирующих удовлетворенность браком на базе личностных свойств. Например, I. Grossmann и его коллеги изучали вклад партнеров в совместную удовлетворенность, собственную удовлетворенность и удовлетворенность партнера [18]. В результате была получена модель, объясняющая 37% дисперсии показателя удовлетворенности отношениями в целом с использованием результатов двух партнеров на базе модели Elastic Net Regression ($MSE=0,55$). Для уточненных показателей удовлетворенности отношениями (тенденция к отдалению, сексуальная удовлетворенность, гармония, конфликты) доля объясняемой дисперсии оказалась ниже.

Также было показано, что большая часть дисперсии удовлетворенности отношениями объясняется собственными свойствами человека, а не партнера, то есть удовлетворенность браком в большей степени определяется личностью самого человека, нежели качествами его партнера. Однако авторы пришли к выводу, что данный результат не справедлив для предсказания конфликтов, которые оказываются в большей степени обусловлены оценкой партнера. Возможно, те или иные ситуации не воспринимаются человеком как конфликтные в отличие от его партнера.

Исследование K.Gupta демонстрирует новый подход к сбору данных, в ходе которого испытуемые носили смартфоны и ежечасно отвечали на вопросы относительно настроения и качества взаимодействия в паре (Quality of Marriage Index) [19]. Приложение на смартфоне записывало трехминутные аудиозаписи происходящего каждые 12 минут, а нагрудный датчик записывал показатели ЭКГ, также регистрировались показатели кожно-гальванической реакции и температуры. С точки зрения личностных свойств у испытуемых оценивался стиль привязанности в близких отношениях. С использованием полно-

связной нейронной сети прямого распространения (Fully connected Feed-forward neural network) была построена модель, демонстрирующая приемлемое качество распознавания конфликта, однако, интерес представляет тот факт, что данная модель показала более высокую точность на подгруппах, выделенных согласно алгоритму кластеризации K-средних с учетом стиля привязанности испытуемых и удовлетворенностью отношениями.

Таким образом, в анализ полученных данных позволил выделить несколько групп с наиболее ярко выраженным стилем привязанности: группа испытуемых с тревожно-избегающим стилем привязанности и низким уровнем удовлетворенности отношениями; группа с надежным стилем привязанности и высоким уровнем удовлетворенности отношениями; и третья группа, находящаяся между первой и второй. Данные группы продемонстрировали различные маркеры, позволяющие выявить конфликт. Для женщин из группы с тревожно-избегающим стилем привязанности и низкой удовлетворенностью отношениями наиболее значимым признаком возникшего конфликта является R-R интервал ЭКГ. Показатели кожно-гальванической реакции явились наиболее значимыми предиктором для мужчин из группы с надежным стилем привязанности и высоким уровнем удовлетворенностью отношениями. Для группы испытуемых, находящейся между обозначенными двумя, наиболее яркими признаками конфликта явилась громкость голоса, как для мужчин, так и для женщин.

S. Joel проверял гипотезу о возможности предсказать первоначальное романтическое влечение партнеров после серии скоростных четырехминутных свиданий, а также продемонстрировал применимость алгоритма Random Forest для решения данной задачи [28, 29]. Испытуемые заполняли опросник, в котором помимо личностных характеристик теста «Большая пятерка» также оценивались стиль привязанности в близких отношениях, удовлетворенность жизнью, сексуальность, заинтересованность в длительных романтических отношениях, консерватизм, самооценка и оценка в отношении заботы и физической привлекательности желаемого романтического партнера.

Авторы показали, что модель может предсказать от 4% до 18% дисперсии в желании субъекта и от 7% до 27% дисперсии в желании партнера. Испытуемые, которые считают теплоту привлекательным качеством, в среднем испытывали большее влечение к своим партнерам во время свиданий, а более избирательные испытуемые в среднем испытывали меньшую заинтересованность в своих партнерах во время свиданий. Участники, высоко оценивающие собственную физическую привлекательность, действительно были более желанными по оценкам партнеров.

В одной из последних работ S. Joel [28], используя данные 43 исследований (11 196 пар) на базе алгоритма Random Forest, обучили модели, соответствующие каждому исследованию, с целью выявления наиболее значимых предикторов удовлетворенности отношениями. Результаты показали, что переменные, отражающие собственное восприятие отношений предсказывали до 45% дисперсии качества отношений. Индивидуальные различия – переменные, отражающие особенности личности, такие как нейротизм, возраст, пол, – предсказывали до 21% дисперсии удовлетворенности отношениями. Кроме того, индивидуальные различия не предсказывали степень удовлетворенности отношениями лучше предикторов, специфичных для отношений, а изменение качества отношений со временем было в значительной степени непредсказуемым.

Психодиагностические методики, используемые в исследованиях удовлетворенности отношениями

В связи с достаточно богатым арсеналом психодиагностических методик, которыми обладают исследователи, актуальным является задача их систематизации для последующего определения критериев отбора публикаций для мета-анализа и дальнейших работ в данной области.

Личностные особенности испытуемых: экстраверсия, нейротизм, добросовестность, доброжелательность, открытость опыту, – в большинстве анализируемых публикациях оценивались с использованием методики Big Five Inventory или NEO Big Five Inventory (сокращенной версии методики), а также их адаптированными языковыми версиями. В ряде работ была описана вы-

сокая значимость поведения партнеров во время конфликта, вследствие чего исследователи включали методики, позволяющие выявлять дисфункциональные поведенческие стратегии, связанные с когнитивными искажениями и преобладающим стилем привязанности в близких отношениях. Диагностика данной сферы в публикациях описывается следующими методиками¹:

1. Attachment Style [11];
2. Experiences in Close Relationships (ECR) [6, 19, 56];
3. Behavioral Self-Regulation for Effective Relationships Scale [20];
4. Behavioral Systems Questionnaire [34];
5. Interpersonal Cognitive Distortions Scale [21];
6. The Relationship Beliefs Inventory [26].

Наибольший интерес среди оцениваемых шкал, вызывает диагностика тревоги и избегания в отношениях, чья значимость была показана в упомянутых ранее мета-анализах. В связи с этим критерием для дальнейшего отбора публикаций была выбрана методика «Experiences in Close Relationships (ECR)», которая также имеет версии для различных языков и могла быть применена в исследованиях с привлечением не только англоговорящих испытуемых.

Диагностика удовлетворенности отношениями представлена в ряде публикаций следующими методиками:

1. Dyadic adjustment scale (DAS) [6, 15, 16, 18, 20, 37, 46];
2. Marital Satisfaction Questionnaire [35, 50];
3. Quality of Marriage Index [38, 56];
4. Relationship Assessment Scale (RAS) [51];
5. Locke-Wallace Marital Adjustment Test [24, 55].

Из представленных методик только Dyadic adjustment scale оценивает несколько шкал: сплоченность, согласие, удовлетворенность отношениями, эмоциональная экспрессия. Она является достаточно распространенной и переведена на различные языки. Остальные методики включают некоторый схожий набор вопросов без выде-

ления шкал, которые, тем не менее, направлены на оценку удовлетворенности отношениями.

Метод

Поиск литературы. Поиск публикаций проводился в следующих базах: Science Direct, Google Scholar, Springer, APA. Для отбора публикаций, связанных с анализом различных предикторов удовлетворенности, для каждого направления использовался свой набор поисковых запросов:

- *Личностные черты*: personality marital satisfaction, big-five marital satisfaction, neo-ffii marital satisfaction, neuroticism marital satisfaction;
- *Стиль привязанности*: attachment marital satisfaction, avoidance marital satisfaction, anxiety marital satisfaction.

В качестве критериев для включения публикации в анализ были выбраны следующие: 1) год публикации в период 2000-2020 гг.; 2) в качестве исходных данных используются результаты опроса испытуемых по выбранным методикам; 3) исследование направлено на оценку удовлетворенности браком, отношениями, партнером; 4) в статье приводятся оценки корреляций нулевого порядка между изучаемыми переменными (экстраверсия, нейротизм, добросовестность, доброжелательность, открытость опыту, тревога, избегание) и удовлетворенность отношениями; 5) публикация содержит данные об оценках корреляций изучаемых характеристик и данные о выборке; 6) используются публикации только на английском языке; 7) в публикациях используется перечень отобранных методик измерения для каждого направления.

Не использовались публикации, где данные были каким-либо образом трансформированы для получения значений по шкалам, например, получение оценки по тревожности или избеганию посредством использования других методик. Для методик оценки удовлетворенностью отношениями допускалось использование различных вариаций опросов, в которых высокие значения должны быть связаны с высокой удовлетворенностью отношениями.

Для каждого набора полученных данных вычислялись следующие оценки:

¹ Приведены примеры исследований, включающие указанные методики.

- размер эффекта для каждой шкалы из «Большой пятерки» (нейротизм, экстраверсия, добросовестность, доброжелательность, открытость опыту) по отношению к собственной удовлетворенности отношениями;
- размер эффекта для тревожности и избегания по отношению к собственной удовлетворенности отношениями;
- оценки вышеупомянутых эффектов для мужчин и женщин в отдельности;
- оценка влияния модератора – возраста испытуемых для указанных выше данных.

Обработка данных. Мета-анализ проводился с использованием средства Meta-Essentials [52], представляющего собой набор файлов и листов, созданных в Microsoft Excel, которые вычисляют необходимые характеристики по входным данным [53]. Использовалась модель случайного эффекта (random effect model) в силу ее широких обобщающих способностей [4, 5]. Для оценки неоднородности (несогласованности результатов исследований) использовался τ^2 и Q (в случае

значимости, данные коэффициенты указывают на неоднородность выборки), I^2 в процентах [25]. Показатель I^2 принимает значения в диапазоне от 9% до 100% с порогами 25%, 50%, 75%, соответствующие низкому, среднему и высокому уровню неоднородности. Для выявления смещения выборки использовался t-тест Эггера, который в случае значимости ($p < 0,05$) свидетельствует о смещении в данных [10].

Результаты

На первом этапе была составлена выборка публикаций согласно поисковым запросам к базам данных. Далее были отобраны наиболее подходящие согласно аннотации публикации, которые затем были уточнены посредством проверки соответствия критериям включения публикации в мета-анализ (рис. 1).

Общее число испытуемых составило 10619 респондентов, из которых 2418 мужчин и 2424 женщины, у остальных испытуемых пол не указан.

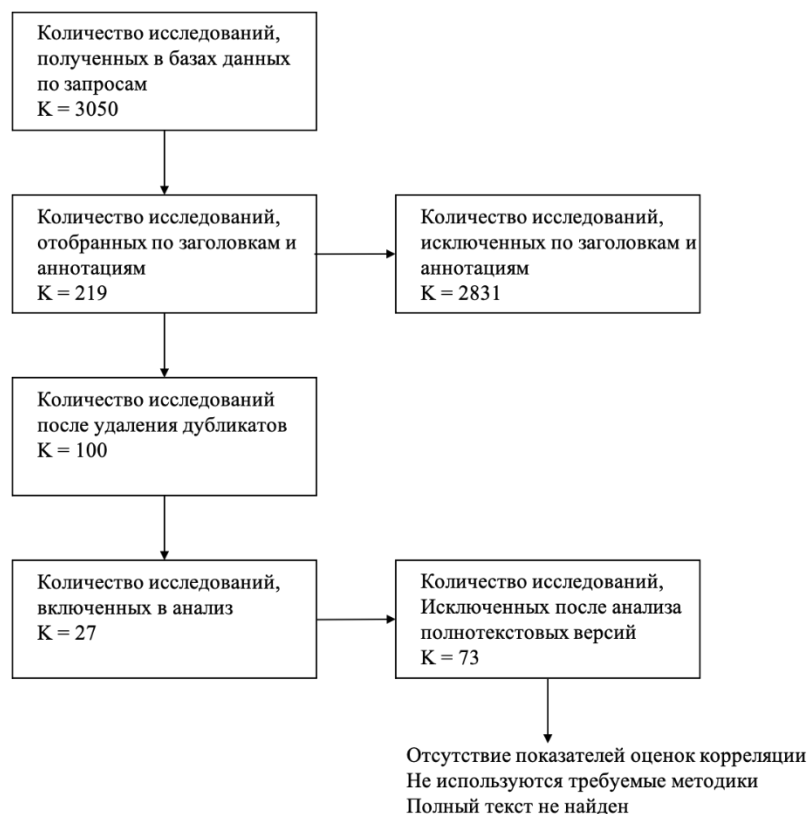

Рис. 1. Диаграмма процесса поиска, проверки статей, включения и исключения данных. Исследования, включенные в анализ, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Исследования, включенные в анализ

Автор	Возраст	Выборка	Методики
Schaffhuser, 2014 [51]	50	282	Relationship Assessment Scale; Big Five Inventory;
Donnellan, 2004 [9]	39,8	836	Marital quality (2 items); NEO Five-Factor Inventory;
Molaei, 2016 [40]	36	300	Marital satisfaction questionnaire; NEO Five-Factor Inventory;
Amiri, 2011 [2]	-	100	Marital Satisfaction Scale; NEO Five-Factor Inventory;
O'Meara, 2019 [47]	47,42	1965	Relationship satisfaction; Big Five Inventory;
Mousavi, 2017 [44]	32,5	154	Dyadic Adjustment Scale; NEO Five-Factor Inventory;
Gattis, 2004 [14]	42	96	Dyadic Adjustment Scale; NEO Five-Factor Inventory;
Altgelt, 2018 [1]	29,47	454	Quality Marriage Index; International Personality Item Pool;
Kinnunen, 2003 [33]	46,9	296	Marital satisfaction (7 items); Big Five Inventory;
Yuspendi, 2015 [57]	32	1000	Marital Satisfaction Scale; Experiences in Close Relationships Big Five Inventory;
Javanmard, 2013 [27]	35	70	Marital Satisfaction Inventory NEO Five-Factor Inventory;
Xu, 2017 [55]	32	370	Locke-wallace marital adjustment test; NEO Five-Factor Inventory;
Najarpourian, 2012 [45]	43	164	Marital Satisfaction Inventory NEO Five-Factor Inventory;
Heller, 2009 [24]	42	208	Locke-Wallace Marital Adjustment Test; Big Five Inventory;
Khademi, 2017 [32]	40	350	Marital Satisfaction Inventory; NEO Five-Factor Inventory;
Ozmen, 2010 [48]	37,4	204	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationship;
Moser, 2016 [43]	44,7	32	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationship;
Brassard, 2009 [6]	29	548	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationship;
Mondor, 2011 [42]	41,75	112	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationships;
Pedro, 2015	41,81	1230	Marital Life Areas Satisfaction Evaluation Scale; Experiences in Close Relationship;
Chung, 2014 [8]	41,2	208	Quality of Marriage Index Experiences in Close Relationship;
Fuenfhausen, 2013 [13]	34,8	191	Relationship Assessment scale; Experiences in Close Relationships-Revised;
Hatch, 2008 [23]	34,6	386	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationship;
Haseley, 2006 [22]	27,26	184	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationship;
Fitzpatrick, 2017 [12]	31,2	398	Dyadic Adjustment Scale; Experiences in Close Relationships-12;
Molero, 2017 [41]	38,6	348	Relationship Assessment Scale; Experiences in Close Relationship;
Tamimi, 2009	36,51	133	Relationship Assessment Scale; Experiences in Close Relationships-Revised;

В [] даны ссылки на источник в списке литературы

Взаимосвязь личностных особенностей и удовлетворенности отношениями

В первую очередь была вычислена величина эффекта для всех полученных корреляционных

оценок шкал теста «Большая пятерка» и удовлетворенностью отношениями по мужчинам, женщинам и объединенным данным (табл. 2).

Таблица 2. Тест Большая пятерка и удовлетворенность отношениями

Шкала	Оценки								Асимметрия
	K	N	r	95% [CI LL; CI UL]	95% [PI LL; PI UL]	τ^2	Q	I ²	Egger's t-test
Нейротизм	15	6045	-0,3	[-0,38; -0,22]	[-0,54; -0,02]	0,02	102,2**	86,3	-1,21
Доброжелательность	10	5097	0,26	[0,18; 0,33]	[-0,01; 0,49]	0,01	63,14**	85,75	1,06
Добросовестность	12	5673	0,23	[0,14; 0,32]	[-0,05; 0,48]	0,02	82,19**	86,62	0,43
Экстраверсия	7	3515	0,22	[0,07; 0,36]	[-0,01; 0,49]	0,01	35,55**	83,12	1,26

K – количество коэффициентов, N – объем выборки, r – величина эффекта на основании корреляции, CL – доверительный интервал, PL – предсказательный интервал, τ^2 и I² – диапазон дисперсии, Q – взвешенная сумма квадратов разностей между наблюдаемой величиной эффекта и взвешенной средней величиной эффекта, ** p < 0,01

Проведенный анализ показал, что между *нейротизмом* и удовлетворенностью отношениями присутствует значимая отрицательная взаимосвязь $r = -0,3$; $p < 0,01$ с доверительным интервалом [-0,38; -0,22]. Результаты также показали статистически значимую неоднородность выборки ($Q = 102,2$; $p < 0,01$; $I^2 = 86,3\%$; $K = 15$).

Доброжелательность значимо коррелирует с удовлетворенностью отношениями $r = 0,26$; $p < 0,01$ с доверительным интервалом [0,18; 0,33] при статистически значимой неоднородности выборки ($Q = 63,14$; $p < 0,01$; $I^2 = 85,75\%$; $K = 10$).

Добросовестность связана с удовлетворенностью отношениями на схожем уровне $r = 0,23$; $p < 0,01$ с доверительным интервалом [0,14; 0,32] при статистически значимой неоднородности выборки ($Q = 82,19$; $p < 0,01$; $I^2 = 86,62\%$; $K = 12$).

Аналогичный результат получен для *экстраверсии* удовлетворенности отношениями $r = 0,22$; $p < 0,01$, однако, с увеличенным доверительным интервалом [0,07; 0,36] при статистиче-

ски значимой неоднородности выборки ($Q = 35,55$; $p < 0,01$; $I^2 = 83,12\%$; $K = 7$).

Для шкалы *открытость опыту* исследования продемонстрировали отсутствие значимых корреляционных связей за исключением нескольких для всех испытуемых [24, 55].

Также мы не разделяли выборки по полу из-за небольшого числа включенных публикаций. При этом многие исследования указывали на отсутствие различий в распределении анализируемых показателей у мужчин и женщин. Вследствие выборки небольшого размера анализ с использованием модераторов не проводился.

Взаимосвязь стиля привязанности и удовлетворенности отношениями

Был проведен анализ по оценке величины эффекта для показателей стиля привязанности (тревога и избегание) и удовлетворенностью отношениями для мужчин и женщин, а также данным без указания пола (табл. 3).

Таблица 3. Стиль привязанности и удовлетворенность отношениями

Шкала	Оценки								Асимметрия
	K	N	r	95% [CI LL; CI UL]	95% [PI LL; PI UL]	τ^2	Q	I ²	Egger's t-test
Тревога	16	3942	-0,3	[-0,36; -0,24]	[-0,48; -0,1]	0,01	45,65	67,14	-0,89
Мужчины	5	1337	-0,27	[-0,34; -0,19]	[-0,34; -0,18]	0,00	4,15	3,5	-0,64
Женщины	5	1337	-0,3	[-0,39; -0,2]	[-0,45; -0,12]	0,00	6,58	39,24	-0,19
Избегание	18	4104	-0,51	[-0,61; -0,41]	[-0,8; -0,04]	0,06	237,00**	92,83	1,49
Мужчины	6	1439	-0,45	[-0,62; -0,24]	[-0,8; 0,13]	0,05	55,21**	90,94	1,4
Женщины	5	1337	-0,59	[-0,73; -0,38]	[-0,85; -0,1]	0,03	34,35**	88,35	2,32

K – количество коэффициентов, N – объем выборки, r – величина эффекта на основании корреляции, CL – доверительный интервал, PL – предсказательный интервал, τ^2 и I² – диапазон дисперсии, Q – взвешенная сумма квадратов разностей между наблюдаемой величиной эффекта и взвешенной средней величиной эффекта, ** p < 0,01

Показана значимая отрицательная корреляция *тревожного* стиля привязанности и удовлетворенности отношениями $r = -0,3$; $p < 0,01$ с доверительным интервалом [-0,36; -0,24] при статистически значимом и среднем уровне неоднородности выборки ($Q = 45,65$; $p < 0,01$; $I^2 = 67,14\%$; $K = 16$). Также мы видим статистически значимые различия в величине эффекта между двумя выборками с учетом пола испытуемых ($Q = 11,26$; $p < 0,01$; $I^2 = 20,09\%$; $K = 10$).

Показана значимая отрицательная корреляционная связь *избегающего* стиля привязанности и удовлетворенности отношениями $r = -0,51$; $p <$

$0,01$ с доверительным интервалом [-0,61; -0,41] при статистически значимой неоднородности выборки ($Q = 237$; $p < 0,01$; $I^2 = 92,83\%$; $K = 18$). Также наблюдаются статистически значимые различия между группами с учетом пола испытуемых ($Q = 116,02$; $p < 0,01$; $I^2 = 91,38\%$; $K = 11$). При рассмотрении возраста в качестве модератора для всей выборки, включая мужчин, женщин и испытуемых без указания пола, получена регрессионная модель и величина стандартизованного коэффициента $\beta = -0,2$; $p < 0,01$ (рис. 2).

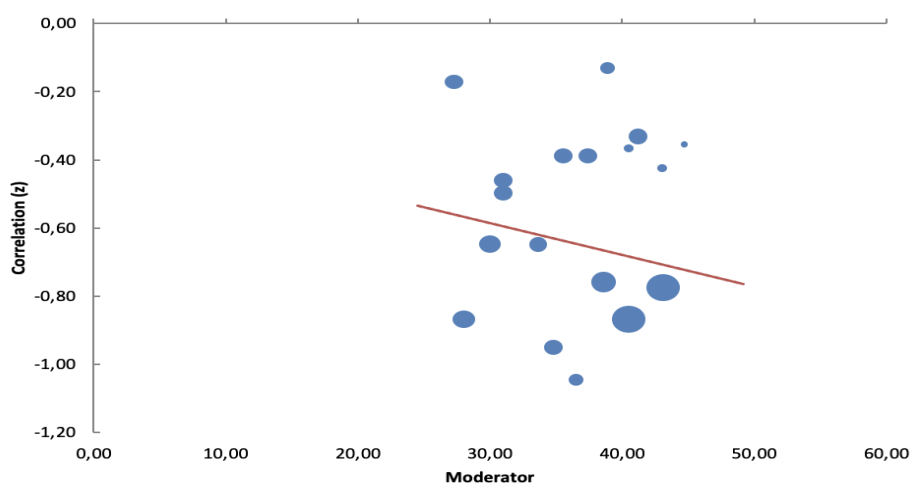

Рис. 2. Линейная регрессия для возраста в качестве модератора корреляционной связи избегающего стиля привязанности и удовлетворенности отношениями.

Обсуждение результатов

Полученные в данном исследовании результаты, касающиеся взаимосвязи черт «Большой пятерки» и удовлетворенности отношениями (табл. 4), в наибольшей степени согласуются с результатами, полученными К. Sayehmiri. И коллегами, с учетом отсутствия пересекающихся работ в данном исследовании, а также результатами исследований К. Sayehmiri по анализу публикаций на арабском языке [50]. Также стоит отметить, что исследование В. Le направлено на анализ корреляционных связей с методикой, измеряющей не-

удовлетворенность отношений, вследствие чего оценка размера эффекта имеет обратный знак по отношению к другим исследованиям [36].

Размер эффекта для тревожного и избегающего стилей привязанности оценен выше в данном исследовании, чем в предыдущих, что может быть связано с более требовательным отбором публикаций для данного мета-анализа, касающимся применения методики Experiences in Close Relationship.

Таблица 4. Размер эффекта для взаимосвязи личностных черт и удовлетворенности отношениями в проведенных ранее мета-анализах и настоящем исследовании

Шкала	Le	Malouff	Sayehmiri	Candel	Текущее исследование
Экстраверсия	-0,01	0,06	0,16	-	0,22
Нейротизм	0,01	-0,22	-0,22	-	-0,3
Добросовестность	-0,02	0,12	0,26	-	0,23
Доброжелательность	-0,07	0,15	0,19	-	0,26
Открытость опыту	0,08	0,03	0,09	-	-
Тревожный стиль привязанности	0,2	-	-	-0,32	-0,3
Избегающий стиль привязанности	0,2	-	-	-0,44	-0,51

Существующие работы в области использования методов машинного обучения позволяют изучать проблему предикторов удовлетворенности браком в части анализа процента объясняемой моделью дисперсии целевой переменной. Так, было показано, что восприятие конфликтов в близких отношениях и удовлетворенность отношениями достаточно сильно связана со стилем привязанности, а также показан большой вклад в удовлетворенность отношениями собственных черт личности, нежели характеристик партнера.

В части используемого психодиагностического комплекса наблюдается большой диапазон опросников удовлетворенности отношениями, результаты которых объединяются исследователями при проведении мета-анализов. Однако, объединение измерительного инструментария в части диагностики дисфункциональных стилей привязанности может приводить к уменьшению размера эффекта.

Проведенный мета-анализ продемонстрировал значимую отрицательную взаимосвязь

нейротизма и удовлетворенности отношениями с размером эффекта -0,3 с доверительным интервалом [-0,38; -0,22], доброжелательности ($r = 0,26$ с доверительным интервалом [0,18; 0,33]), добросовестности ($r = 0,23$ с доверительным интервалом [0,14; 0,32]) и экстраверсии ($r = 0,22$ с увеличенным доверительным интервалом [0,07; 0,36]). Для шкалы «открытость опыту» в анализируемых публикациях отсутствовало достаточное количество обнаруженных исследователями значимых корреляционных связей, что согласуется с величиной эффекта, стремящейся к нулю, выявленной в предыдущих мета-анализах.

В части анализа взаимосвязи стиля привязанности и удовлетворенности отношениями значимые результаты получены для тревожного стиля привязанности ($r = -0,3$ с доверительным интервалом [-0,36; -0,24]), причем для женщин данная связь статистически значимо выше, чем для мужчин ($r = -0,3$ и $r = -0,27$). Также получены значимые результаты по размеру эффекта для избегающего стиля привязанности и удовлетво-

ренности отношениями ($r = -0,51$ с доверительным интервалом $[-0,61; -0,41]$). Для женщин размер эффекта статистически значимо выше, чем для мужчин, и составляет $-0,59$ и $-0,45$ соответственно. Также показано, что с увеличением возраста избегающий стиль привязанность становится в большей степени связан с низкой удовлетворенностью отношениями.

Выводы:

Проведенный анализ позволил рассмотреть проблему предикторов удовлетворенности близкими отношениями с разных точек зрения с применением различных подходов и методов. С одной стороны, ни одна из черт теста «Большая пятерка» не оказывается решающим образом связана с удовлетворенностью отношениями. Однако нейротизм имеет наибольшую отрицательную взаимосвязь, так как скорее всего данная черта обуславливает особенности восприятия и реакции человека на жизненные обстоятельства и, в частности, на возникающие конфликты.

Исследователями отмечен значимый вклад фактора поведения человека во время конфликта в продолжительность брака, и как показали дальнейшие исследования, восприятие конфликта и реализуемые поведенческие стратегии могут быть обусловлены стилем привязанности к партнеру, который значимо отрицательно связан с удовлетворенностью отношениями. Причем для женщин данная отрицательная связь сильнее, чем для мужчин.

Комплекс свойств человека и особенности его восприятия и реакции на действия партнера обуславливают удовлетворенность, а не подходящий психологический профиль супруга или супруги, что можно резюмировать фразой О. Уайльда «Красота в глазах смотрящего».

Литература

1. Altgelt E.E., Reyes M., French J.E., Meltzer A.L., McNulty J.K. Who is sexually faithful? Own and partner personality traits as predictors of infidelity // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2018. V. 35. P. 600-614.
2. Amiri M., Farhoodi F., Abdolvand N., Bidakhvidi A.R. A study of the relationship between Big-five personality traits and communication styles with marital satisfaction of married students majoring in public universities of Tehran // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. V.30. P. 685-689.
3. Berscheid E. The greening of relationship science // *American Psychologist*. 1999. V. 54. P.260-66.
4. Borenstein M., Hedges L.V., Higgins J.P.T., Rothstein H.R. A basic introduction to fixed-effect and random-effects models for meta-analysis // *Research Synthesis Methods*. 2010. V.1. P.97-111.
5. Borenstein M., et al. *Introduction to Meta-Analysis*, Chichester (UK): Wiley, 2009.
6. Brassard A., Lussier Y., Shaver P. Attachment, Perceived Conflict, and Couple Satisfaction: Test of a Mediation Dyadic Model // *Family Relations*. 2009. V.58. P.634-646.
7. Candel O., Turliuc M. Insecure attachment and relationship satisfaction: A meta-analysis of actor and partner associations // *Personality and Individual Differences*. 2019. V.147. P.190-199.
8. Chung M. Pathways between attachment and marital satisfaction: The mediating roles of rumination, empathy, and forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2014. V.70. P.246-251.
9. Donnellan M., Conger R., Bryant C. The Big Five and enduring marriages // *Journal of Research in Personality*. 2004. V.38. P.481-504.
10. Egger M., Davey Smith G., Schneider M., Minder C. Bias in meta-analysis detected by a simple, graphical test // *British Medical Journal*. 1997. V.315. P. 629-634.
11. Feeney J. Adult attachment, emotional control, and marital satisfaction // *Personal Relationships*. 1999. V. 6. P. 169-185.
12. Fitzpatrick J., Lafontaine M. Attachment, trust, and satisfaction in relationships: Investigating actor, partner, and mediating effects // *Personal Relationships*. 2017. V.24. P. 640-662.
13. Fuenfhausen K.K., Cashwell C.S. Attachment, Stress, Dyadic Coping, and Marital Satisfaction of Counseling Graduate Students // *The Family Journal*. 2013. V.21. P. 364-370.
14. Gattis K.S., Berns S., Simpson L.E., Christensen A. Birds of a feather or strange birds? Ties among personality dimensions, similarity, and

- marital quality // *Journal of family psychology: JFP: journal of the Division of Family Psychology of the American Psychological Association*, 2004. V.18 (4). P. 564-574.
15. Gobout N., Morissette Harvey F., Cyr G., Bélanger C. Cumulative Childhood Trauma and Couple Satisfaction: Examining the Mediating Role of Mindfulness. *Mindfulness*. 2020. V.11(7), P.1723-1733. <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01390-x>
16. Gordon C.L., Baucom D.H. Examining the Individual within Marriage: Personal Strengths and Relationship Satisfaction. *Personal Relationships*. 2009. V.16. P.421-435. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2009.01231.x>
17. Gottman J., Levenson R. The Timing of Divorce: Predicting When a Couple Will Divorce Over a 14-Year Period // *Journal of Marriage and Family*. 2000. V.62. P.737-745.
18. Grossmann I., Hottung A., Krohn-Grimberghe A. Machine learning meets partner matching: Predicting the future relationship quality based on personality traits. *PLoS ONE*, 2019, 14.
19. Gupta K., Gujral A., Chaspari T., Timmons A.C., Han S.C., Kim Y., Barrett S., Sichko S., Margolin G. Sub-Population Specific Models of Couples' Conflict. *ACM Transactions on Internet Technology (TOIT)*. 2020. V.20. P.1-20.
20. Halford W. K., Lizzio A., Wilson K. L., Occhipinti S. Does working at your marriage help? Couple relationship self-regulation and satisfaction in the first 4 years of marriage // *Journal of Family Psychology*. 2007. V.21(2). P.185-194.
21. Hamamci Z. Dysfunctional Relationship Beliefs in Marital Satisfaction and Adjustment // *Social Behavior and Personality*. 2005. V.33. P.313-328.
22. Haseley J.L. Marital satisfaction among newly married couples: Associations with religiosity and romantic attachment style. 2006.
23. Hatch D. Factors that influence the association between adult attachment and marital satisfaction. 2008.
24. Heller D., Ferris D., Brown D.J., Watson D. The influence of work personality on job satisfaction: incremental validity and mediation effects // *Journal of personality*. 2009. V.77(4). P.1051-1084.
25. Higgins J.P., Thompson S.G., Deeks J.J., Altman D.G. Measuring inconsistency in meta-analyses // *British Medical Journal*. 2003. V.327. P. 557-560.
26. James S., Hunsley J., Hemsworth D. Factor Structure of the Relationship Belief Inventory // *Cognitive Therapy and Research*. 2004. V.26. P.729-744.
27. Javanmard G., Garegozlo R.M. The Study of Relationship Between Marital Satisfaction and Personality Characteristics in Iranian Families // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. V.84. P. 396-399.
28. Joel S., Eastwick P.W., Finkel E. Is Romantic Desire Predictable? Machine Learning Applied to Initial Romantic Attraction // *Psychological Science*. 2017. V.28. P.1478-1489.
29. Joel S., Eastwick P.W., Allison C.J., Arriaga X., et al. Machine learning uncovers the most robust self-report predictors of relationship quality across 43 longitudinal couples studies // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. V.117. P.19061-19071.
30. Karney B.R., Bradbury T.N. The longitudinal course of marital quality and stability: A review of theory, method and research // *Psychological Bulletin*. 1995. V.18. P. 3-34.
31. Karney B.R., Bradbury T.N. Neuroticism, marital interaction and the trajectory of marital satisfaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V.72. P.1075-1092.
32. Khademi A. Prediction of Marital Dissatisfaction Based on Personality Characteristics and Social Relations in Couples of Students and Non-Students // *International Journal of Medical Research and Health Sciences*. 2017. V.6. P.103-107.
33. Kinnunen U., Vermulst A., Gerris J., Mäkikangas A. Work–family conflict and its relations to well-being: the role of personality as a moderating factor // *Personality and Individual Differences*. 2003. V.35. P.1669-1683.
34. Lantagne A. A Dyadic Perspective on Young Adult Dating Aggression. *Electronic Theses and Dissertations*. 2019. <https://digitalcommons.du.edu/etd/1671>

35. Lavner J.A., Karney B., Bradbury T. Does Couples' Communication Predict Marital Satisfaction, or Does Marital Satisfaction Predict Communication? // *Journal of marriage and the family*. 2016. V.78(3). P.680-694.
36. Le B., Dove N.L., Agnew C., Korn M.S., Mutso A.A. Predicting non marital romantic relationship dissolution: A meta-analytic synthesis // *Personal Relationships*. 2010. V.17. P.377-390.
37. Levesque C., Lafontaine M., Caron A., Flesch J.L., Bjornson S. Dyadic Empathy, Dyadic Coping, and Relationship Satisfaction: A Dyadic Model // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. V.10. P.118-134.
38. Li X., Cao H., Curran M.A. et al. Traditional Gender Ideology, Work Family Conflict, and Marital Quality among Chinese Dual-Earner Couples: A Moderated Mediation Model // *Sex Roles*. 2020. V.83. P.622-635. <https://doi.org/10.1007/s11199-020-01125-1>
39. Malouff J.M., Thorsteinsson E.B., Schutte N.S., Bhullar N., Rooke S.E. The Five-Factor Model of personality and relationship satisfaction of intimate partners: A meta-analysis // *Journal of Research in Personality*. 2010. V.44(1). P.124-127.
40. Molaei M., Banihashem S.K. The relationship between marital satisfaction and the personality variables of the five-factor model // *International journal of humanities and social sciences*. 2016. V.1. P.1783-1790.
41. Molero F., Shaver P. R., Fernández I., Recio P. Attachment insecurities, life satisfaction, and relationship satisfaction from a dyadic perspective: The role of positive and negative affect // *European Journal of Social Psychology*. 2017. V.47. P. 337-347. doi: [10.1002/ejsp.2276](https://doi.org/10.1002/ejsp.2276).
42. Mondor J., McDuff P., Lussier Y. Wright J. Couples in Therapy: Actor-Partner Analyses of the Relationships Between Adult Romantic Attachment and Marital Satisfaction // *The American Journal of Family Therapy*. 2011. V.39(2). P.112-123, DOI: [10.1080/01926187.2010.530163](https://doi.org/10.1080/01926187.2010.530163)
43. Moser M.B., Johnson S., Dalgleish T.L., Lafontaine M., Wiebe S., Tasca G. Changes in Relationship-Specific Attachment in Emotionally Focused Couple Therapy // *Journal of marital and family therapy*. 2016. V.42(2). P. 231-245.
44. Mousavi R. Relationship between Big Five Personality Factors Neuroticism, Extraversion, Agreeableness, Openness, Loyalty and Marital Adjustment // *Neuroquantology*. 2017. V.15. P.63-68.
45. Najarpourian S., Fatehizadeh M., Etemadi O., Ghasemi V., Abedi M., Bahrami F. Personality Types and Marital Satisfaction. 2012.
46. O'Leary K.D., Smith Slep A.M., O'Leary S.G. Multivariate models of men's and women's partner aggression // *Journal of consulting and clinical psychology*. 2007. V.75(5). P.752-764. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.75.5.752>
47. O'Meara S. Big Five Personality Domains and Relationship Satisfaction: Direct Effects and Correlated Change Over Time Madison. 2019.
48. Ozmen O., Atik G. Attachment styles and marital adjustment of Turkish married individuals // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010. V.5. P.367-371. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.106>.
49. Peterson R.A., Brown S.P. On the use of beta coefficients in meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V.90. P.175-181.
50. Sayehmiri K., Kareem K.I., Abdi K., Dalvand S., Gheshlagh R. The relationship between personality traits and marital satisfaction: a systematic review and meta-analysis. 2020. *BMC Psychology*, 8.
51. Schaffhuser K., Wagner J., Lüdtke O., Allemand M. Dyadic longitudinal interplay between personality and relationship satisfaction: A focus on neuroticism and self-esteem // *Journal of Research in Personality*. 2014. V.53. P.124-133.
52. Suurmond R., van Rhee H., Hak T. Introduction, comparison and validation of Meta-Essentials: A free and simple tool for meta-analysis // *Research Synthesis Methods*. 2017. V.8(4). P. 537-553. <https://doi.org/10.1002/jrsm.1260>.
53. Van Rhee H.J., Suurmond R., Hak T. User manual for Meta-Essentials: Workbooks for meta-analysis (version 1.4) Rotterdam. The Netherlands: Erasmus Research Institute of Management. 2015. Retrieved from <http://www.irim.eur.nl/research-support/meta-essentials>.
54. Verstaen A., Haase C.M., Lwi S.J., Levenson R.W. Age-related changes in emotional behavior:

Evidence from a 13-year longitudinal study of long-term married couples // *Emotion*. 2020. V.20(2). P.149-163.

55. Xu H. Factors Affecting Marital Satisfaction among Chinese Newlyweds // *Journal of Psychology & Psychotherapy*. 2017. V.7. P.1-4.

56. Yoo H., Bartle-Haring S., Day R.D., Gangamma R. Couple communication, emotional and sexual intimacy, and relationship satisfaction // *Journal*

of sex & marital therapy. 2014. V.40(4). P.275-293.

<https://doi.org/10.1080/0092623X.2012.751072>

57. Yuspendi Y., Fun-Fun L., Maria C. Adult Attachment and Personality Traits and the Quality of Marriage of Husband and Wife Couples. 2015.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021

WHAT PREDICTS ROMANTIC RELATIONSHIP SATISFACTION? OVERVIEW AND META-ANALYSIS

© Anastasia S. Panfilova

PhD, researcher, Laboratory of psychology and psychophysiology of creativity,
Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia,
panfilova87@gmail.com

The article presents the results of a review of publications about the problem of identifying and assessing predictors of relationship satisfaction, which use correlation analysis, regression analysis and machine learning methods. A meta-analysis was performed to assess the effect size for psychological characteristics of the Big Five traits and attachment style with relationship satisfaction. The most negative effect size was obtained for neuroticism (-0,3), avoidance (-0,51) and anxious (-0,3) attachment styles. There were statistically significant differences in the effect size for the avoidant style of attachment for women and men (-0,59 for women and -0,45 for men), and a significant decrease in the relationship satisfaction value through increasing age of subjects, who has avoidant style of attachment without regard to gender. The interpretation of the received results is presented.

Keywords: relationship satisfaction, attachment style, Big Five Inventory, conflict behavior

REFERENCES

1. Altgelt E.E., Reyes M., French J.E., Meltzer A.L., McNulty J.K. (2018). Who is sexually faithful? Own and partner personality traits as predictors of infidelity // *Journal of Social and Personal Relationships*. V. 35. P. 600-614.
2. Amiri M., Farhoodi F., Abdolvand N., Bidakhvidi A.R. (2011). A study of the relationship between Big-five personality traits and communication styles with marital satisfaction of married students majoring in public universities of Tehran // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. V.30. P. 685-689.
3. Berscheid E. (1999). The greening of relationship science // *American Psychologist*. V.54. P.260-66.
4. Borenstein M., Hedges L.V., Higgins J.P.T., Rothstein H.R. (2010). A basic introduction to fixed-effect and random-effects models for meta-analysis // *Research Synthesis Methods*. V.1. P.97-111.
5. Borenstein M., et al. (2009). *Introduction to Meta-Analysis*, Chichester (UK): Wiley.
6. Brassard A., Lussier Y., Shaver P. (2009). Attachment, Perceived Conflict, and Couple Satisfaction: Test of a Mediational Dyadic Model // *Family Relations*. V.58. P.634-646.

7. Candel O., Turliuc M. (2019). Insecure attachment and relationship satisfaction: A meta-analysis of actor and partner associations // *Personality and Individual Differences*. V.147. P.190-199.
8. Chung M. (2014). Pathways between attachment and marital satisfaction: The mediating roles of rumination, empathy, and forgiveness // *Personality and Individual Differences*. V.70. P.246-251.
9. Donnellan M., Conger R., Bryant C. (2004). The Big Five and enduring marriages // *Journal of Research in Personality*. V.38. P.481-504.
10. Egger M., Davey Smith G., Schneider M., Mindes C. (1997). Bias in meta-analysis detected by a simple, graphical test // *British Medical Journal*. V.315. P. 629-634.
11. Feeney J. (1999). Adult attachment, emotional control, and marital satisfaction // *Personal Relationships*. V. 6. P. 169-185.
12. Fitzpatrick J., Lafontaine M. (2017). Attachment, trust, and satisfaction in relationships: Investigating actor, partner, and mediating effects // *Personal Relationships*. V.24. P. 640-662.
13. Fuenfhausen K.K., Cashwell C.S. (2013). Attachment, Stress, Dyadic Coping, and Marital Satisfaction of Counseling Graduate Students // *The Family Journal*. V.21. P. 364-370.
14. Gattis K.S., Berns S., Simpson L.E., Christensen A. (2004). Birds of a feather or strange birds? Ties among personality dimensions, similarity, and marital quality // *Journal of family psychology: JFP: journal of the Division of Family Psychology of the American Psychological Association*, V.18 (4). P. 564-574.
15. Gobout N., Morissette Harvey F., Cyr G., Bélanger C. (2020). Cumulative Childhood Trauma and Couple Satisfaction: Examining the Mediating Role of Mindfulness. *Mindfulness*. V.11(7), P.1723-1733. <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01390-x>
16. Gordon C.L., Baucom D.H. Examining the Individual within Marriage: Personal Strengths and Relationship Satisfaction. *Personal Relationships*. 2009. V.16. P.421-435. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2009.01231.x>
17. Gottman J., Levenson R. (2000). The Timing of Divorce: Predicting When a Couple Will Divorce Over a 14-Year Period // *Journal of Marriage and Family*. V.62. P.737-745.
18. Grossmann I., Hottung A., Krohn-Grimberghe A. (2019). Machine learning meets partner matching: Predicting the future relationship quality based on personality traits. *PLoS ONE*, 14.
19. Gupta K., Gujral A., Chaspari T., Timmons A.C., Han S.C., Kim Y., Barrett S., Sichko S., Margolin G. (2020). Sub-Population Specific Models of Couples' Conflict. *ACM Transactions on Internet Technology (TOIT)*. V.20. P.1-20.
20. Halford W. K., Lizzio A., Wilson K. L., Occhipinti S. (2007). Does working at your marriage help? Couple relationship self-regulation and satisfaction in the first 4 years of marriage // *Journal of Family Psychology*. V.21(2). P.185-194.
21. Hamamci Z. (2005). Dysfunctional Relationship Beliefs in Marital Satisfaction and Adjustment // *Social Behavior and Personality*. V.33. P.313-328.
22. Haseley J.L. (2006). Marital satisfaction among newly married couples: Associations with religiosity and romantic attachment style.
23. Hatch D. (2008). Factors that influence the association between adult attachment and marital satisfaction.
24. Heller D., Ferris D., Brown D.J., Watson D. (2009). The influence of work personality on job satisfaction: incremental validity and mediation effects // *Journal of personality*. V.77(4). P.1051-1084.
25. Higgins J.P., Thompson S.G., Deeks J.J., Altman D.G. (2003). Measuring inconsistency in meta-analyses // *British Medical Journal*. V.327. P. 557-560.
26. James S., Hunsley J., Hemsworth D. (2004). Factor Structure of the Relationship Belief Inventory // *Cognitive Therapy and Research*. V.26. P.729-744.
27. Javanmard G., Garegozlo R.M. (2013). The Study of Relationship Between Marital Satisfaction and Personality Characteristics in Iranian Families // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. V.84. P. 396-399.

28. Joel S., Eastwick P.W., Finkel E. (2017). Is Romantic Desire Predictable? Machine Learning Applied to Initial Romantic Attraction // *Psychological Science*. V.28. P.1478-1489.
29. Joel S., Eastwick P.W., Allison C.J., Arriaga X., et al. (2020). Machine learning uncovers the most robust self-report predictors of relationship quality across 43 longitudinal couples studies // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. V.117. P.19061-19071.
30. Karney B.R., Bradbury T.N. (1995). The longitudinal course of marital quality and stability: A review of theory, method and research // *Psychological Bulletin*. V.18. P. 3-34.
31. Karney B.R., Bradbury T.N. (1997). Neuroticism, marital interaction and the trajectory of marital satisfaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. V.72. P.1075-1092.
32. Khademi A. (2017). Prediction of Marital Dissatisfaction Based on Personality Characteristics and Social Relations in Couples of Students and Non-Students // *International Journal of Medical Research and Health Sciences*. V.6. P.103-107.
33. Kinnunen U., Vermulst A., Gerris J., Mäkikangas A. (2003). Work-family conflict and its relations to well-being: the role of personality as a moderating factor // *Personality and Individual Differences*. V.35. P.1669-1683.
34. Lantagne A. (2019). A Dyadic Perspective on Young Adult Dating Aggression. Electronic Theses and Dissertations. <https://digitalcommons.du.edu/etd/1671>
35. Lavner J.A., Karney B., Bradbury T. (2016). Does Couples' Communication Predict Marital Satisfaction, or Does Marital Satisfaction Predict Communication? // *Journal of marriage and the family*. V.78(3). P.680-694.
36. Le B., Dove N.L., Agnew C., Korn M.S., Mutso A.A. (2010). Predicting non marital romantic relationship dissolution: A meta-analytic synthesis // *Personal Relationships*. V.17. P.377-390.
37. Levesque C., Lafontaine M., Caron A., Flesch J.L., Bjornson S. (2014). Dyadic Empathy, Dyadic Coping, and Relationship Satisfaction: A Dyadic Model // *Europe's Journal of Psychology*. V.10. P.118-134.
38. Li X., Cao H., Curran M.A. et al. (2020). Traditional Gender Ideology, Work Family Conflict, and Marital Quality among Chinese Dual-Earner Couples: A Moderated Mediation Model // *Sex Roles*. V.83. P.622-635. <https://doi.org/10.1007/s11199-020-01125-1>
39. Malouff J.M., Thorsteinsson E.B., Schutte N.S., Bhullar N., Rooke S.E. (2010). The Five-Factor Model of personality and relationship satisfaction of intimate partners: A meta-analysis // *Journal of Research in Personality*. V.44(1). P.124-127.
40. Molaei M., Banihashem S.K. (2016). The relationship between marital satisfaction and the personality variables of the five-factor model // *International journal of humanities and social sciences*. V.1. P.1783-1790.
41. Molero F., Shaver P. R., Fernández I., Recio P. (2017). Attachment insecurities, life satisfaction, and relationship satisfaction from a dyadic perspective: The role of positive and negative affect // *European Journal of Social Psychology*. V.47. P. 337-347. doi: [10.1002/ejsp.2276](https://doi.org/10.1002/ejsp.2276).
42. Mondor J., McDuff P., Lussier Y. Wright J. (2011). Couples in Therapy: Actor-Partner Analyses of the Relationships Between Adult Romantic Attachment and Marital Satisfaction // *The American Journal of Family Therapy*. V.39(2). P.112-123. DOI: [10.1080/01926187.2010.530163](https://doi.org/10.1080/01926187.2010.530163)
43. Moser M.B., Johnson S., Dalglish T.L., Lafontaine M., Wiebe S., Tasca G. (2016). Changes in Relationship-Specific Attachment in Emotionally Focused Couple Therapy // *Journal of marital and family therapy*. V.42(2). P. 231-245.
44. Mousavi R. (2017). Relationship between Big Five Personality Factors Neuroticism, Extraversion, Agreeableness, Openness, Loyalty and Marital Adjustment // *Neuroquantology*. V.15. P.63-68.
45. Najarpourian S., Fatehizadeh M., Etemadi O., Ghasemi V., Abedi M., Bahrami F. (2012). Personality Types and Marital Satisfaction.
46. O'Leary K.D., Smith Slep A.M., O'Leary S.G. (2007). Multivariate models of men's and women's partner aggression // *Journal of consulting and clinical psychology*. V.75(5). P.752-764. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.75.5.752>
47. O'Meara S. (2019). Big Five Personality Domains and Relationship Satisfaction: Direct Ef-

- fects and Correlated Change Over Time Madison.
48. Ozmen O., Atik G. (2010). Attachment styles and marital adjustment of Turkish married individuals // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. V.5. P.367-371. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.106>.
49. Peterson R.A., Brown S.P. (2005). On the use of beta coefficients in meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. V.90. P.175-181.
50. Sayehmiri K., Kareem K.I., Abdi K., Dalvand S., Gheshlagh R. (2020). The relationship between personality traits and marital satisfaction: a systematic review and meta-analysis. *BMC Psychology*, 8.
51. Schaffhuser K., Wagner J., Lüdtke O., Allemand M. (2014). Dyadic longitudinal interplay between personality and relationship satisfaction: A focus on neuroticism and self-esteem // *Journal of Research in Personality*. V.53. P.124-133.
52. Suurmond R., van Rhee H., Hak T. (2017). Introduction, comparison and validation of Meta-Essentials: A free and simple tool for meta-analysis // *Research Synthesis Methods*. V.8(4). P.537-553. <https://doi.org/10.1002/jrsm.1260>.
53. Van Rhee H.J., Suurmond R., Hak T. (2015). User manual for Meta-Essentials: Workbooks for meta-analysis (version 1.4) Rotterdam. The Netherlands: Erasmus Research Institute of Management. Retrieved from <http://www.erim.eur.nl/research-support/meta-essentials>.
54. Verstaen A., Haase C.M., Lwi S.J., Levenson R.W. (2020). Age-related changes in emotional behavior: Evidence from a 13-year longitudinal study of long-term married couples // *Emotion*. V.20(2). P.149-163.
55. Xu H. (2017). Factors Affecting Marital Satisfaction among Chinese Newlyweds // *Journal of Psychology & Psychotherapy*. V.7. P.1-4.
56. Yoo H., Bartle-Haring S., Day R.D., Gangamma R. (2014). Couple communication, emotional and sexual intimacy, and relationship satisfaction // *Journal of sex & marital therapy*. V.40(4). P.275-293. <https://doi.org/10.1080/0092623X.2012.751072>
57. Yuspendi Y., Fun-Fun L., Maria C. (2015). Adult Attachment and Personality Traits and the Quality of Marriage of Husband and Wife Couples.

The article was received 20.10.2021

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала «Ученые записки Института психологии РАН» поздравляет замечательного российского психолога д.пс.н., профессора Виктора Михайловича Аллахвердова с юбилеем!

Профессор В.М. Аллахвердов является автором оригинальной теории сознания, которая переворачивает многие наши представления о том, как человек мыслит, чувствует и воспринимает окружающий мир.

В методологии науки профессор В.М. Аллахвердов разрабатывает подход, который называет радикальным когнитивизмом. В соответствии с этим подходом меняется традиционное представление о психике как совокупности психических процессов, свойств и состояний, теряет смысл выделение отдельных психических про-

цессов, а социальное объясняется через когнитивное.

В.М. Аллахвердов – активный участник заседаний Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН. Его яркие, острые и парадоксальные выступления коллеги всегда слушают с большим интересом и восхищением. Мы также поздравляем Виктора Михайловича с выходом в свет собрания его сочинений в 7-ми томах.

Редакция журнала
«Ученые записки Института психологии РАН»